

Фонд «Либеральная миссия»

НУЖНЫ ЛИ ИММИГРАНТЫ РОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ?

*Под редакцией
В.И. МУКОМЕЛЯ и Э.А. ПАИНА*

Москва 2006

Авторский коллектив:

Ж.А. Зайончковская (раздел I), *Л.Д. Гудков* (раздел II), *И.М. Кузнецов* (раздел III),
В.И. Мукомель (разделы IV, VII), *Э.А. Паин* (разделы V, VI).

Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. — 168 с.

В центре внимания авторов социально-экономическое развитие России, которое диктует устойчивый внутренний спрос на труд мигрантов и формирует специфику тех ниш в структуре рабочих мест, которые могут заполняться исключительно или преимущественно мигрантами, например по причине непривлекательности определенных видов занятий для местного населения. Кроме того, иммиграция может стать важнейшим фактором сдерживания естественной убыли населения Российской Федерации.

Однако, судя по социологическим опросам, в обществе существует массовое отторжение идеи о пользе иммиграции, и не только потому, что россияне недостаточно информированы о мнениях и доводах профессиональных экспертов. Еще большей преградой на пути к утверждению прагматизма в сфере миграционной политики становится нарастающая иррациональность массового сознания, которое заполняется стереотипами, страхами и фобиями, одной из которых является мигрантофобия.

Авторы подробно исследуют это явление, пытаясь ответить на вопрос, как конструируются мифы и в какой мере они могут быть опровергнуты анализом реального состояния общества, а также в какой мере сложившийся в России политический климат может препятствовать интеграции мигрантов в российское общество.

Книга не дает рецептов совершенствования миграционной политики и не определяет выбора ее стратегии. Однако она может стать одним из поводов для общественного обсуждения таких стратегий, поскольку стоящие перед страной вызовы слишком серьезны, чтобы оттягивать решение проблемы миграции или не придавать этой проблеме должного значения.

ISBN 5-903135-03-X

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
I. Иммиграция: альтернативы нет	7
Демографический контекст иммиграции	7
Альтернативные сценарии	13
Вероятные миграционные доноры	21
Регионы на миграционной карте России	27
II. «Россия для русских»: ксенофобия и антимигрантские настроения в России	31
Общие замечания	31
Распад СССР и динамика ксенофобии (1990–2005 гг.)	38
Природа ксенофобии и ее структурные особенности	48
Запретительный синдром массового сознания	57
«Россия для русских»	62
Ксенофобия и политические ориентации населения	67
Параметры социальной дистанции. Замеры 2005 года	70
Резюме	76
Приложения	77
III. Интеграционный потенциал мигрантов	79
Альтернативы адаптации иммигрантов	79
«Добро пожаловать в анклав»	82
Как формируется стереотип «лица кавказской национальности» в СМИ	88
Приложения	95
IV. В поисках козлов отпущения: мифы об этнических мигрантах	100
Артикуляция мифов	102
Типичные мифы и реальность	104
Рациональные аргументы versus веры	112
V. Конструирование мифов	114
Из истории конструирования мифов	114
Как это делается сейчас	116
VI. Специфика социально-политических проблем интеграции мигрантов в российское общество	124
Несбывшиеся надежды	124
Российская специфика глобальной проблемы	126
Имперское наследие как преграда этнополитической интеграции общества	128
Авторитарно-бюрократическая политика и ее влияние на этнокультурную дезинтеграцию	136
Неустранимость пороков имперской модели межэтнического общежития и необходимость перехода к гражданской модели культурной интеграции	142
VII. Социокультурные ограничения миграционной политики	150
Влияние исторического опыта и традиций	151
Особенности общественного сознания	152
Специфика формирования социальной модели современного общества	155
Резюме	164

ВВЕДЕНИЕ

Массовые потоки иммигрантов из государств нового и традиционного зарубежья стали неотъемлемым компонентом социально-политической и экономической жизни постсоветской России. Они же порождают спектр проблем, приобретающих все более острый характер и проявляющихся буквально во всех сферах жизни российского общества.

Можно выделить два основных типа проблем иммиграции, которые носят глобальный характер и обладают существенным конфликтным потенциалом: экономические, вызванные притоком новых рабочих рук, и социокультурные, обусловленные контактами представителей различных народов и культур. Известный социолог П. Штомпка рассматривает антимигрантские настроения как проявление поднимающейся в мире «третьей волны социальных движений против глобализации». При этом самые резкие протесты «пока концентрируются главным образом на экономических проблемах, но с уверенностью можно сказать, что в недалеком будущем они соединятся с поднявшимся еще раньше, хотя и не в столь бурных формах, движением в защиту местных культур»¹.

И на территории России в процессы миграции все более активно вовлекаются представители различных этнических групп как стран СНГ, так и государств традиционного, «дальнего», зарубежья. Эти потоки влекут за собой изменение этнического состава России и рост этнокультурного разнообразия отдельных территорий. Последствия подобных изменений неоднозначны, однако сегодня они, безусловно, способствуют росту конфликтного потенциала и напряженности между местным населением и иммигрантами, которые по расовым, конфессиональным, социально-экономическим и социокультурным параметрам зачастую существенно отличаются от принимающего населения.

Мало кто сегодня сомневается в необходимости регулирования иммиграции. Проблема состоит в поиске разумного баланса между максимизацией выгоды от притока иноэтничных мигрантов и минимизацией неизбежных социальных рисков. Это проблема является центральной и для книги, которую мы выносим на суд читателей.

Ее авторы пытаются дать свои ответы на вопросы, которые сегодня обсуждаются в обществе, начиная с возможности и целесообразности запретительных мер, нацеленных на приостановку или хотя бы значительное уменьшение притока мигрантов, и кончая оценкой осуществимости альтернативных форм решения проблемы рабочей силы в духе популярных ныне лозунгов: платить достойно местному населению, механизировать труд — и не будет нужды в гастербайтерах. Не вступают ли такие идеи в противоречие с функциониру-

¹ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. — М.: Логос, 2005. С. 259.

нием социальных и экономических институтов современной России, а главное с ее потребностью в рабочей силе?

В центре внимания авторов — социально-экономическое развитие России, которое диктует устойчивый внутренний спрос на труд мигрантов и формирует специфику тех ниш в структуре рабочих мест, которые могут заполняться, исключительно или преимущественно, мигрантами, — например, по причине непривлекательности определенных видов занятий для местного населения.

Российская общественность все еще плохо информирована о реальной потребности страны в притоке мигрантов не только для решения задач занятости, но и для восполнения нарастающей убыли трудоспособного населения, депопуляции, влекущей за собой серьезные проблемы функционирования армии, здравоохранения, образования, социального обеспечения.

В связи с этим слабо осознаются российским обществом долгосрочные последствия снижения численности населения и трудовых ресурсов, таких как увеличение возраста выхода на пенсию, снижение уровня социального обеспечения, ухудшение качества здравоохранения, повышение срока военной службы и доли призывников, призываемых в армию, сокращение сроков обучения. Между тем все это затрагивает практически каждую российскую семью.

Именно иммиграция может стать важнейшим элементом сдерживания естественной убыли населения Российской Федерации, значимым источником восполнения потерь населения России в трудоспособных возрастах, поддержания потенциала экономического развития, особенно на региональном уровне.

Однако массовое отторжение идеи о пользе иммиграции связано не только, да и не столько, с недостаточной информированностью россиян о мнениях и доводах профессиональных экспертов. Еще большей преградой на пути к утверждению прагматизма в сфере миграционной политики выступает нарастающая иррациональность массового сознания. Оно заполняется стереотипами, страхами и фобиями, одной из разновидностей которых является мигрантофобия.

Изучению тенденций и природы этого явления посвящена значительная часть книги. На основе социологических исследований, проведенных в рамках проекта, финансируемого Фондом «Либеральная миссия», авторы делают попытку выявить основные стороны мигрантофобии: неизбежно присущие любому социальному обществу, присущие именно российскому обществу в условиях его адаптации к новым постсоветским условиям и, наконец, «рукотворные» проявления мигрантофобии, связанные с конструированием мифов о мигрантах различными политическими силами, бизнесом, прессой, системой образования и культуры. Для формирования политики интеграции мигрантов в российское общество чрезвычайно важны и отраженные в книге вопросы о распространенности мигрантофобии в разных социальных группах, а также о причинах различий в подверженности мигрантофобии.

Как конструируются мифы и в какой мере они могут быть опровергнуты анализом реального состояния общества? И на эти вопросы пытаются ответить авторы книги, показывая, что социальные последствия складывающихся ныне взаимоотношений принимающего населения и иноэтничных мигрантов становятся все более тревожными. Изоляция иноэтничных мигрантов, формирование субкультурных мигрантских анклавов в принимающей среде, в том числе территориальных, приобретает масштабы, угрожающие социально-экономической и политической стабильности, особенно на локальном уровне. Существует серьезная опасность, что становящиеся обыденными дискриминационные практики взаимоотношений принимающего населения с иностранными гражданами начнут распространяться на российских граждан, не принадлежащих к этническому большинству или традиционным для данной местности меньшинствам.

На основе социологических исследований в книге анализируется адаптационный потенциал мигрантов. Слабая включенность иноэтничных мигрантов в повседневный культурный контекст принимающей стороны, отсутствие у них потребности следовать общепринятым образцам и традициям или незнание этих образцов и традиций, а также специфика исторического опыта, традиции межкультурного взаимодействия разных групп мигрантов — все это составляет важную часть проблем интеграции мигрантов в российское общество.

При формировании и реализации миграционной политики крайне важен общий политический контекст развития страны. Авторы пытались определить, в какой мере сложившийся в России политический климат может выступать препятствием на пути к интеграции мигрантов в российское общество.

Миграционная политика подвержена политической конъюнктуре, игнорирующей среднесрочные и долгосрочные вызовы и угрозы социально-политической стабильности. Для того чтобы оградить политику в области миграции от популистских политических требований, необходимы общественные дебаты, социальный диалог, координация интересов и усилий всех секторов общества, способные привести к консенсусу относительно целей, задач и приоритетов миграционной политики. Пока в обществе такой консенсус отсутствует. Между тем стоящие перед страной вызовы слишком серьезны, чтобы оттягивать решение проблемы миграции.

Предлагаемая читателям книга не дает рецептов совершенствования миграционной политики и не определяет выбора ее стратегии. Однако мы надеемся, что она может стать одним из поводов для общественного обсуждения таких стратегий.

Авторы благодарят Фонд «Либеральная миссия», инициировавший исследования и поддержавший настоящее издание. Особая признательность — руководителю Фонда Е.Г. Ясину и И.М. Клямкину, принимавшим самое деятельное участие в подготовке книги.

I. ИММИГРАЦИЯ: АЛЬТЕРНАТИВЫ НЕТ

По мере того как с угрожающей неотвратимостью приближается напоминающая обвал естественная убыль трудового потенциала страны, накаляются страсти вокруг иммиграции. С одной стороны, все шире распространяется осознание ее необходимости. С другой — разрабатываются убаюкивающие, сглаживающие остроту проблемы решения, доказывающие, что можно пролезть, подобно верблюду, через игольное ушко. С третьей стороны, набирает силу противодействие иммиграции со стороны населения и ряда политических группировок, так что идея рискует остаться без общественной поддержки. Недавние выборы в Московскую городскую Думу, выборы в других регионах показали, что иммиграция, отношение к «чужим» вновь становится разменной монетой выборных кампаний, предметом политических спекуляций и разжигания агрессивного отношения к мигрантам. Данный раздел — попытка доказать, что иммиграция — это неременное условие успешного развития России в будущем.

Демографический контекст иммиграции

Проблема иммиграции возникла в тесной связи с демографическим кризисом и рассматривается как одна из главных мер по его преодолению. Как известно, население России быстро сокращается. Своего максимума — 148,3 млн. человек, оно достигло в 1992 г. Согласно последней переписи, в конце 2002 г. его численность составила 145,2 млн. человек, то есть за десятилетие население страны стало меньше на 3,1 млн. человек, или на 2,1%. Через 2 года, к началу 2005 г., страна недосчиталась еще 1,7 млн. человек, а ее население уменьшилось до 143,5 млн. человек. Общее сокращение, таким образом, составило 3,2%.

Столь быстрое сокращение численности населения — явление уникальное в мире. Этим, кроме России, до настоящего времени отличались только Болгария (сокращение населения к 2003 г. на 17%), страны Балтии (на 10% вместе), Украина (на 8%) и Румыния (на 7%). За ними следует Россия. Сокращение населения ни в одной другой стране мира пока не носило систематического характера, а случающиеся иногда спады были кратковременными, эпизодическими и не выходили за пределы 0,1–0,2% (например, Великобритания, Венгрия).

Сокращение населения России произошло на фоне беспрецедентного миграционного прироста, полученного ею после распада СССР. Согласно переписи, в 1989–2002 гг. Россия увеличила свое население за счет миграции на 5,6 млн. человек. Это в 2,3 раза больше, чем за аналогичный

по продолжительности предшествующий 14-летний период, в течение которого Россия получила 2,4 млн. человек чистого миграционного прироста (с 1975 г., когда начался приток населения в Россию, по 1988 г. включительно).

Но даже такого миграционного прироста было недостаточно для того, чтобы перекрыть естественную убыль населения России. В 1992–2004 гг. естественная убыль составила 10,5 млн. человек, в том числе за межпереписной период 1989–2002 гг. — 7,4 млн. человек. Нетто-миграция возместила только 75% этой убыли (табл. 1.1).

Таблица 1.1. Население России и компоненты его роста за период 1989–2002 гг., млн. чел.

Численность населения	
1989 г. (на 12 января)	147,0
2002 г. (на 9 октября)	145,2
Сокращение численности населения за 1989–2002 гг.	–1,8
Естественная убыль,	–7,4
в том числе:	
родилось	+20,5
умерло	–27,9
Миграционный прирост,	+5,6
в том числе:	
прибыло в Россию	+11,0
выбыло из России	–5,4

Нисходящий демографический тренд прогнозируется для России вплоть до середины века. Согласно среднему варианту прогноза Росстата, рассчитанному от базы переписи 2002 г., население России к 2026 году уменьшится до 137 млн. человек. Этот вариант исходит из довольно оптимистических ожиданий в отношении рождаемости и очень осторожных оценок средней продолжительности жизни. Подъем суммарного коэффициента рождаемости прогнозируется с 1,2 ребенка на 1 женщину в 2000 г. до 1,65 в 2025 г. При этом общий коэффициент рождаемости в расчете на 1000 человек будет расти до 2015 г., а затем начнет снижаться из-за изменений в возрастной структуре населения (8,7 промилле в 2000 г., 12,0 промилле в 2015 г. и 9,8 промилле в 2025 г.).

Увеличение средней продолжительности жизни мужчин к 2026 г. предполагается до 62 лет, женщин — до 75 лет. Снижения же коэффициента смертности на 1000 человек не ожидается из-за общего постарения населения. В результате баланс рождений и смертей почти не изменится. Естественная убыль населения несколько понизится к 2015 г. (с 5,4 человек в 2006 г. до 4,5 в 2015 г. на 1000 человек), затем новый рост к 2025 г. (до 6,9).

Рассматриваемый вариант прогноза Росстата исходит также из увеличения чистой иммиграции в Россию со 175 тыс. человек в среднем за год в 2006–2010 гг. до 415 тыс. человек в 2025 г. против менее чем 100 тыс. человек в 2002–2004 гг. Если же будут пролонгированы современные тенденции составляющих роста населения, его численность может упасть до 125 млн. человек к концу первой четверти нашего века¹.

К середине века при отсутствии миграционного прироста, но при определенном прогрессе в отношении рождаемости и средней продолжительности жизни население России может сократиться до 100 млн. человек (прогноз ООН). Экстраполяционные тренды рождаемости и смертности приводят даже к 80 млн. человек (прогноз Центра демографии и экологии человека ИНП РАН)². Таким образом, угроза затяжной депопуляции для России крайне серьезна и абсолютно реальна.

До сих пор, однако, процесс депопуляции не затрагивал трудоспособные возрастные контингенты. Напротив, на фоне нисходящей тенденции общей динамики населения численность его трудоспособной части росла, причем весьма заметно. Столь благоприятно складывалось в последние годы соотношение входящих в трудоспособный возраст и выходящих за его пределы поколений. В 2006 г. этот рост заканчивается. Затем начнется стремительная естественная убыль трудоспособного населения, сравнительно небольшая в 2007 г. — около 300 тыс. человек, но уже в следующем году — вдвое большая, а в 2010–2018 гг. сокращение превысит 1 млн. человек в год (рис. 1.1). В сумме в период до 2026 г. естественная убыль трудоспособного населения достигнет более 18 млн. человек. Если сравнить полученную величину с численностью занятых в экономике России, составляющей 67 млн. человек, чрезвычайная серьезность ситуации становится очевидной. Это дает основание утверждать, что в ближайшей перспективе труд будет одним из самых дефицитных, если не самым дефицитным ресурсом в России.

Именно столь резкое сжатие трудоресурсного потенциала обуславливает необходимость существенного увеличения иммиграции для его восполнения, поскольку невозможно за короткое время обеспечить адекватный рост производительности труда.

Сколько же может потребоваться иммигрантов? Заметим, что уже в настоящее время в условиях, когда численность трудоспособного населения увеличивается, в экономике явно ощущается дефицит труда.

¹ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года. Стат. бюлл. / Федеральная служба государственной статистики. — М., 2005. С. 8, 116.

² Население России. 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; Центр демографии и экологии человека. — М., 2004. С. 187–188.

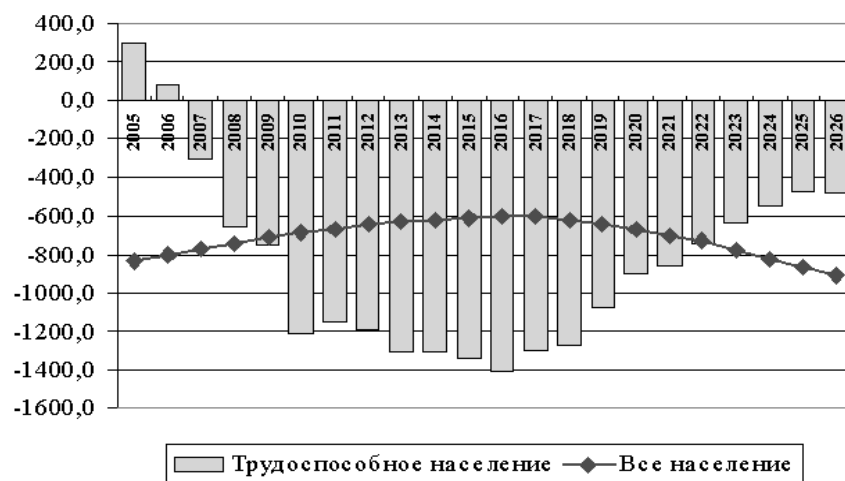

Рис. 1.1. Естественная убыль населения России в 2005–2026 гг. при отсутствии иммиграции, тыс. человек³

В ходе репрезентативного исследования он был отмечен на 42% предприятий⁴.

Еще совсем недавно утверждение, что труд в России будет в большем дефиците, чем инвестиции, наталкивалось на скептические усмешки слушателей. А сейчас в Москве встречается зазывающая работников реклама, которая начинается так: «У нас много денег, но нет людей». Напряженность рынка труда, ощущаемая уже в современных условиях, указывает, что при прогнозах следует исходить из необходимости полного возмещения убыли трудоспособного населения.

Население в трудоспособном возрасте составляет около 2/3 миграционного потока. Исходя из этой пропорции для полного возмещения естественных потерь трудоресурсного потенциала России в предстоящие два десятилетия потребовалось бы более 25 млн. иммигрантов. Подчеркнем, что речь идет о чистой миграции, то есть о миграционном приросте, разнице между количеством прибывших и выбывших, входящий же поток должен быть еще больше. Такая огромная иммиграция едва ли может быть обеспечена даже при самой активной и либеральной миграционной политике, не говоря уже о том, что она

³ Расчеты Е.М. Андреева.

⁴ См.: Гимпельсон В.Г. Дефицит квалификации и навыков на рынке труда: недостаток предложения, ограничения спроса или ложные сигналы работодателей? Препринт / ГУ — Высшая школа экономики. — М., 2004. С. 36.

чревата дестабилизацией социальной обстановки. Вместе с тем приведенный расчет хорошо иллюстрирует масштаб и остроту проблемы.

Отсюда следуют несколько очевидных выводов. Во-первых, требуется переориентация миграционной политики страны. Если в первой половине и в середине 1990-х годов миграционная политика акцентировалась на вынужденной миграции, а в конце 1990-х и начале 2000-х — на миграционном контроле и ограничении въезда в страну, то теперь ее стержнем должна стать иммиграция. Перспективная миграционная политика России — это прежде всего иммиграционная политика.

Во-вторых, вырисовывающиеся масштабы необходимой иммиграции приводят к заключению, что Россия в первой половине XXI века должна стать одним из самых миграционно аттрактивных государств на земле. В 1990-е годы она была таковой, заняв, как показала перепись 2002 г., по притяжению иммигрантов третье место в мире, после США и Германии. За 1989–2002 гг. в Россию прибыло 11 млн. иммигрантов, или 781 тыс. человек в среднем за год против 865 тыс. человек в Германию и 924 тыс. человек в США. По коэффициентам же иммиграции, рассчитанным на 10 000 жителей, Россия с коэффициентом 54 оказывается впереди США (32), но очень сильно уступает Германии (142). В предшествующий, равный по протяженности период 1975–1988 гг., Россия приняла еще больше мигрантов — 13 млн. человек. Таким образом, высокая абсорбционная способность России уже подтверждена прошлым опытом: за 28 лет она приняла 24 млн. иммигрантов. В дальнейшем примерно такое же количество необходимо принять за 20 лет для поддержания численности населения страны на стабильном уровне (при параметрах естественного движения, принятых в среднем варианте прогноза Росстата). Ускорение существенное. Но не «космическое» по сравнению с прошлым опытом.

Входной поток таких размеров может обеспечить миграционный прирост населения в 700–800 тыс. человек в год. Хотя в новейшей истории России был прецедент, когда миграционный прирост поднимался до 800 тыс. человек (1994 г.), едва ли реально рассчитывать на такую иммиграцию в течение длительного времени.

В-третьих, даже столь высокий приток иммигрантов, поддерживающий на стабильном уровне общую численность населения, не способен полностью компенсировать естественную убыль его трудоспособной части. Таким образом, экономика России в рассматриваемой перспективе неизбежно будет функционировать в условиях дефицита труда.

В-четвертых, в рассматриваемой перспективе миграция приобретает, без преувеличения, судьбоносное значение для России. От того, насколько страна справится с задачей привлечения необходимого количества иммигрантов, зависят темпы ее экономического развития, уровень жизни населения, социальный климат, региональные пропорции развития, размеры страны и ее целост-

ность. Справляемся мы или нет, будет ясно уже в течение предстоящего десятилетия.

Обозначившийся в минувшем году разворот миграционной политики России в сторону создания более благоприятных, как того потребовал президент, условий для приема иммигрантов, свидетельствует об адекватной, пусть и запоздалой, реакции федеральной власти. Уже сделаны первые шаги в направлении облегчения процедур правового оформления иммигрантов, легализации незаконных мигрантов и либерализации законодательства.

Для того чтобы доказать необходимость проведения иммиграционной политики для развития страны, ушло целое десятилетие, в течение которого миграционная политика становилась все более полицейско-ограничительной. Закон о пребывании иностранцев, принятый в 2002 г., возвел труднопреодолимые барьеры на пути иммигрантов, миграционный прирост резко упал. Правда, судя по результатам переписи, не столь значительно, как можно судить по текущему учету (рис. 1.2), но распределение добавочных мигрантов по годам спорно. Нисходящая тенденция, скорее всего, более крутая, а фактический тренд, вероятно, лежит посередине между учетным и переписным. В течение двух лет после переписи миграционный прирост продолжает удерживаться на крайне низком уровне, как бы подтверждая данное предположение.

Вообще же, депопуляция населения России, в том числе естественная убыль трудоспособного населения, предвиделись еще в 1980-е гг. Но тогда де-

Рис. 1.2. Миграционный прирост населения России, 1970–2004 гг., тыс. человек

демографические прогнозы не могли быть обнародованы в открытой печати, доступ к ним ограничивался «служебным пользованием». При таком положении невозможно было своевременно подготовить общество к современной ситуации. Девяностые годы создали длительный провал в системе прогнозирования, так как был ликвидирован Госплан, отвечавший за соответствующие разработки. Поэтому для нового поколения управленцев, равно как и для населения, нынешняя ситуация оказалась неожиданной, зачастую шоковой. Она начала осознаваться, когда страна вплотную подошла к трудовому обвалу, когда депопуляция затронула армию, систему образования и поставила ребром вопрос о пенсиях.

В общественном мнении нет согласия по поводу иммиграции. Несмотря на официальное признание, иммиграционная концепция развития России постоянно подвергается атаке. К сожалению, дискуссии акцентируются на рисках, в то время как суть проблемы, ее экономическая подоплека, причины, почему невозможно обойтись без масштабной иммиграции, даже не обсуждаются. Раздувается антимигрантская истерия, и «нашествие пришельцев с юга и востока» — главная ее мотивация. Почвенники и националисты озабочены судьбой русских. «Россия останется без русских?»⁵, «Мигранты завоюют Россию?»⁶, «Народным единством — по инородному»⁷ — эти заголовки говорят сами за себя. В пылу предвыборной борьбы дело дошло до публичных оскорблений и унижений мигрантов, продемонстрированных на ТВ в агитроликах «Родины». Стоит упомянуть в этой связи и «марш против оккупантов» 4 ноября 2005 г., организованный «национал-патриотами».

Альтернативные сценарии

В условиях демографического кризиса теоретически возможны два принципиально различных сценария развития событий.

Сценарий *без иммиграции*, ориентирующийся только на собственное население (схема 1.1). Этот сценарий предполагает функционирование экономики в условиях сокращения численности населения и трудовых ресурсов. Поскольку трудовые ресурсы будут сокращаться стремительно, развитие трудосберегающих технологий не сможет происходить так же быстро, чтобы полностью или хотя бы в значительной части компенсировать это падение. Поэтому в таких условиях экономический спад представляется неизбежным. Даже довольно амбициозные проекты роста производительности труда —

⁵ Комсомольская правда. 2005. 4 мая.

⁶ Мир новостей. 2005. 7 июня.

⁷ <http://www.politcom.ru/2005/mnenia286.php>

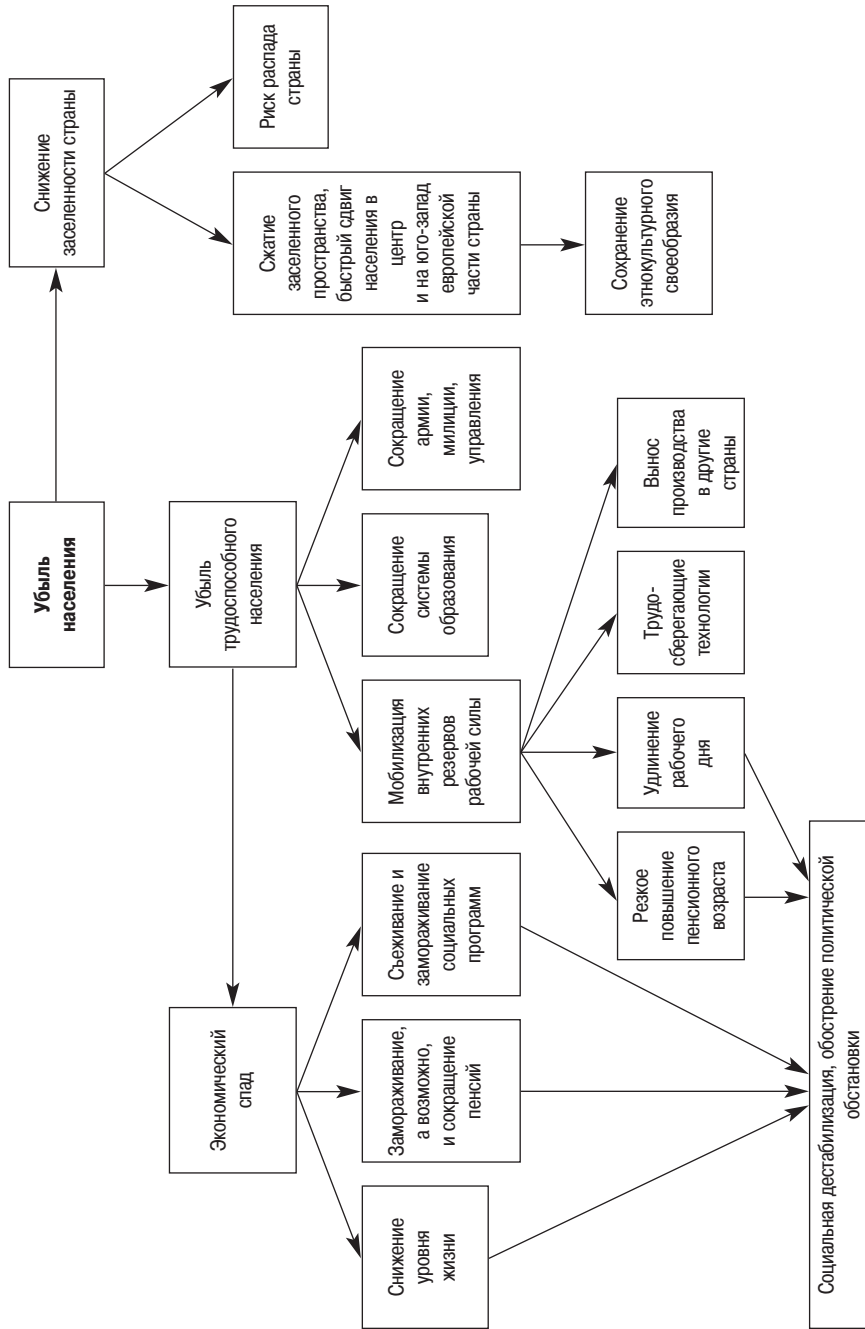

Схема 1.1. Сценарий без миграции

на уровне 7,2% годовых — приводят к потерям ВВП, превышающим 10 трлн. рублей в период до 2020 г. из-за дефицита трудовых ресурсов в случае, если он не будет восполнен иммиграцией⁸. Более того, чем выше темпы экономического роста, тем больше дополнительная потребность в работниках. По имеющимся прогнозам при пролонгировании текущих тенденций роста ВВП страны в период до 2015 г. потребуется на 5–6 млн. больше работников, чем сейчас, а при повышении годовых темпов роста до 7% — уже на 7 млн. человек больше⁹.

Экономический спад влечет за собой падение уровня жизни — доходов и зарплаты, замораживание, а возможно и сокращение пенсий, съезживание социальных программ. Для возмещения убыли трудоспособного населения придется прибегнуть и к таким непопулярным мерам, как резкое повышение пенсионного возраста, удлинение рабочего дня, относительное сокращение очного образования. Сокращаются как людские, так и экономические возможности поддержки институтов, обеспечивающих безопасность страны — армии и милиции, всей системы государственного управления.

Чем чревато скачкообразное сокращение трудовых ресурсов, можно представить не только теоретически, но и зримо, оглянувшись на опыт СССР первой половины 1960-х гг., когда в СССР естественный прирост трудоспособного населения уменьшился в два раза. Хотя тогда до естественной убыли дело не дошло, все равно потребовались чрезвычайные меры, чтобы экономика могла проскочить демографический провал. Среди них — сокращение армии и ликвидация 11-го класса школы, вследствие чего рынок труда получил как бы удвоенное пополнение молодежью. Многие виды деятельности (например, уборка аудиторий в институтах) были переведены на самообслуживание. За счет этого были резко сокращены охрана и обслуживающий персонал. Но самыми болезненными были меры по ограничению личного подсобного хозяйства: запрет на содержание коров в крупных городах, увеличение налогов.

Рассчитывали на привлечение на работу женщин, занятых в личном хозяйстве, но эффект оказался незначительным. В малых городах, где занятость в данной сфере экономики была высока, не было рабочих мест, в больших же городах ресурсы были невелики. Зато получили эффект, которого совсем не ожидали. Ограничения на содержание скота в личной собственности при-

⁸ См.: Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Кузнецов В.Н., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Стратегия демографического развития России / РАН. Ин-т социально-политических исследований. — М., 2005. С. 84–87.

⁹ Из доклада Е.Л. Юрьева «Проблемы развития российского рынка труда в контексте демографического кризиса». — М., 2005. Цит. по: Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналитический доклад / Под ред. С.Н. Градиловского. — М.: Фонд «Наследие Евразии»; Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа, 2005. С. 125.

вели к тому, что население вырезало скот, и страна сразу же оказалась без мяса. С тех пор мясной голод стал перманентным вплоть до рыночных реформ. Падение прироста трудовых ресурсов стало основным мотивом для закона, разрешающего работающим пенсионерам получать и пенсию, и зарплату. Занятость пенсионеров, естественно, возросла. Правда, как часто у нас бывает, введен этот закон был тогда, когда особой нужды в нем уже не было: страна начала выходить из ложбины на гребень трудоресурсной демографической волны. Гребень потребовал своих специфических мер: была сокращена рабочая неделя, введено два выходных дня, удлинены декретные отпуска и отпуска по уходу за ребенком, расширен прием студентов, вновь увеличена армия.

Вероятно, были и другие меры, но и из этого перечня ясно, что демографические волны не проходят бесследно для населения, непосредственно затрагивая его интересы. В силу существовавших в СССР цензурных ограничений, население не было информировано должным образом об изменениях конъюнктуры на рынке труда и не соотносило соответствующие меры с демографической ситуацией. Поэтому населению и сейчас трудно согласиться с неизбежностью перемен.

Чаше всего надежды, связанные с экономией труда, возлагаются на трудосберегающие технологии — технический прогресс, рост производительности труда. Действительно, здесь у нас большие резервы, но мобилизовать их за короткое время трудно, так как это сопряжено с техническим перевооружением производства и общим повышением культуры труда. Кроме того, обычно упускается из виду, что технический прогресс позволяет экономить рабочую силу главным образом в материальном производстве, больше всего в промышленности. Сфера же услуг за счет своего расширения и усложнения непрерывно наращивает потребность в работниках, так что дополнительный спрос в этой сфере перекрывает экономию, полученную в первой, что наглядно демонстрируют западные страны.

Следовательно, болезненные радикальные меры неизбежны в случае, если Россия решит обойтись без иммиграции. Ясно, что это угрожает серьезной социальной дестабилизацией, крайним обострением политической обстановки. Помимо этого, отсутствие иммиграции чревато снижением заселенности страны, сжатием заселенного пространства, сдвигом населения в центр и на юго-запад Европейской России, что может привести к распаду страны¹⁰. Единственный выигрыш данного сценария — возможность сохранить в неприкосновенности этнокультурное своеобразие и «генетическую чистоту» русского народа. Но не слишком ли дорогой ценой?

Посмотрим теперь, какие эффекты и риски сулит сценарий *замещающей иммиграции* (схема 1.2).

¹⁰ См.: Зайончковская Ж.А. Миграция в разном масштабе времени / Центр проблем вынужденной миграции в СНГ; Независимый исследовательский совет по миграции стран СНГ и Балтии. Науч. доклады. — М., 1999. Вып. 1.

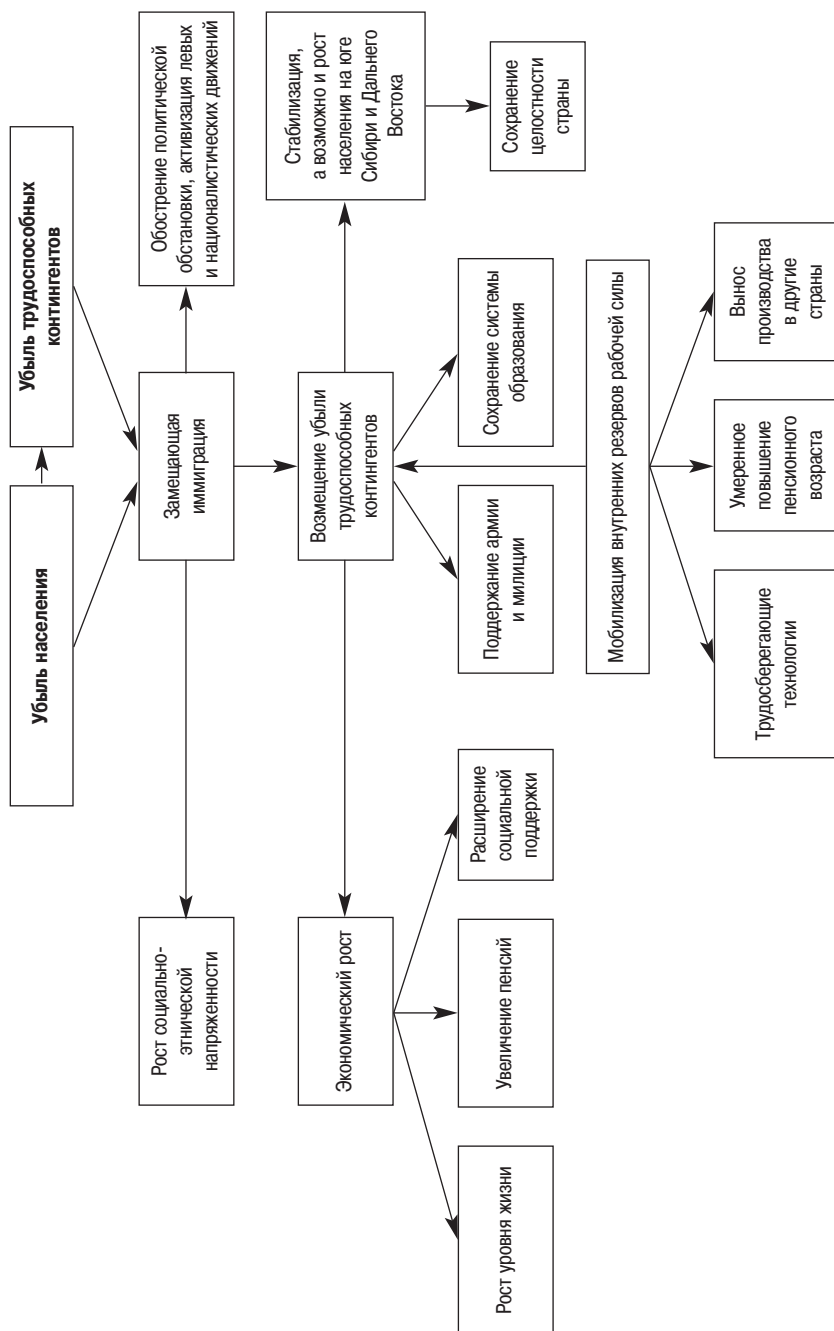

Схема 1.2. Сценарий замещающей иммиграции

Приток рабочей силы позволяет обеспечить дальнейший экономический рост, а следовательно повышение уровня жизни, увеличение пенсий, более широкие возможности социального обеспечения, сохранение системы образования, поддержание в стабильном состоянии армии и милиции. Иммиграция также является необходимым условием укрепления геополитического положения страны, повышения вероятности сохранения ее целостности благодаря стабилизации населения вдоль российско-китайской границы.

Но и данный сценарий не лишен рисков. Сопряженное с иммиграцией увеличение этнокультурного разнообразия создает предпосылки для усиления напряженности, возможно, и конфликтов на этнокультурной почве, активизации националистических движений, обострения политической борьбы. Бунтарские выступления молодых потомков иммигрантов во Франции ярко продемонстрировали социальные риски, сопряженные с масштабной инокультурной иммиграцией. Безусловно, нечто подобное может случиться и у нас.

Как видим, ни тот, ни другой сценарий не обещают безмятежного существования, оба ведут к росту социальной напряженности и обострению политической обстановки, но по разным причинам и по разным «линиям разлома».

В условиях масштабной иммиграции (сценарий 2) политическая борьба будет разворачиваться вокруг этнического фактора и опираться на раздувание мигрантофобии. При отсутствии иммиграции борьба, в которой объединятся все слои общества, будет идти против снижения уровня жизни, практически неизбежного.

Оба сценария экстремальные, пригодные скорее для теоретического анализа. Вместе с тем их противопоставление с очевидностью доказывает, что ориентация только на собственные демографические ресурсы — тупиковый путь. И все же эти сценарии неравноценны. Сценарий без иммиграции, кроме того, несет еще риски падения уровня жизни, ухудшения пенсионного обеспечения, рост бедности. Эти очевидные и крайне болезненные последствия стремительного сокращения численности трудоспособного населения, к сожалению, всегда остаются вне дискуссионного поля. А ведь они-то и есть настоящие «страшилки», не говоря уже о проблеме целостности страны. В результате едва ли можно всерьез рассматривать сценарий, ориентированный исключительно на собственные ресурсы, в качестве альтернативы иммиграционному сценарию.

Реальная жизнь, естественно, не может следовать в точности какому-либо из сценариев, она пройдет между ними, но все же приближенно к иммиграционному варианту. Население само поддержит именно его, как только поймет, что на другой чаше весов находится отсутствие перспектив для роста благосостояния.

Иммиграционный сценарий тоже предполагает мобилизацию внутренних резервов рабочей силы, но он позволяет избежать травмирующего общества

мер, подобных удлинению рабочего дня и др. Обратим внимание на такой непривычный для России путь, как вынос производства в другие страны, на котором пока что нет приметных успехов. Между тем все развитые страны давно идут по этому пути. Первоначальный толчок выносу производства дал именно дефицит труда в собственной стране. Передислокация производства не только сокращает, соответственно, потребность в иммигрантах, но и позволяет высвободить рабочую силу в пользу третичного и четвертичного секторов. На это приходится слышать возражения, что России, дескать, нечего выносить. Может быть, сейчас и нечего, но пора задуматься, в какой степени и в каком ассортименте нам следует развивать легкую промышленность и производство ширпотреба у себя дома. Не лучше ли производить товары своих брендов в странах с более дешевым трудом? Получается двойная выгода: более дешевый товар и сокращение иммиграции.

Некоторые оппоненты отстаивают приоритет повышения рождаемости перед иммиграцией. Иммиграцию они считают не объективно обусловленной потребностью страны, а досужей выдумкой «либеральных общечеловеков»¹¹, «заказной и, вероятно, хорошо проплаченной кампанией»¹², происками иностранных организаций и фондов, «которые проводят прямо противоположную нашим интересам линию демографической политики»¹³.

Оставим за рамками данной статьи споры по поводу возможностей повышения рождаемости. Допустим, что в нашей стране, вопреки мировому опыту, усилия государства увенчаются успехом и рождаемость заметно поднимется. Но как прожить предстоящие 20 лет, пока родившиеся подрастут и в массе вольются в рынок труда? 20 лет, это если рождаемость начнет быстро повышаться прямо «завтра», а скорее всего придется ждать и все 30 лет. Как в эти десятилетия обеспечить «улучшение качества жизни» и найти средства для стимулирования рождаемости и оздоровления населения? Кто заработает эти средства? Такими вопросами противники иммиграции себя не утруждают, очевидно, полагая, что экономика как-то «выкрутится».

Склонен к противопоставлению разных направлений демографической политики и председатель Совета Федерации Сергей Миронов. По его мнению, «вполне реально добиться, чтобы к 2050 г. в России жили не 100, а 250 млн. человек», при этом привлечение рабочей силы из-за рубежа рассматривается «только как экстренная мера краткосрочного плана»¹⁴. Основные же надежды связаны с повышением рождаемости. Подобные прожекты создают опасную

¹¹ По выражению В.А. Башлачева (Информационно-аналитическая сеть по проблемам прав и свобод человека).

¹² Крупнов Ю. Против нас ведется операция «Мигранты спасут Россию» // Русская национальная община на Святой Земле: Информационный бюллетень. № 56 (10.10.2005–23.10.2005).

¹³ Белобородов И. Русских хоронить рано // RBC Daily. 2005. 28 июня.

¹⁴ Российская газета. 2005. 28 апр.

иллюзию легкой достижимости демографических целей и полной управляемости процессом. Тем самым отвлекается внимание от мер по обеспечению иммиграции — не просто насущной, а жгучей проблемы. По-видимому, подразумевается, что приток населения в Россию зависит только от ее желания и обеспечить его легко. Это глубокое заблуждение. Насколько мы не подготовлены к успешному решению миграционных проблем, показывает проводящаяся сейчас кампания по легализации, в ходе которой мигрантов чаще выдворяют, чем наделяют правами.

Хотелось бы рассмотреть еще один из распространенных контрдоводов против иммиграции. Вот как он звучит в устах Анатолия Иванова, депутата Госдумы: «Те средства, которые придется затратить на обустройство иностранных рабочих с семьями, лучше потратить на улучшение условий российских трудящихся»¹⁵. Или такой пассаж: «...приедут, допустим, 300 тыс. иммигрантов. Им же будут нужны квартиры и дома. Где взять это жилье, как его и за какие деньги произвести?»¹⁶

Патерналистский взгляд на миграцию ошибочен в принципе. Мигранты — не иждивенцы, они сами зарабатывают и сами, как и местные жители, должны заботиться о своем обустройстве, за исключением немногочисленных вынужденных мигрантов, нуждающихся в помощи. В пользу самостоятельности мигрантов говорит и недавний опыт нашей страны: в течение 1990-х лишь около 350 тыс. человек из 11 млн. прибывших получили какое-либо содействие от государства в жилищном обустройстве: 17,3 тыс. семей беженцев и вынужденных переселенцев (54,5 тыс. человек) были обеспечены жильем и 92,5 тыс. семей (около 300 тыс. человек) получили беспроцентные ссуды на жилье в рамках Федеральной миграционной программы. Остальные 97% мигрантов решали свои проблемы сами и, кроме того, строили жилье для россиян, так как это одна из наиболее распространенных и емких ниш мигрантского труда, на которую россияне не претендуют. Представления о потребительстве мигрантов отнюдь не безобидны. Они разжигают у принимающего сообщества мигрантофобию, создавая мираж повышенного внимания к «чужим» в ущерб «своим».

Разумеется, это не означает, что государство может отстраниться от решения проблем мигрантов. Но от государства требуется не прямая помощь приездом, а создание рамочных условий для их приема и интеграции. В компетенции государства могли бы быть: разработка адекватного законодательства по приему мигрантов — их регистрации, предоставлению вида на жительство, гражданства; регулирование порядка трудового найма мигрантов; развитие рынка жилья; установление партнерских отношений со странами — донорами рабочей силы; стимулирование формирования информационной и рекрутер-

¹⁵ PROGNOSIS.RU от 23.05.2005.

¹⁶ Крупнов Ю. Цит. соч.

ской сетей; надзор за соблюдением прав мигрантов и др. Важным является вопрос о разделении функций и ответственности между центром и регионами, государством и работодателями.

Вероятные миграционные доноры

В ожидании иммиграционной волны активизировались надежды на возвращение «своих» — русских, «соотечественников» из постсоветских стран. Эту идею еще раз как бы официально подтвердил глава Совета Федерации Сергей Миронов, выступая на парламентских слушаниях 24 ноября 2005 г.¹⁷ По данным национальных переписей, в бывших советских республиках осталось 18 из 25,3 млн. русских, проживавших там в 1989 г. Из них 8,2 млн. человек живут на Украине, 4,1 млн. — в Казахстане, 1,2 — в Белоруссии, около 1 млн. — в Узбекистане. Если подходить чисто механически, казалось бы, этого потенциала достаточно для России, по крайней мере, лет на 20. Но, по оценкам большинства экспертов, максимальный миграционный потенциал русской диаспоры не превышает 4 млн. человек, которые сосредоточены главным образом в Казахстане и Узбекистане.

Некоторые оценки достигают 5,2 млн. человек и основаны на предположении о возможной иммиграции русских также из Украины и Белоруссии¹⁸. Но едва ли есть основания ожидать увеличения потока русских из Украины, где сосредоточена основная часть русской диаспоры. Напротив, есть реальные предпосылки для возобновления в будущем миграционного потока из России на Украину, как это было в прошлом, поскольку демографический кризис на Украине еще более глубокий, чем в России, а Украина всегда была привлекательной для россиян. В Белоруссию же русские из России выезжают чаще, чем приезжают оттуда.

Рассмотрим более подробно ситуацию в отдельных постсоветских странах¹⁹.

¹⁷ Страна.ru от 24.11.2005.

¹⁸ См.: Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития / Под ред. С.Н. Градиловского. — М., 2005. С. 174, 183.

¹⁹ См.: Гудков Л.Д. Русские в Казахстане / Центр исследования русских меньшинств в странах ближнего зарубежья. — М., 1995; Витковская Г.С. Вынужденная миграция в Россию: итоги десятилетия // Миграционная ситуация в странах СНГ. — М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции // Миграционная ситуация в странах СНГ. 1999. С. 159–194; Экономический фактор миграции из стран Центральной Азии: фон или доминанта? // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии / Моск. Центр Карнеги. — М., 1998. С. 20–45; Космарская Н.П. «Я никуда не хочу уезжать». Жизнь в постсоветской Киргизии глазами русских // Вестник Евразии. 1998. № 1/2. С. 76–100; Россия и мусульманский мир: Бюлл. инф. 1997. № 2 (56); Русские в новом зарубежье / Отв. ред. С.С. Савоскул. Ин-т этнологии и антропологии РАН. — М., 1997; Современная миграция населения России / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. — М., 1993; Тараков Л. Национальные меньшинства Казахстана: состояние и перспективы. Современные этно-политические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии / Под ред. Г.С. Витковской. — М., 1998. С. 67–79.

Казахстан. Эта страна является главным миграционным донором России. В 1990-х гг. Казахстан потерял 2,5 млн., или почти 40% «своих» русских. Из них на Россию пришлось около двух млн. эмигрантов, остальные выехали в Германию в составе немецко-русских семей.

По Казахстану имеются следующие замеры миграционного потенциала русских:

1991 — 9% (ВЦИОМ); 1994 — 18% (Л. Гудков); 1994 — 44% (Г. Витковская), из них предпринимали конкретные шаги — 18,5% (Г. Витковская);

1995 — 21% (И. Субботина); 1997 — 33%, из них: уедут с высокой вероятностью — 19% (Г. Витковская).

Реальный выезд примерно соответствовал этим оценкам. Хотя со времени последних замеров прошло уже 8 лет, нет никаких оснований полагать, что миграционный потенциал русских Казахстана возрос.

Во-первых, уже в 1994 г., в разгар баталий о языке, основными причинами выезда из Казахстана были экономические причины. Исследование Л. Гудкова (1994) выявило следующую иерархию причин выезда:

- ухудшение экономической ситуации в Казахстане — 43%,
- надежда поправить свое материальное положение — 22%,
- отсутствие перспектив трудоустройства — 11%,
- неприязненное отношение местного населения — 5%.

Кроме того, всех русских (независимо от желания уехать) спрашивали о проблемах, которые их беспокоили: 66% назвали низкий уровень жизни, 24% — угрозу безработицы, 52% — рост преступности и лишь 16% — обострение национальных отношений.

С тех пор условия в Казахстане сильно улучшились, экономика развивается высокими темпами, сократилось отставание от России. Межнациональные отношения половина русских и раньше оценивала как дружественные или доброжелательные (1997, Л.Тараков). Таким образом, максимум, на что можно рассчитывать, — на выезд в Россию в течение последующих лет 20% русских Казахстана, — т.е. около 800 тыс. человек.

Средняя Азия. Замеры миграционного потенциала русских по странам этого региона проводились достаточно давно (см. табл. 1.2).

В Россию из Средней Азии в 1990-х гг. выехало более 1 млн. человек из 3,3 млн. проживавших там русских. Если к этому прибавить выезд русских на Украину и в Белоруссию, а также в Германию и Израиль (в составе смешанных семей с немцами и евреями), приходим к выводу, что во всей Средней Азии осталось, вероятно, около 1,5 млн. русских.

Большим стремлением к выезду в течение всего периода отличались русские *Узбекистана*. Их мобильность также падает, но все же не так стремительно, как по другим странам, поскольку ситуация в Узбекистане и сейчас довольно напряженная. По сравнению с 1997 г. выезд русских из Узбекистана сократился в 1,5

Таблица 1.2. Доля русских, намеренных выехать из страны, % ответивших

	Узбекистан	Киргизия	Таджикистан	Туркмения
1991 (ВЦИОМ)	25	24	36	28
1991 (ИСПИ РАН)	—	20	40	—
1992 (ИСПИ РАН)	31	36	52	—
1992 (Г. Витковская)	43	—	66	—
1992 (А. Савоскул)	—	20	—	—
1994 (Г. Витковская)	52	20	—	—
1997 (Г. Витковская)	32	18	—	—
	Из них уедут с высокой степенью вероятности			
	13	8	—	—
1997 (Н. Космарская)	—	10	—	—
1997 (таджикские замеры)	—	—	50	—

раза, в то время как из Казахстана — в 5 раз. Потенциал иммиграции русских из Узбекистана можно оценить максимум в 25%, то есть около 250 тыс. человек.

В *Киргизии* положение русских до недавней «оранжевой» революции было относительно стабильным, в значительной степени благодаря меньшей безработице и приданию русскому языку статуса государственного. В целом Киргизия потеряла почти такую же часть русских, как и Узбекистан, но главные ее потери пришлось на период 1992–1994 гг., с тех пор выезд сокращался. Обострение политических событий может вызывать всплески миграции, но уровень репатриации едва ли превысит 20% проживающих там русских, составив около 100–150 тыс. человек.

В *Таджикистане* осталось не более 100 тыс. русских, из которых одна половина хочет уехать, а другая «мечтает, но не может» (по местным исследованиям).

В *Туркмении*, вероятно, осталось не более 200 тыс. русских, чьи выездные устремления, несомненно, высоки. Можно допустить, что половина из них — 100 тыс. человек — может выехать.

В итоге Средняя Азия может дать около 500 тыс. русских репатриантов в Россию.

Страны Закавказья. В связи с тем что в этих странах ситуация крайне нестабильна, по ним не было социологических обследований миграционного поведения русских. Но даже по статистическим данным видно, что подавляющее большинство мобильных русских оттуда выехали. Оставшийся потенциал, вероятно, не превышает 100 тыс. человек по всему региону.

Страны Балтии. Замеры по этим странам выявляли следующий уровень выездных намерений русских.

Русские, несмотря на активное протестное поведение, даже в начале 1990-х не стремились особенно уехать из балтийских стран. Из стран Балтии выеха-

Таблица 1.3. Доля русских, намеренных выехать из страны, % ответивших

	Литва	Латвия	Эстония
1991 (ВЦИОМ)	7	6	6
1992 (ВЦИОМ)	–	18	–
1992 (Г. Витковская)	10	–	–
1993 (А. Савоскул)	13	–	–
1994 (А. Савоскул)	–	–	7

ли в Россию лишь 11% проживавших там русских. Основную часть выехавших составили военнослужащие (действительные и уволенные в запас). В последние же годы выезд русских из этих стран практически прекратился, главным образом из-за значительно более высокого уровня жизни в странах Балтии. И в перспективе не приходится рассчитывать на приток русских оттуда.

Присмотримся внимательнее к *Украине*, где проживает наибольшая часть русских, сосредоточенных в постсоветских странах. Очевидно, по Украине статистика наименее точна. Согласно ей Украина отдала России за 1990–2002 гг. 360 тыс. русских. Согласно же и российским, и украинским оценкам численность трудовых мигрантов из Украины в Россию составляет около 1 млн. человек. Опираясь на наши обследования в Москве (2002 г.), можно считать, что половина из них — русские, из которых не менее половины живут в России постоянно. Таким образом, очевидно, что данные статистики нужно удвоить, и тогда получим нетто-миграцию русских из Украины в Россию примерно в размере 700 тыс. человек. Не меньше, вероятно, миграция украинских русских в страны Восточной Европы, в Израиль и другие страны Средиземноморья, в Германию. Таким образом, суммарные потери Украины составляют примерно 1,5 млн. человек, или около 13% проживавших там до распада СССР русских. Примерно столько же русских при переписи населения назвали себя украинцами. В случае стабильного экономического подъема страны существует опасность разворота миграций в пользу Украины.

Ситуация в *Молдавии* сложная. В момент обострения Приднестровского конфликта (1993 г.) из правобережной части хотел уехать каждый четвертый русский, но в 1996 г. — только каждый десятый. Из Приднестровья же никто не хотел уезжать. Кроме того, с молдавским паспортом довольно легко уехать на Запад. Выезд из Молдавии при мирном урегулировании раскола страны не достигнет и 100 тыс. человек.

Белоруссия, где сосредоточено 1,3 млн. русских, тоже представляет определенный интерес. Но, во-первых, она расположена на оси главного западного вектора движения русских, во-вторых, пока нет никаких признаков, которые бы свидетельствовали о том, что можно ожидать притока русских из этой страны.

Миграционный потенциал титульных и других народов стран СНГ, по нашей оценке, не превышает 6–7 млн. человек в период до 2025 г. Есть и бо-

лее пессимистические оценки — максимум 4 млн. человек²⁰. Главным образом, это узбеки, таджики, киргизы. Потенциал закавказских народов, вопреки расхожему мнению, почти исчерпан. Примерно каждое третье домохозяйство в бывших закавказских республиках имеет работника в России. Это очень высокий уровень эмиграции, и едва ли он существенно поднимется. Некоторые симптомы указывают на начавшуюся возвратную миграцию в Азербайджан и Армению. Таким образом, страны СНГ и Балтии в общей сложности могут «закрыть» менее половины российского спроса на труд и не столь кардинально, как хотелось бы, смягчить ситуацию с рабочей силой в ближайшей перспективе. Но и этот потенциал привлечь не просто. Для этого необходима спешная либерализация миграционной политики.

В любом случае, чтобы компенсировать возникающий демографический дефицит, неизбежно придется прибегнуть к масштабной иммиграции из других стран. В качестве доноров, безусловно, хотелось бы видеть страны, близкие нам в культурном отношении, например страны Восточной Европы. Но надежды на это иллюзорны: глобальный рынок иммигрантского труда очень конкурентный, и конкуренция будет нарастать. С Россией будут конкурировать США и Европейский союз, предполагающие привлекать примерно по 1 млн. мигрантов в год вплоть до середины века. Соперничество явно не на равных, Россия в этой тройке — аутсайдер. Поэтому ее выбор ограничен: она может рассчитывать преимущественно на страны Юго-Восточной и Южной Азии, возможно, арабские страны.

Ясно, что необходимо стремиться по возможности диверсифицировать миграционный поток по странам исхода, но ясно и то, что у китайцев — наших непосредственных соседей — нет серьезных конкурентов. Китайцев, по крайней мере, тех, кто живет в северо-восточных провинциях, не отпугивает российский климат, они с успехом работают даже в сельском хозяйстве, а соседское положение расширяет их осведомленность о российском рынке труда, имеющихся возможностях и правилах поведения, облегчает контакты с россиянами, тем самым резко увеличивая их шансы по сравнению с другими потенциальными иммигрантами.

Этому способствуют и поездки россиян в Китай, которые вдвое многочисленнее потока из Китая: так в 2004 г. российские граждане совершили 1765 тыс. поездок в Китай, тогда как граждане Китая в Россию — 813 тыс. поездок²¹.

Исследовательские оценки единовременного китайского присутствия в России довольно стабильны — не более 500 тыс. человек²². В основном это

²⁰ См.: Политика иммиграции и натурализации в России. С. 183.

²¹ Россия в цифрах / Федеральная служба государственной статистики. — М., 2005. С. 140, 141.

²² См.: Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. — М., 2004. С. 36.

торговцы, строительные и сельскохозяйственные рабочие. Местные оценки китайского присутствия гораздо умереннее. По расчетам Виктора Ларина, на Дальнем Востоке их всего 25–30 тыс.²³ (Перепись 2002 г. зафиксировала 35 тыс. китайцев, постоянно проживающих в России.)

Приведенные данные свидетельствуют о довольно скромных размерах китайской миграции. Тем не менее до сих пор не удается разрушить гипертрофические представления о количестве китайцев в России, в том числе миф о 2 млн. китайцев на Дальнем Востоке, запущенный газетой «Известия»²⁴ и широко подхваченный местной прессой. Этот миф создал устойчивое представление в обществе о китайской экспансии как якобы уже свершившемся факте. Он стал одним из главных факторов нагнетания страха перед китайской угрозой. Все панические публикации опираются на эти выдумки.

Причем масштабы «нашествия» быстро разрастаются. По сообщению «Российских вестей», граждан КНР в России, по неофициальным данным, около 3,4 млн. человек. «То есть, — пишет газета, — китайцы по численности уже сегодня занимают в России четвертое место после русских, татар и украинцев»²⁵. Еще «страшнее» безответственный прогноз Л.К. Аксенова: «Если сейчас на 150 россиян — один китаец, то лет через 50 будет наоборот: на одного россиянина — 150 китайцев»²⁶. Так создается питательный бульон для русского национализма, ксенофобии, заранее формируется агрессивная среда для мигрантов. Иммиграционная политика рискует остаться без общественной поддержки. Без этого она обречена на крах, а Россия — на экономический упадок в лучшем случае, в худшем — на хаос и распад.

Повторю высказанное ранее предположение: китайцы с большой степенью вероятности к середине века могут стать вторым по численности народом России, обойдя в этом отношении татар²⁷. В свете такой перспективы приходится констатировать, что, к сожалению, отношение к китайской проблеме меняется слишком медленно. Медленно — в свете неотвратимо надвигающегося дефицита труда, его огромных размеров.

Приток китайцев — это не только угроза, но и необходимость для России. То есть угроза, которой невозможно избежать.

²³ Ларин В.Л. Китайская миграция на Дальнем Востоке // Мост через Амур. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара. — Москва; Иркутск, 2004. С. 109.

²⁴ Известия. 1993. 2 нояб.; 1994. 30 нояб.

²⁵ Жантеев Д. Европу и Россию ожидает наплыв иммигрантов // Российские вести. 2004. 19 мая.

²⁶ Известия. 2005. 19 дек.

²⁷ Зайончковская Ж.А. Китайская иммиграция через призму рынка труда // Российский демографический журнал. 1998. № 1. С. 12–18.

Регионы на миграционной карте России

Устойчивыми тенденциями в миграции населения России являются доминирование западного вектора движения и центростремительность миграций, магнитом которых является Московская агломерация.

Западный миграционный дрейф обозначился уже в 1960-е годы. Вначале он коснулся только городского населения и только южных районов Сибири и отчасти Дальнего Востока. Динамические колебания миграционного прироста по восточным регионам обнаруживали тесную связь с динамикой естественного прироста трудоспособных контингентов по стране в целом. Чем хуже трудоресурсная ситуация в стране, тем выше миграционный отток из восточных регионов и наоборот — высокий прирост трудоспособного населения создавал хорошие предпосылки для миграции на Восток. Так, наиболее значительный отток населения из восточных районов пришелся на 1960-е годы, когда естественный прирост трудоспособного населения в России сокращался более чем вдвое.

Трудоресурсная ситуация в 1970-х была значительно более благоприятной, и отток с Востока приостановился, а многие его регионы получили существенное пополнение населения. В 1980-е годы вновь возобладало западное направление миграций, одновременно продолжалось движение населения на Север. Серьезным компенсирующим потоком было также увеличение воинских контингентов на Дальнем Востоке (что обычно упускается из виду). После распада СССР западный перенос и центростремительность миграций проявились особенно ярко, что подтвердила и последняя перепись населения.

Обычно в качестве наиболее проблемной территорией страны по заселенности рассматривается Дальний Восток. Но это представление ошибочно, сколь бы очевидным оно ни казалось. Более тяжелая демографическая ситуация как раз в староосвоенной части страны, а самая тяжелая — в Центральном федеральном округе. Здесь естественная убыль населения относительно самая высокая (10 человек на 1000 жителей против 3,3 на Дальнем Востоке в 2001 г.), население самое старое (в пенсионном возрасте 24,3% населения против 15,1%, соответственно), а сокращение трудоспособного населения идет наиболее интенсивно. Именно Центр, наиболее развитый регион страны, соперничает с Дальним Востоком, и не только с ним, за трудовые ресурсы. Центр представляет собой мощный демографический насос, нуждающийся в постоянной подпитке, главным образом для возмещения естественной убыли трудоспособного населения.

Два района страны образуют миграционные полюса — Центр, стягивающий население со всей территории страны, и Дальний Восток, отдающий население. Регионы, расположенные западнее Дальнего Востока, теряя население, уезжающее еще дальше на Запад, частично восполняют потери за счет

восточных регионов. Во внутренних миграциях Дальний Восток несет главные миграционные потери — 753 тыс. человек за 1989–2002 гг. Из этих потерь третья часть была отдана Центральному округу, 22% — Южному, 17% — Приволжскому, 15% — Сибири. За счет Дальнего Востока Сибирь возместила 30% своих потерь в западном направлении, а Урал за счет Дальнего Востока и Сибири — 50% (табл. 1.4). Именно потому, что за трудовые ресурсы не только с Дальним Востоком, но и со всеми другими федеральными округами соперничает наиболее развитый округ страны, нереально надеяться на возрождение восточного вектора миграции.

Таблица 1.4. Внутривнутрироссийская миграция по федеральным округам, 1989–2002 гг., тыс. человек

Федеральные округа	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост
Центральный	2357,0	1569,8	787,2
Северо-Западный	1104,2	1248,5	-144,3
Южный	1562,0	1378,7	183,3
Приволжский	2035,8	1774,7	261,1
Уральский	1231,8	1312,7	-80,9
Сибирский	1169,7	1440,8	-271,1
Дальневосточный	737,6	1472,9	-735,3
Россия	10198,1	10198,1	-

Главный источник миграционного прироста России — миграция из стран СНГ и Балтии. Она обеспечила ощутимое пополнение населения во всех округах, кроме Дальневосточного, в большинстве случаев возместив потери во внутренней миграции и в обмене с другими странами. В первой половине 1990-х стремление в Центр не было особенно выражено. Благодаря притоку из постсоветских стран почти столько же мигрантов в этот период приняли Южный и Приволжский округа. По мере того как миграция из стран СНГ и Балтии сокращалась, привлекательность Центра России проявлялась все сильнее. В 2001–2004 гг. на Центральный округ пришелся практически весь внутренний миграционный прирост, и более половины миграционного прироста России, полученного за счет внешней миграции. Приток в Центр в последние годы хотя и снизился, но удерживается на довольно высоком уровне, в то время как миграционный прирост остальных округов приблизился к нулю (рис. 1.3).

Практически весь миграционный прирост, получаемый Центральным округом во внутренней миграции (а с середины 1990-х — и во внешней), аккумулируют Москва и Московская область. Центропритягательность миграционных связей России приобрела универсальный и предельно выраженный характер.

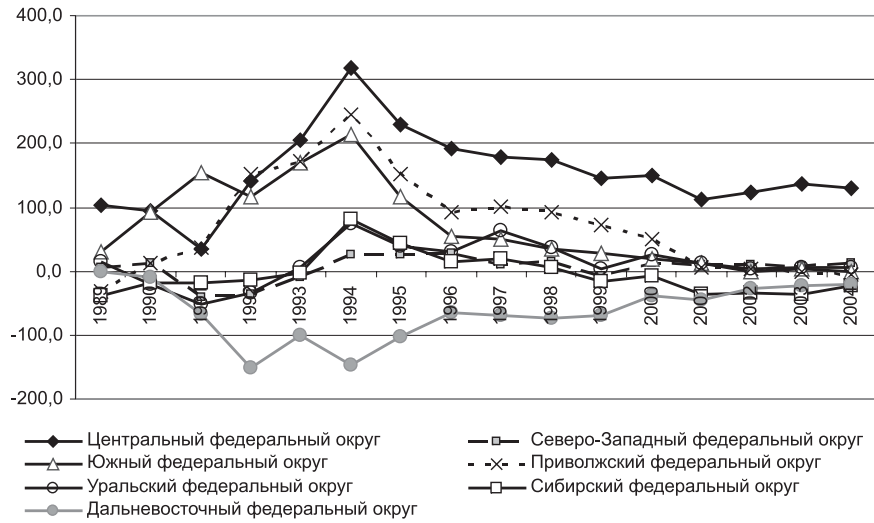

Рис. 1.3. Тренды нетто-миграции по федеральным округам, 1989–2004 гг., тыс. человек

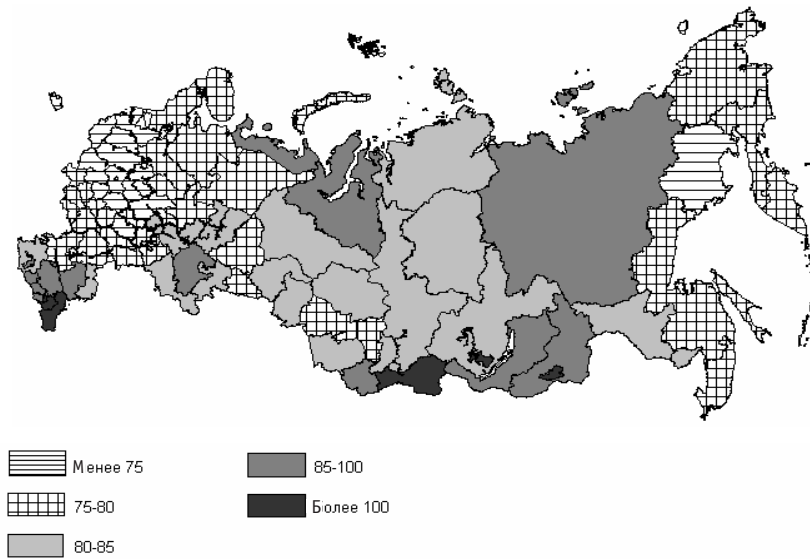

Рис. 1.4. Численность населения в трудоспособном возрасте в 2025 г., в % к 2005 г. (миграция отсутствует)

При условии пролонгирования современных тенденций, в перспективе ни один из округов, кроме Центрального, не будет иметь шансов на прирост населения за счет мигрантов: только для компенсации естественных потерь трудоспособного населения, которые здесь относительно самые большие, округу необходимо более 6 млн. мигрантов в период до 2025 г. При нынешних тенденциях для возмещения этих потерь потребуется мобилизация миграционного потенциала всей России.

В таких условиях Сибирь и Дальний Восток рискуют и в последующем остаться главными донорами Центрального округа, как, впрочем, даже и при подъеме иммиграции до 400 тыс. человек в год, как в прогнозе Росстата. Картограмма (рис. 1.4) наглядно демонстрирует наиболее низкую трудоустроенность центра России.

Альтернативой иммиграционному сценарию может быть лишь сжатие населенного пространства России до юго-западного сектора европейской части страны, стагнация, а затем упадок восточных регионов (включая Урал), вплоть до потери части территории, частичное свертывание производства, урезание пенсионного обеспечения и других социальных программ.

Таким образом, проблема иммиграции для России — это одновременно судьба ее территории, ее границ и ее целостности.

II. «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ»: КСЕНОФОБИЯ И АНТИМИГРАНТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИИ

Общие замечания

Нет ни одного современного общества, которое бы не знало ксенофобии и не переживало бы время от времени острых всплесков агрессии в отношении «чужих». Отсутствие барьеров между теми, кто считается большинством населения «нашими» и «не нашими», равнодушие, апатия или слабость отталкивания от чужого (либо, напротив, привлекательность чужого) означали бы предельную атрофию социальных связей, аморфность отношений социальной и этнической солидарности, неразличимость близкого и дальнего, важного и неважного. Представить себе такую аномическую ситуацию крайне трудно, если вообще возможно. Общество без ксенофобии — это утопия абсолютно закрытого и изолированного островного сообщества, что-то вроде жизни племени, вытесненного в глухие леса или заброшенного на удаленное горное плато, не знающего дороги к своим соседям.

Формирование национальных обществ, возникших в ходе разложения традиционных империй в Европе, шло одновременно со становлением современных экономических и политических институтов, что в свою очередь стимулировало усиление движения населения. Разнонаправленные миграционные потоки были вызваны не только многочисленными войнами или колонизационными перемещениями, но и открытием новых рынков и сфер занятости, усилением притягательности центров культуры и образования. В быстро растущих городах появились новые этнические анклавы. Наряду со старыми диаспорами (еврейской, армянской, греческой, немецкой), возникали новые — русская, китайская, итальянская, позднее, уже после Второй мировой войны, — турецкая, курдская, вьетнамская и другие.

Если еврейские или русские эмигранты довольно быстро ассимилировались и практически растворились в европейском или американском обществе, то другие, по внутренним этнокультуральным причинам, оказались не готовы или не хотели перенимать и усваивать ценности окружающего их более сложно устроенного современного сообщества, стремиться к аккультурации. Напротив, более архаические или традиционалистские нормы этих сообществ, будучи воспроизведенными в среде плюралистической культуры, вызвали стремление к образованию замкнутых этноконфессиональных общин или целых анклавов.

Существовать последние могли только при сравнительно либеральном и терпимом к разнообразию социальном и правовом порядке, допускавшем наличие субкультур, в том числе и контрмодернизационные или невестернизационные варианты модернизации. Но само по себе это сосуществова-

ние разнокультурных укладов и образов жизни оказывалось возможным только при условии завершения фазы национальной консолидации и переходе к постиндустриальному или постмодерному обществу, достаточно сильному и гибкому, чтобы ценить блага культурной гетерономии и пользоваться ими.

Наиболее тяжелыми и чреватými конфликтами, угрозами массовых столкновений, кровопролитием оказываются не самые ранние, а последующие периоды процессов модернизации — фазы завершения институционализации национальной культуры. На этих стадиях государственная бюрократия активно использует новые массовые националистические идеологии, стремясь к усилению и централизации власти. При этом национальные идеологии (различные версии национализма) на место прежнего партикулярного суверенитета традиционной патерналистской власти ставят более общие, хотя и не всегда универсалистские представления об органической «массе народа», имеющего общее происхождение и судьбу, общие интересы и ценности, якобы присущие (вменяемые) всем жителям страны, ее гражданам или поданным, — вне зависимости от места рождения, положения в социальной иерархии, образования и т.п. Благодаря этому социальные группы, прежде разделенные сословными, территориальными и этнолокальными границами, постепенно интегрируются в более или менее единое целое.

Принципиальные различия в типах национализма обусловлены характером групп, которые вносят или утверждают эти идеологии, их идеальными или материальными интересами, предопределяющими развертывание соответствующих представлений, а стало быть и внутренним соотношением с действующими институтами, обеспечивающими этим группам соответствующее их интересам положение.

Одно дело — эмансипационный потенциал национализма, направленный против доминирования имперских или традиционно абсолютистских властных институтов, когда национальные идеологии включают в себя ряд модернизационных идеологем и принципов (правового государства, прав и свобод человека). Другое дело, как это было в истории России, когда национализм возникает внутри империи, как реакция одной из фракций бюрократии, отнесенной от ключевых позиций в структурах власти, на идущие или предполагаемые, намечаемые ее более влиятельными оппонентами реформы и изменения политической и экономической организации общества и власти¹.

В этих случаях националистические настроения возникают как контрмодернизационные движения, как стремление законсервировать положение вещей и, соответственно, нейтрализовать или блокировать неизбежные измене-

¹ В России конца XIX – начала XX века, или уже при Брежневe, в начале 1970-х гг., или, наконец, во время краха советской системы и распада СССР.

ния, затрагивающие интересы бюрократии. При этом имеет место усиление или «идейная» проработка старых этнических предрассудков и массовых фобий, превращение их в более или менее упорядоченную консервативную защиту позиций и интересов тех, кто претендовал на всеобщее представительство.

Очень упрощенно это различие можно представить следующим образом: национально-эмансипационные движения и партии строили свою стратегию на необходимости снятия ограничений для меньшинств, расширении зоны действия прежних социальных преференций или сословных привилегий и переносе их на ранее непривилегированные группы населения, в том числе на этнические меньшинства или на территории, включаемые в состав национального государства или империи. Если это не удавалось, то выдвигались требования отделения колоний, провинций, анклавов, соответственно, образования на их месте самостоятельных государств (примеры подобного успешного развития, если брать совсем недавнее прошлое, дают стратегии национальных движений в Прибалтике — от ранних идей республиканского или регионального хозрасчета в рамках СССР до идеи полной национально-государственной независимости).

Консервативный национализм, напротив, пытается утвердить «права» и преимущества основной массы «коренного населения» по отношению к этническим меньшинствам, приезжим, особенно «мигрантам» из регионов с другим этническим составом или других стран, центра по отношению к периферии или провинциям. Идеология этого рода строится на эксплуатации правящей бюрократией популистских и патерналистских иллюзий большинства населения, использовании страхов и комплексов ущемленности темной массы в интересах сохранения собственных социальных позиций, скрытых за «необходимостью» обеспечения прав и преимуществ «коренных жителей». Важно подчеркнуть, что сами по себе требования такого рода, какими бы «справедливыми» они ни казались с исторической или социально-политической точки зрения, в реальности означают лишь консервирование иерархической структуры социума, обеспечивающей особые привилегии номенклатуре разного уровня.

Наиболее известным из этих консервативных течений (в силу его «универсальности»), затмившим все другие национальные антипатии как частные, локальные явления межэтнической напряженности, был идеологический антисемитизм, оказавшийся «модельным» для риторической артикуляции последующих видов ксенофобии. В истории России новейшего времени антисемитизм несколько раз играл важнейшую роль в качестве негативного принципа этнонациональной консолидации, особенно значим в этом качестве он был на рубеже XIX–XX веков и в 1940–1970-е гг.

Это была не столько реакция на конфессионально-традиционную чуждость этнической группы (пока существовала черта оседлости, особых напря-

жений не отмечалось, конфликты возникли позднее), сколько на миграцию, быстрый социальный подъем или социальный успех ассимилированных евреев, оказавшихся более европеизированными и активными в сравнении с основной массой образованного сословия, а потому воспринимавшихся в качестве носителей чужих модернизационных ценностей и интересов в довольно косной в социальном плане среде.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. антисемитизм уже не играл сколько-нибудь значимой роли в качестве фактора усиления русского национализма, имевшего по преимуществу компенсаторно-защитный характер. Распад СССР и крах советской системы сопровождался разливом уже других этнофобий — в первую очередь «кавказофобией». (Хотя антисемитизм перестал быть явлением государственной политики, он остался заметным явлением в общественной жизни: достаточно вспомнить выступления лидеров национально-патриотических движений и объединений, вроде «Памяти», РНЕ и им подобных, генерала А. Макашова или авторов «Письма 500». Он сохраняет до сих пор свое значение, но уже не в качестве актуализации массовых фобий; сегодня антисемитизм играет роль своего рода «парадигмы», по которой строится идеологическое выражение любых других этнонациональных антипатий.)

На протяжении последних 15 лет структура массовых этнических предрасудков оставалась практически той же самой, хотя интенсивность выражения отдельных фобий и агрессивных установок по отношению к чужим могла несколько меняться под влиянием внешних событий или обстоятельств. Список фобий, по результатам социологических опросов населения, возглавляют после начала первой чеченской войны чеченцы и представители других северокавказских народов, выходцы из Закавказья, цыгане. Уровень антипатий по отношению к представителям этих этнических групп составляет 40–45% от всей массы населения, достигая в некоторых случаях максимальных значений, как в отношении к чеченцам в последние годы, — 50–55% и выше. Артикулированная неприязнь к таким этническим группам, как евреи, эстонцы или татары, не превышает 15–20%².

Важнейшим элементом этой мифологии «чужого» следует считать «беспочвенность» пришлых (отсутствие у них «корней»). Такое определение приезжих или, точнее, их дисквалификация означает одновременное утверждение, *легитимацию* претензий большинства на какие-то полагающиеся ему по праву рождения или длительности срока проживания привилегии (то есть в социологическом плане — аскриптивно), предъявление прав на подобающие социальные позиции или занятия, которые не должны распространять-

² См.: Гудков Л. Антисемитизм и ксенофобия в постсоветской России. — В кн.: Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. — М.: Новое литературное обозрение; «ВЦИОМ-А», 2004. С. 169–261.

ся на «неместных». Именно здесь истоки обвинений мигрантов в «торговой экспансии», «эксплуатации местного населения», в незаконности их пребывания в данном месте, криминальности, порочности, распущенности, пренебрежении традиционными нормами поведения и отсутствии уважения к культуре коренного населения.

Парадокс заключается в том, что мигранты занимают те социальные позиции и играют те роли, которые местное население считает непрестижными, неодобряемыми, по меньшей мере амбивалентными или сомнительными. Однако, вопреки таким оценкам и мнениям, именно эти роли обеспечивают мигрантам достижение тех благ, которые расцениваются как недоступные для основной массы местного населения. Многие исследователи в этой связи говорят о конфликте культур, подразумевая под этим прежде всего коллизии норм поведения постоянного населения, сравнительно давно усвоившего городской образ жизни, и мигрантов, прибывших из регионов с низким уровнем урбанизации, где значимы более архаичные представления, традиционные формы социальной организации и солидарности.

Во всех подобных случаях более высоким «цивилизационным» рангом наделялись именно русские, как давние жители городов. Они противопоставлялись приезжим из республик Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Молдавии и т.п., как жителям сельских или малоурбанизированных провинций, бывших колоний. В последнее время чаще стали упоминать, помимо уже названных причин, и религиозно-бытовые различия (поскольку значительная часть мигрантов приехали из стран, где исповедуют ислам).

Другой парадокс, однако, заключается в том, что мигранты, несмотря на особенности своего происхождения, исходную среду, характеризующуюся, что несомненно, бедностью социальной инфраструктуры, традиционализмом, оказываясь в новой для себя ситуации, невольно вынуждены проявлять именно те качества, которые отвечают запросам развивающихся рыночных институтов. Социальность, услужливость мигрантов, их готовность идти навстречу партнеру, работоспособность, желание пробиться, быть признанным в новом для себя мире и другие подобные человеческие свойства особенно ценятся в «рыночной системе». Но как раз эти человеческие качества были малопримлемыми для «местных». Опыт адаптации основной массы населения (по существу, все еще крепостного) к репрессивной власти сводился к привычному снижению запросов, пассивности, терпению, то есть к нормативным ожиданиям показного равенства потребления, «прибеднения», поддержанию общего сознания естественности коллективного заложничества.

Сложившиеся за время советской власти антропологические стереотипы поведения закрепились в представлениях об иерархии профессиональных ролей, делении занятий на престижные, допустимые и недопустимые или малоуважаемые, долгое время официально считавшиеся чуть ли не позорными

(торговля, обслуживание, ремесла, частное предпринимательство и т.п.). Крах советской системы стимулировал механизмы «естественной» селекции, в результате которой оказалось, что концентрация людей с активистскими характеристиками (установками на позитивное взаимодействие и кооперацию) была более высокой в сферах, обеспечивающих функционирование социальной инфраструктуры (мелкооптовой торговле, сервисе и т.п.), а не в «бюджетных» сферах, бывших основой советской системы, — промышленности, армии, правоохранительных органах, управлении, здравоохранении или образовании.

Собственно, благодаря этому негосударственный сектор и развивался так быстро в последние 15 лет. Поэтому, несмотря на невысокий уровень *формальной* профессиональной квалификации, у мигрантов, вообще людей с такого рода установками и способностями, были более высокие шансы на скорое достижение относительного благополучия, чем у основной массы населения. Внешние знаки этого социального успеха, проявляемые обычными для быстро модернизирующихся обществ средствами так называемого демонстративного потребления, собственно, больше всего и раздражали «коренное население»³.

Тем самым противоречия «местных» и «пришлых» получали более глубокий смысл конфликта ценностей. Реальный или мнимый успех приезжих затрагивал традиционные образы и структуры самоидентификации населения — главным образом идеализированные, мифические или ностальгические представления о самих себе как патриархально-общинных коллективах с присущими им укладами жизни, нормами морали, религии и т.п.

Особое возмущение при этом вызывало то, что «пришлые» разрушают стереотипы социального порядка: бывшие социальные «парии», жители отсталой периферии, занимавшие низшие социальные позиции («омеги», если использовать этологическую терминологию), внезапно становились такими же, как «коренные жители» или, по крайней мере, равноправными им. Тем самым нарушалась привычная социальная иерархия этносословного общества, воспринимавшаяся как должное. Бедное и ущемленное население центральных областей империи считало себя более достойным по сравнению с жителями колониальных окраин или подчиненных стран. Иначе говоря, за кажущимися «современными» формами социальной жизни проступали черты архаического и примитивного социального порядка, оказывающегося ближе к XVII веку, нежели к реальности нынешней Европы.

Поэтому, если рассматривать данную тему в более общем плане, то проблема ксенофобии должна формулироваться не как задача ликвидации ксенофобских настроений, а как задача их контроля и редукции к каким-то обще-

³ Я использую здесь это понятие, несмотря на всю его историческую бессмысленность, чтобы подчеркнуть идеологический характер представлений части населения, живущего в данной местности достаточно давно (как минимум 15 лет, то есть не менее половины цикла поколенческой репродукции), чтобы считать себя постоянными жителями и иметь право претендовать на соответствующие социальные позиции и привилегии по отношению к вновь приехавшим.

ственно приемлемым и административно регулируемым формам. Сведение ксенофобии к «нецивилизованности» или дикости представляется крайним упрощением и вульгаризацией проблемы. Аналогичным образом, «рациональные» объяснения неприязни к чужим сводятся к аргументам конкуренции за ресурсы, работу, социальное обеспечение, «бесплатное жилье», страха перед ростом преступности или распространением наркотиков, якобы сопровождающих процессы миграции.

Не всякое чужое воспринимается как опасное или неприятное, враждебное. Очень часто чужое предстает как высокое, идеальное, мужественное, сексуальное, недостижимое, экзотически привлекательное и заманчивое, красивое или богатое, сильное, вызывающее ассоциации с интересным, полезным, социально недоступным, гедонистическим, желанным, тем, что недостижимо в своем окружении, короче — ценным, ценимым. Проблема восприятия чужого или отношения к чужому — это проблема устойчивости социального порядка, включающая механизмы «переключения ценностного регистра» взаимоотношений групп, регулирования их иерархических или обменных взаимосвязей, конфликтов коллективных ценностей.

Встречаемое в публичной риторике популистов обвинение приезжих в неуважении ими обычаев и нравов, порядков местных жителей чаще всего не имеет под собой оснований и является демагогической игрой на комплексах ущемленности и неполноценности депримируемых социальных групп.

Кроме того, не всякие виды этнонациональных антипатий или этнофобии приводят к агрессивному поведению. Например, при весьма высокой степени латентного антиамериканизма или антизападничества мы практически не знаем случаев открытого уличного выражения ксенофобии в отношении американцев, французов, японцев или канадцев, хотя в отношении иностранцев африканского или азиатского происхождения акты агрессии — будничное и распространенное явление в российских городах⁴.

Явное ощущение благополучия, развитости, привычной окультуренности повседневной жизни западных стран, превосходства социально сильных и цивилизованных сообществ над «совком» нейтрализует и подавляет любые возможные вспышки агрессии в отношении граждан этих стран (даже если официальные СМИ исподтишка провоцируют массовое негодование или возмущение теми или иными их действиями). Другой пример — спокойное отношение русских к коренному населению в бывших прибалтийских республиках, где русскими без особых конфликтов принята их новая роль⁵.

⁴ С ними в этом отношении можно сравнить недавние эксцессы, оставшиеся единичными, в отношении польских журналистов и дипломатов, явно спровоцированные позицией российских властей и официозных СМИ.

⁵ Вопреки тому, что пишет об этом российская пресса, их положение не является драматическим: миграция русских из этих республик практически нулевая, в отличие от среднеазиатского региона.

И напротив, состояние неблагополучия в странах, бывших до этого в массовом сознании зонами советского благополучия (опять же, очень часто мнимого), оправдывает и в какой-то степени «стимулирует» или «облегчает» выражение актов враждебности и недоброжелательства к приезжим оттуда. Поэтому, чтобы понять механизмы повышения ксенофобии и оценить ее динамику и последствия, необходимо включить в рассмотрение более широкий институциональный контекст, нежели это обычно делается в этносоциологических работах.

Начнем с простейших, самых элементарных фиксаций. Основой для анализа будут служить данные многочисленных массовых репрезентативных общероссийских исследований, проводимых с 1989 г. Аналитическим центром Юрия Левады⁶.

Распад СССР и динамика ксенофобии (1990–2005 гг.)

Первые общесоюзные (в том числе и общероссийские) репрезентативные опросы с целью выявить отношение к беженцам и мигрантам показали довольно низкий уровень этнической нетерпимости или ксенофобии⁷. Более половины населения России (53%, 1990 г.) осуждали любые выражения этнической неприязни, этнократические претензии тех или иных республиканских элит, оскорбительные «оценки» свойств тех или иных народов и т.п. Эти особенности массового сознания российского населения идеологами поднимающегося русского национализма расценивались как «природная» или культурная толерантность и открытость русских, их «всемирность»; нерусским населением (образованной элитой союзных республик или национальных автономий) — как имперское равнодушие к образу жизни, языку и культуре других «народов» («нацменов») до тех пор, пока не было поставлено под сомнение доминирующее положение «старшего брата», носителя господствующей культуры, языка и репрессивной институциональной системы, с которой отождествляла себя большая часть российского населения.

⁶ Ранее он назывался Всесоюзным (до 1992 г.), затем, до 2003 г., Всероссийским центром изучения общественного мнения — ВЦИОМ.

⁷ «В 1989 году признаки открытой ксенофобии обнаруживало примерно 20% населения СССР, агрессивной этнофобии — около 6–12%. В России эти показатели были заметно ниже средних величин по Союзу в целом. Одновременно можно было говорить о довольно значительном потенциале сопротивления любым формам этнонациональной агрессии и насилия, включая выражения ксенофобии или этнической дискриминации» (Гудков Л. Динамика ксенофобии в постсоветской России // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 1. М., 2002. С. 49–50). Подробнее об изменении массовых этнических установок см. в статьях автора: Динамика этнических стереотипов (сравнение замеров 1989 и 1994 гг.) // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1995. № 2. С. 23–27; Этнические стереотипы населения: сравнение двух замеров // Там же. 1995. № 3. С. 14–16; Этнические фобии в структуре национальной идентификации // Там же. 1996. № 5. С. 22–27; Динамика этнофобий в меняющейся России // Релятивистская теория наций: новый подход к исследованию этнополитической динамики России. — М., 1998. С. 64–71.

В 1990 г., в канун распада СССР, проблема ксенофобии, враждебного или неприязненного отношения к беженцам и вынужденным мигрантам вообще не стояла в центре общественного внимания. Распад страны еще только предстоял, и картина возможных социальных изменений, равно как и последствий вызванных ими массовых перемещений населения, была еще очень туманной. В советское время жесткий контроль со стороны различных институтов делал любые выступления против государственного режима и сложившегося социального порядка просто невозможными. Открывшиеся к середине 1980-х гг. национальные напряжения и конфликты по инерции воспринимались основной, русской частью населения страны как отдельные локальные эксцессы, ломающие нормальное положение дел в сфере межэтнических или межнациональных отношений, что требовало незамедлительного вмешательства властей для осуждения виновников конфликтов и принятия экстраординарных мер по ликвидации последствий. Очень немногие наблюдатели или эксперты воспринимали их как симптомы крушения империи, но для массового сознания — и в России, и в республиках — коллапс советской системы был полной неожиданностью.

Характерная для тоталитарного режима система контроля над социальной структурой общества регулировала не только вертикальную мобильность, любые кадровые перестановки и назначения, но и горизонтальные перемещения социальных групп и даже отдельных людей. Паспортная система, институт прописки (а стало быть, подавление неформального рынка жилья и труда) крайне замедляли, хотя и не останавливали массивные перемещения людей вне рамок государственно регулируемых потоков.

Поэтому видимая часть миграции опознавалась в конце советской эпохи прежде всего как поток беженцев и вынужденных переселенцев, ставших жертвами межнациональных столкновений, погромов и резни (имевших место главным образом в Средней Азии или на Кавказе) или нетерпимого отношения к ним коренного населения, почувствовавшего слабость прежней советской администрации. Неудивительно, что абсолютное большинство россиян в то время считали необходимым оказание государственной помощи вновь приехавшим. Впрочем, это позитивное отношение носило до известной степени декларативный характер, поскольку никак не было связано с действительным желанием помочь пострадавшим (чем ближе эта проблема касалась самого респондента, тем сильнее были негативные реакции в отношении к мигрантам).

Первые же опросы об отношении россиян к беженцам и вынужденным мигрантам, проведенные в 1990 г., показали отсутствие явного негативизма в отношении приезжих. На вопрос, как бы они отнеслись к тому, чтобы беженцы селились в том месте, где живут опрошенные, сравнительно большое их число (27%) ответили «положительно», 34% — высказались в том духе, что им все равно, что

эти вопросы их не задевают и не вызывают особых эмоций, но 30% были настроены «отрицательно» (прочие затруднились с ответом, будучи далеки от этих предметов; июнь 1990 г., N=1360, Россия). Иначе говоря, если судить по характеру распределения этих мнений (а оно близко к делению по третям, то есть в статистическом плане дифференциация позиций выражена слабо), эти темы еще не волновали общество, не были артикулируемы на массовом, или низовом, уровне. Аналогичный опрос общественного мнения, проведенный несколько месяцев спустя, дал похожие результаты, с учетом разницы в формулировке вопроса и вариантов ответа на него. На вопрос: «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы беженцы из других районов страны селились в Вашем городе, селе?» — 5% опрошенных ответили «с одобрением», большая часть (50%), была бы «не против», но 30% «были бы против», и 15% респондентов затруднились с ответом.

Этническая принадлежность мигранта в этот момент была неproblemатичной⁸, по крайней мере на словах: большинство (52% опрошенных) говорили, что национальность в данном случае не имеет значения, однако уже тогда 18% респондентов считали необходимым принимать только людей той же национальности, что и сами опрошенные (т.е. преимущественно русских). Считалось, что и к тем, кто давно живет в России, хотя родом из других республик, и к тем, кто приехал сюда совсем недавно, «люди относятся одинаково» (так заявили 41%, «по-разному» — ответили 38% опрошенных). Еще сильна была значимость официально задаваемой нормы «советской», а не этнической идентичности, декларировавшей равенство или тождество всех народов СССР. Кроме того, поток мигрантов еще не ощущался как «наплыв»: абсолютное большинство считали, что приезжие — это «пока отдельные люди» (26%) или что «их сотни на Россию» (11%), что их «тысячи» — полагали менее 9%⁹.

Спустя два года ситуация начала меняться. Распад соцлагеря, затем — СССР подорвали структуру советской идентичности и, напротив, актуализировали более примитивные структуры этнической солидарности. С этого времени тематика этнической гомогенности в России начинает все заметней выдвигаться на первый план в публичных выступлениях тех, кто претендовал на общественное внимание. В ситуации усиливающегося кризиса, нестабильности, дезориентированности акцент на собственной или чужой этнической принадлежности постепенно становился рутинным выражением социальных и групповых барьеров, коллективных привилегий, прав и претензий.

Потоки мигрантов, после некоторого спада или приостановки в критические

⁸ На тот момент абсолютное большинство населения страны идентифицировало себя в качестве граждан СССР, а не той республики, где они жили (кроме Прибалтики).

⁹ Анализ собственно миграционных процессов в эти годы см. в работах Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской, в многочисленных сборниках статей, документов и материалов различных конференций и семинаров, выходящих под их редакцией. Из самых последних работ заслуживает особого внимания монография В. Мукомеля (Миграционная политика России: постсоветские контексты. — М.: ИС РАН, 2005).

годы смены режимов, переворотов, усилившиеся волнами этнической дискриминации, вытеснения, размежевания, экономического кризиса, а местами — полного промышленного и хозяйственного краха, возобновились, как только в России начал обозначаться восстановительный экономический рост. Городская жизнь здесь (в сравнении с положением в других республиках, ранее казавшихся более благополучными, чем сама срединная Россия), представлялась гораздо более спокойной, уровень доходов и возможностей — более высоким, чем в других местах. В Россию потянулись люди, мотивированные прежде всего экономическими интересами, проблемами выживания, безработицей, перенаселением, в меньшей степени — межнациональными конфликтами или военными действиями на Кавказе. Постепенно мигрантов перестали воспринимать как вынужденных переселенцев, для которых в прежних местах проживания сложились невыносимые условия.

Эта миграция, в отличие от предыдущих волн, проходила в существенно новых условиях: во-первых, если не исчезли, то резко ослабли ограничения, связанные с пропиской (особенно в первой половине 1990-х гг., сразу после краха советской системы). Во-вторых, благодаря реформам возникли рынки труда и жилья, достаточные для того, чтобы открылись возможности для совершенно новых форм профессиональной деятельности, ранее преследуемой и наказуемой, и, соответственно, дополнительной занятости — частного предпринимательства, торговли, обслуживания, мелкого производства и т.п.

При спаде промышленного производства в России, достигшего 50%-го уровня и более, при трансформации структуры занятости (значительное сокращение рабочих на крупных предприятиях, быстрое развитие сектора обслуживания и торговли, сокращение социальной сферы и т.п.) шансы местного населения влиться в новые сферы экономики оказались не настолько отличными от шансов мигрантов, чтобы обеспечивать постоянным жителям гарантированные социальные преимущества¹⁰. Важнее оказывались различия в тактиках адаптации и поисках выхода из кризиса. Во многих случаях решающее значение имели культурные и традиционные факторы: дух предприимчивости, престиж занятия торговлей, опыт авантюризма и выживания, отсутствие привычных представлений об иерархии профессий и занятий, слабость или незначимость привычных норм государственного патернализма и пр.¹¹

¹⁰ Во всех современных странах-реципиентах, как показывает опыт, мигранты в первом поколении проявляют гораздо большую активность, работоспособность, честолюбивое желание пробиться, чем постоянное население, пытаясь не просто вписаться в «большое сообщество», но и продемонстрировать окружающим, что они, добившись успеха, усвоили базовые ценности этого сообщества.

¹¹ Для пестрой в этническом плане периферии России ориентация на жесткий государственный порядок, преследование незанятых на госпредприятиях были гораздо менее значимыми, чем для населения средней полосы России, прежде всего городского. Аграрное перенаселение этих территорий, масштабы латентной безработицы, отсутствие промышленности и соответствующей индустриальной культуры делали неизбежным появление сезонной работы в других регионах; отходничество, шабашные бригады строителей и т.п. формы обеспечения существования становились важнейшими предпосылками для адаптации населения этих регионов к новым условиям мигрантской жизни.

К этому времени — середине 1990-х гг., когда завершилась череда разнообразных кризисов, массовых потерь, связанных со снижением жизненного уровня (в 1990 г., 1992 г., 1994 г. и т.д.), стал отчетливо обозначаться феномен концентрации приезжих в столицах и крупных городах, то есть там, где имелись условия для работы или новых форм деятельности. В сравнении с дисперсным характером проникновения мигрантов в городские социальные и хозяйственные структуры в советское время, нынешние каналы миграции, а соответственно формы адаптации мигрантов, среда и характер их жизни в новых, постсоветских условиях существенно изменились: миграционная инфильтрация в эти годы шла уже не через государственные институты. Хотя в абсолютных масштабах миграция год от года уменьшалась, удельный вес приезжих в российских городах постоянно увеличивался, то есть росла сама масса новоприбывших, успешно адаптировавшихся именно благодаря известной свободе рыночных отношений.

На фоне довольно консервативного и малоподвижного населения¹², приученного к государственно-распределительной системе, а потому с трудом приспособляющегося к кризисной экономике, приезжие, заполнив вакансии в стремительно развивающейся системе обслуживания, торговле, малом и среднем бизнесе, частном строительстве, городском хозяйстве, стали видимым элементом прежде одноцветной и статичной в этническом плане социальной жизни крупных и средних городов. Их шансы приспособиться и добиться успеха в новых условиях были такими же, что и у местного населения, но стимулы — гораздо выше. У них не было надежд на социальные гарантии, на которые продолжали рассчитывать коренные жители (и напрасно, поскольку государство год за годом стремилось сбросить с себя социальные обязательства перед населением).

Мигранты, вынужденные осваивать новые социальные ниши и формы занятости, стали отмеченными элементами социальной жизни, на которые проецировались массовые негативные установки, канализировались раздражение и фрустрация, особенно у дезадаптированной части населения, составлявшей в разные годы кризиса от трети до половины всего городского сообщества России.

Распад советской системы повлек за собой неизбежную трансформацию социальных и экономических институтов (хотя система и распалась, но значительная часть важнейших институтов: правоохранительные органы, армия, школа, суд и т.п. — осталась практически без изменения). Реформы, вызвав вначале неоправданные массовые ожидания скорого улучшения жизни, роста доходов, проводились непоследовательно, более того — они затягивались;

¹² По данным «Мониторинга» (1995 год), 54% респондентов заявили, что они с момента рождения живут безвыездно в том месте, где их опрашивали.

снижение жизненного уровня населения в 1991–1993 гг. было катастрофическим. Хотя со временем большая часть населения восстановила утраченное, пусть и невысокое, благосостояние, пережитые годы оставили в массовом сознании сильнейший травматический след. Недоверие к власти, слабость ведущих государственных институтов породили состояние дезориентированности, неуверенности в ближайшем будущем, хронической тревожности, активизировавших разнообразные социальные страхи, комплексы ущемленности и неполноценности, бессилия и депрессии.

Подчеркну: кризис массовой идентичности после развала СССР был связан в первую очередь с дефицитом позитивных механизмов коллективной идентификации, оснований для удовлетворения, ценностно-символического наполнения национального самоопределения, а также с отсутствием сильной мотивации к изменению собственного поведения, в первую очередь экономического. Целостность коллективного (русского, российского) самосознания в 1990-х могла поддерживаться лишь негативным образом: а) через сохранение настороженного и подозрительного отношения к внешнему миру — странам Запада и прежде всего США как главному противнику в холодной войне¹³, б) через неприязненное отношение к бывшим сателлитам и республикам СССР¹⁴, в) через внутреннюю ксенофобию, разжигаемую враждебностью к мигрантам (в первую очередь кавказцам) или культурно и социально чужим (например, цыганам).

Формы негативной консолидации, изоляционизм, равно как и подогревание разнообразных комплексов национальной ущербности и т.п. представляют собой остаточные механизмы мобилизационного общества, уже неспособного «подняться» против «внешнего врага». Но они достаточны, чтобы стимулировать рост компенсаторной ксенофобии и сопутствующего ей суррогатного традиционализма (православия, мифологизированного имперского прошлого),

¹³ Точнее, речь идет об амбивалентном восприятии их как воплощения утопии «благополучия, порядка и цивилизованности» и как источника мифической угрозы, функциональная роль которой сводилась к простейшему: «раз американцы играют во всех случаях против нас, значит, в нас есть нечто особо ценное».

¹⁴ В 1990–1991 гг. показатели этнического негативизма или национальных антипатий выросли до 35–40%, причем лидерами были регионы, переживавшие в тот момент подъем национальной консолидации, например страны Балтии, Украина (главным образом западная), Молдавия, республики Закавказья, несколько позднее — Средней Азии. Политические лидеры и ангажированная часть населения этих республик акцентировали свою этническую особость, социальные, культурные барьеры между разными этническими группами, настаивали на усилении административно-государственных границ, что неизбежно влекло за собой и оживление рутинных этнических предрасудков, и общий рост ксенофобии. Реакцией на этот подъем этнического самосознания и национальной консолидации была довольно неумная и неадекватная кампания российских СМИ в середине 1990-х годов и позже, старательно растравлявших все мелкие обиды «старшего брата», от которого отвернулись бедные родственники, по его мнению, перекинувшиеся к богатым иностранным дядям. Такой тон стал привычным и общераспространенным уже в конце 1990-х гг., но особенно — во второй срок президентства Путина, результатом чего стало заметная и устойчивая неприязнь к бывшим республикам СССР, к Грузии, а затем, особенно после «оранжевой» революции, к Украине, чего раньше не наблюдалось.

ностальгии по идеализируемым советским временам. Эти негативные механизмы восполнили отсутствие позитивных достижений и ценностей в настоящем.

Если гордиться или утешать себя нечем, если надежды на чудо «прихода новой жизни» оказываются несостоятельными, а в реальности новые времена принесли лишь новые проблемы, то целостность массового сознания начинает восстанавливаться путем устранения самих источников раздражающего сравнения себя с другими или дисквалификации любого другого или других, особенно если эти другие претендуют (реально или в мнительном сознании ущемленных групп) на те же блага и привилегии, которые раньше были обещаны государством «всем», а значит в первую очередь «своим», «коренному» населению.

Хотя, на первый взгляд, антиамериканизм или антизападничество и внутренняя ксенофобия кажутся разными явлениями, не имеющими ничего общего, обусловлены они действием общего механизма социально-психологической компенсации, проявлением вытесняемой неудовлетворенности, скрытой неполноценности, влекущими за собой медленный, но непрерывный рост смещенной агрессивности.

За вторую половину 1990-х гг. программные политические идеи открытости «большому миру», приоритет «общечеловеческих ценностей» стали все заметнее исчезать из языка масс-медиа, из обихода большинства политиков, а значит забываться массами. К большинству россиян вернулся поддерживавшийся официальной советской пропагандой комплекс «осажденной крепости», чувство, что весь окружающий мир предвзято и недружелюбно настроен по отношению к России.

Если в конце перестройки представления о Западе были окрашены преимущественно позитивным отношением, вызванным ослаблением чувства опасности или угрозы, исходящей оттуда, ожиданием помощи в преодолении кризиса, более того — привлекательностью западных стран как моделей будущего развития страны, то после развала СССР и начала реформ общественное мнение, не без помощи коммунистов, теряющих влияние и власть, стало склоняться к мысли, что падение уровня жизни вызвано в первую очередь крахом государственной промышленности и ее нелегитимной приватизацией, осуществляемой по каким-то зарубежным рецептам и планам.

Еще в 1991 г. почти 60% россиян соглашались с тем, что стране следует «идти по пути развитых страна Запада». Однако вскоре антизападные настроения стали быстро нарастать, возникли и быстро распространялись подозрения, что Запад хочет колонизовать Россию, поставить ее на колени, прибрать ее богатства к рукам и т.п. Уже в 1994 г. 42% россиян считали, что «Россия всегда вызывала у других государств враждебные чувства», а к началу 2000-х гг. доля согласных с таким мнением выросла до 66%¹⁵.

¹⁵ Здесь и далее, если не сказано иное, приводятся данные регулярных общероссийских репрезентативных опросов (N=1600, от 18 лет и старше).

По мнению 56% респондентов (1995 г.), реформы и приватизация должны были привести к политической и экономической зависимости России от Запада (противоположных взглядов придерживалось 44% опрошенных). С распространением этих негативных установок ослабла и привлекательность модели западной демократии и рыночной экономики, усилились разного рода фобии, в том числе чувство, что страна стала «жертвой» чужих интересов, и, соответственно, активизировалось недоверие к другим странам, стремление к изоляционизму, начала расти ксенофобия и т.п. С середины 1990-х гг. опросы устойчиво показывают, что до двух третей российского населения считают, что Россия в будущем должна развиваться по «своему особому пути», хотя никакого реального содержания у этой идеи нет ни в массовом сознании, ни в суждениях политической и журналистской «элиты». Те же две трети опрошенных раз за разом говорят исключительно об отрицательном влиянии западной культуры на жизнь России¹⁶.

Рост обиды на бывших союзников и соседей вызывал подозрительное отношение не только к внешним партнерам, но и к внутренним «чужакам», ко всем нерусским, этническим «чужим» или приезжим (преимущественно имеющим неславянское происхождение). Они воспринимались как потенциальный источник угрозы для основной массы населения или причина развала страны. Стереотипы о засилье инородцев (как и об угрозе распродажи иностранцам национальных богатств страны) ложились на традиционную почву представлений о заговорах, сговорах, тайных силах и организациях, «мафии», наконец, составляющих основу этнонациональных комплексов и фобий. Отдельные элементы этих представлений в первой половине 1990-х гг. обнаруживали почти 75% опрошенных, но в систематически выраженном виде они были характерны для гораздо меньшей доли россиян.

В 1993 г. около трети опрошенных были убеждены в том, что в социальных бедствиях России повинны нерусские, живущие в стране, хотя мнение, что они «пользуются в России чрезмерным влиянием», разделяли уже 54% респондентов (несогласных с ними было только 41%). Существенных различий в ответах представителей разных социально-демографических групп не фиксировалось.

Для социолога недифференцированность коллективных представлений означает, что эти мнения играют интегрирующую роль, объединяя все общество на основе неприязни к чужим. Причем, источником заражения становятся особенно фрустрированные слои и группы, испытывающие наибольшую неуверенность в своем социальном положении и в будущем, но затем эти комплексы постепенно, по мере необходимости в соответствующей компенсации

¹⁶ После переизбрания Путина на новый на президентский срок три четверти россиян посоветовали бы ему быть во внешней политике как можно осторожней по отношению к Западу.

массового чувства ущемленности и неопределенности, потребности в психологической защите, распространяются на другие слои.

Наибольшие страхи и фобии этого рода отмечались у тех, у кого, по их самооценкам, снизилось общественное и материальное положение, кто раньше относил себя к людям, занимающим на лестнице социальных статусов *среднее* положение, а теперь начинал его терять¹⁷, — 70% придерживались ксенофобских мнений, обрисованных выше. Среди потерявших высокое положение удельный вес таких взглядов составлял чуть меньше — 64%. Напротив, подобные взгляды не разделяли поднявшиеся за годы реформ либо те, кого перспектива угрозы с Запада или со стороны недавних мигрантов не пугала. Среди этих категорий опрошенных было всего 19% респондентов с характерными фобиями и антипатиями (февраль 1994 г., N= 3961 человек).

Соразмерно усилению тенденции к изоляционизму, антизападничеству, ксенофобии росла и неприязнь к приезжим, мигрантофобия. К концу 1995 г. (октябрь 1995 г., N=2400) уже почти половина опрошенных (47%) считали, что миграция превратилась в «большую проблему» российского общества («не очень значительной проблемой») ее считали 26% опрошенных, а 17% вообще не думали, что эта тема заслуживает серьезного обсуждения, или отрицали само существование такой «проблемы»). Тем не менее, несмотря на ощущение нарастающей «избыточности» приезжих, даже в середине 1990-х гг. 22% опрошенных все еще считали, что «власти должны помогать вновь приехавшим с устройством на новом месте», и примерно столько же (20%) — что «они должны помогать им переехать в другие регионы страны», где рабочие руки нужнее и мигранты могли бы быстрее адаптироваться. К концу же первого президентского срока Путина мнение о том, что «приезжих стало слишком много» разделяло уже большинство россиян (табл. 2.1):

Таблица 2.1. Как Вам кажется, велико ли число приезжих из других регионов России и ближнего зарубежья, которые работают сейчас в том городе, районе, где Вы живете? (в % к числу опрошенных, N= 1600)¹⁸

	1995	2003	Суммарные изменения
Совсем нет	3	—	-9
Невелико	30	24	
Достаточно велико	28	38	+14
Слишком велико	25	29	
Затруднились ответить	14	9	-5

¹⁷ Было «как у всех, не ниже и не выше», в этом смысле ничего не заставляло людей ранее переживать по поводу своей жизни («неудавшейся», как стали определять ее теряющие статус).

¹⁸ Здесь и далее — распределение ответов на соответствующие формулировки вопросов.

Этнические предрассудки все в большей степени принимали форму «рационализации» воображаемой угрозы приезжих для русских и необходимости этнической «самозащиты»: к весне 1997 г. уже 39% считали, что предоставлять право проживания нужно «только русским», а для остальных нужно ввести ограниченный срок пребывания (и лишь 14% полагали, что властям не следует вмешиваться в жизнь мигрантов). В дальнейшем эта потребность обоснования барьеров между «своими» и «чужими» закрепляется, хотя и не распространяется на всех нерусских. Завистливое сознание ущемленных и встревоженных людей преувеличивало благополучие других этнических общностей, а это уже совсем близко от того, чтобы объяснять свою бедность или жалкое состояние происками врагов, тем, что чужие захватывают все то, что положено лишь тебе¹⁹. В этом и заключается механизм трансформации собственной ущемленности в зависть, превращения ее во враждебность и переноса этих негативных проекций на других, объяснение причин плохо сознаваемой ксенофобии.

Таблица 2.2. Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность....

	... к себе со стороны людей других национальностей			... к людям других национальностей		
	2002	2004	2005	2002	2004	2005
Очень часто	2	4	3	3	4	4
Довольно часто	8	10	9	9	13	9
Редко	29	29	26	29	29	25
Никогда/практически никогда	60	56	61	59	53	60
Затруднились ответить	2	1	2	1	2	2

Примечание. 2002 и 2004 гг., N=1600; 2005г., N=1881. Здесь и далее максимумы ответов выделены жирным шрифтом.

Как следует из табл. 2.2, особых поводов для ответной агрессии у большинства нет. Масштабы этнической неприязни в отношении русских слишком незначительны, чтобы считать их собственно массовым социальным явлением, а не случайным переносом бытовых конфликтов в этническую плоскость (следуя пословице: Иван украл, говорят — Иван украл; Абрам украл, говорят — еврей украл). Сравнивая три замера, разделенные несколькими годами, мы можем говорить об устойчивости, неслучайности этих распределений, от-

¹⁹ На вопрос, заданный в августе 2004 г.: «Как Вы считаете, русские в России живут беднее, чем представители других народов, так же или богаче?», — 45% опрошенных ответили «беднее», «так же» — 41%, «богаче других» — лишь 9% и 5% «затруднились ответить» (N=1600). На симметричный вопрос, заданный в ноябре 2005 г. (N=1600): «Как Вы считаете, национальные меньшинства в России живут в целом лучше или хуже русских?», — ответы распределились следующим образом: «лучше» — 31%, «примерно так же» — 44%, «хуже» — 16%.

сутствии здесь какой-либо динамики. Но если нет «внешних причин» для раздражения, то приходится делать вывод, что ксенофобия, этническая агрессия возникает в ответ на внутренние напряжения и комплексы, но затем тянет за собой проективную реакцию обоснования своей недоброжелательности в аргументах мнимой неприязни к себе и чужой агрессии.

Такое заключение подтверждают и результаты недавнего опроса (ноябрь 2005 г.). На вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к приезжим с Северного Кавказа, из Средней Азии и других южных стран, проживающих в Вашем городе, районе» — ответили: «уважение» — 2%, «симпатию» — 3%, «раздражение» — 20%, «неприязнь» — 21%, «страх» — 6% и «никаких особых чувств» — 50% (затруднились ответить всего 2%, что говорит о выраженности в массовом сознании подобных установок). Таким образом, негативные сантименты проявляются у 47% населения, почти на порядок превышая позитивное отношение (5%).

Природа ксенофобии и ее структурные особенности

Значительная часть опрошенных осознает, что на поверхность выходит ранее подавляемое, что раньше рассматривалось как неприличное, недопустимое поведение и выражение чувств или отношений. Например, на вопрос: «Как Вы думаете, в России в последние годы стало больше проявлений национализма или просто в последнее время стали больше об этом говорить?» — 40% опрошенных ответили, что «стало больше националистических эксцессов и проявлений», но 44% сказали, что «больше стали говорить» (июль 2002 г., N=1600). Характерно, что оба эти мнения примерно в одних и тех же пропорциях представлены в самых различных социальных группах, и в политическом плане они крайне слабо дифференцируются. А это значит, что действуют самые общие коллективные представления, объединяющие не отдельные категории населения (например, образованных столичных жителей или, напротив, бедную и непросвещенную периферию), а общество в целом.

Другими словами, отношение к мигрантам не является дифференцирующим фактором, изолированным от других ценностных напряжений. Оно оказывается предметным выражением более общих характеристик состояния массового сознания, коллективной идентичности и механизмов, поддерживающих определенный уровень солидарности. Рост собственного раздражения воспринимается «местным» населением как общее ухудшение обстановки, рост конфликтности, вызванный присутствием «чужих». Об этом говорят ответы 26% респондентов (ноябрь 2005 г.), заявивших, что в том городе или районе, где они живут, ощущается усиление межнациональной нап-

ряженности (тогда как 70% опрошенных не замечают ничего подобного); характерно, что у них отмечаются особенно сильные этнические антипатии и предрассудки.

Еще более выразительно этот проективный характер этнонационального раздражения проявляется в ответах на «экспертный» вопрос, стало ли большим за последние 5–6 лет число русских, которые разделяют крайние националистические взгляды: недоброжелательство, ненависть по отношению к приезжим из ближнего зарубежья, особенно кавказцам или выходцам из Средней Азии. 55% опрошенных заявили, что таких людей стало больше (всего 8% сказали, что их теперь «меньше», 24% — «как было»).

При анализе подобных массовых реакций исследователь все время сталкивается с внешне весьма противоречивой картиной ксенофобии, когда, при большом количестве говорящих о необходимости введения разного рода запретов и ограничений, применения к мигрантам репрессий и т.п., реально фиксируется лишь сравнительно небольшое число тех, кто говорит о своем внутреннем чувстве незащищенности или тревожности в связи с продолжающейся миграцией. На вопрос (июнь 2003 г., N=1600): «Как Вы думаете, представляют ли сейчас угрозу безопасности России люди нерусских национальностей проживающие в России, мигранты из других стран?» — только 18% опрошенных ответили, что над российским населением нависла «большая угроза». Другие, а это 28% опрошенных, характеризовали ее в категориях неопределенности — «некоторая угроза». Иначе говоря, разделяли такие опасения 46%, хотя большинство — 52% — отвечали, что никакой особенной проблемы нет либо она не настолько значительна, чтобы говорить об этом в категориях «угрозы», «опасности». То же самое показали более поздние замеры: полностью согласных с этим суждением в 2004 г. было лишь 16% (а вместе с теми, кто ответил «скорее да», разделяющих подобные мнения оказалось 42%, в 2005 г. — 37%); не согласны — 52% (в 2005 г. — 57% соответственно). Утвердительно ответили в 2004 и 2005 г. 47 и 45% опрошенных, отрицательно — 44 и 46% (табл. 2.3)²⁰.

Эти данные свидетельствуют о том, что речь не идет о реактивных настроениях, психологических состояниях, возникающих в ответ на какие-либо внешние воздействия или события, напротив, это гораздо более устойчивые комплексы массовых представлений, играющие важнейшую роль в поддержании баланса образов «себя» и «других» в структурах самоидентификации.

Как и в других случаях, массовая напряженность и диффузное раздражение соединяются с отношением к власти, поскольку в обществе нашего типа, об-

²⁰ Ср.: на вопрос «Согласны ли Вы с мнением, что необходимо ограничить влияние евреев в органах власти, политике, бизнесе, юридической сфере, системе образования и шоу-бизнесе?» ответили «да» 49% опрошенных, «не согласны» — 41%, остальные затруднились ответить (2004 г., август; N=1600).

Таблица 2.3. Распространенность комплексов ущемленности

Согласны ли Вы или нет с мнением, что...	2004	2005
<i>...во многих бедах России виновны люди «нерусских» национальностей?*</i>		
Определенно да	16	13
Скорее да	26	24
Скорее нет	37	32
Определенно нет	15	25
Затруднились ответить	6	6
<i>...национальные меньшинства имеют слишком много власти в нашей стране?</i>		
Определенно да	16	14
Скорее да	31	31
Скорее нет	34	30
Определенно нет	10	16
Затруднились ответить	8	9
<i>...русские в России живут намного богаче, чем представители других народов?</i>		
Намного богаче	2	1
Несколько богаче	7	7
Ни богаче, ни беднее, так же, как другие	41	41
Несколько беднее	26	25
Намного беднее	19	21
Затруднились ответить	5	5

* Ср. с распределением ответов на этот вопрос в 1993 г., приводившимся выше: в сумме доля утвердительных ответов тогда составляла 54%, отрицательных — 41%. Иначе говоря, имеет место медленное снижение значимости этого комплекса.

Примечание. В % к числу опрошенных. Август 2004 и август 2005 гг. — N=1600 и 1881.

ществе, где государство по-прежнему пытается контролировать основные сферы социальной жизни, общественное мнение возлагает ответственность за происходящее именно на руководство страны, требуя и ожидая от него решения социальных проблем путем принятия соответствующих мер. За три года мнения о необходимости ограничивать приток приезжих стали более распространенными и определенными (число затруднившихся в ответах на этот вопрос заметно сократилось, см. табл. 2.4).

Чем сильнее были сомнения в устойчивости социального порядка и способности властей обеспечить известную упорядоченность жизни, гарантировать минимально приемлемый уровень существования людей, тем острее было массовое стремление к простейшим формам защиты, психологической компенсации, тем выше уровень диффузной и неартикулируемой ксенофобии. Прежде всего, это выражалось в запросах на восстановление жесткого характера управления, проведение строгой запретительной политики, установление

Таблица 2.4. Какой политики должно придерживаться правительство России в отношении приезжих?

	2002 июль	2004 август	2005 август
Пытаться ограничить приток приезжих	45	54	59
Не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России	44	38	36
Затруднились ответить	11	7	5

Примечание. В % к числу опрошенных, 2002 и 2004 гг. – N=1600; 2005 г. – N= 1881.

системы барьеров и полицейских предписаний, которые бы восстанавливали четкие рамки массового поведения.

Можно сказать, что такие запросы представляли собой самое общее, никак не определенное выражение массовых ожиданий сильного лидера, способного навести в стране порядок. Другими словами, «редукция сложности» реальности, производимая массовым сознанием, предполагает сведение любой проблемы к репрессивным действиям государственного аппарата, снимающего тем самым сами источники напряжения. Композиция социальной действительности в этом плане строится на оппозиции «власть — объекты страхов», факторах неопределенности (и порождаемых ими напряжениях), одобрении или неудовлетворенности действиями властей²². Эта особенность восприятия государственной власти со всей очевидностью проступает во многих реакциях респондентов; управляющие воздействия в массовом сознании сводятся в первую очередь к различного рода репрессиям.

О значимости этих форм массового сознания можно судить по следующему тестовому вопросу (табл. 2.5).

Таблица 2.5. Как Вы считаете, что следует признать недопустимым в публичной жизни и что должно быть запрещено в нынешних условиях?

Варианты ответов	%
1. Мат в публичных местах	70
2. Продажу недвижимости (жилья, предприятий, магазинов и проч.) нерусским в русских городах и селах	52
3. Рекламу на ТВ, в газетах, на улицах	44
4. Право приобретения частными лицами госсобственности	43
5. Чуждые нашим традициям явления массовой культуры (музыка, фильмы и проч.)	40
6. Присутствие на улицах нищих и попрошайек	40

²² В этом смысле приход Путина лишь подтвердил общую готовность к восстановлению авторитарного режима и соответствовал общей тенденции к запретительству как единственному механизму поддержания стабильности.

Таблица 2.5. Продолжение

7. Право поселения инородцев и иноверцев в наших городах, селах, районе	34
8. Все партии, кроме двух–трех основных и самых крупных	28
9. Свободное перемещение иностранцев по территории России	24
10. Использование иностранных слов на ТВ радио, газетах, в выступлениях политиков	23
11. Продажу недвижимости кому бы то ни было	21
12. Критику президента Путина	19
13. Свободную продажу американских долларов и другой валюты	17
14. Критику деятельности Православной церкви	14
15. Деятельность, оппозиционную власти	12
16....	
17. Ничего из этого не надо запрещать	16

Примечание. 2003 г., N=1600. В % к числу опрошенных. Полужирным курсивом выделены существенные для нашего анализа пункты; ответы ранжированы.

Казалось бы, что общего между недовольством рекламой, нищими на улицах и отношением к инородцам или рессентиментными переживаниями, связанными с появлением «новых русских»? Общее только одно — определенные нормативные ожидания репрессивных действий властей.

Фобии нового, изменившегося порядка вещей легко переходят в ксенофобию и потребность в защитно-запретительных барьерах против групп, маркируемых в качестве симптомов или носителей этих изменений. Раздражение и беспокойство, вызванные неопределенностью ситуации, ожидаемыми опасностями или угрозами (понижения жизненного уровня, чувства незащищенности, утраты привилегированности своего социального положения, предсказуемости жизни и т.п.), выливаются на «чужих», не будучи связанными с сообщениями о коллективной пользе или социальных благах, общепринятых добродетелях в виде терпимости, благожелательности, готовности помочь.

Ксенофобические установки не допускают рационализации собственных аргументов, «ценность» неприязненного отношения (функциональная значимость утверждения о том, что другие «плохи», «мерзки», «грязны» и «преступны», что они «хуже нас») оказывается для индивида или множества индивидов гораздо более важной, нежели возможная общая польза и выгоды от сотрудничества с этими «чужими».

Два эти непересекающихся плана представлений обеспечивают иррационализм и самодостаточность ценностей самоутверждения, то есть поддержания этнической идентичности. Можно сказать иначе: такая конструкция сама по себе блокирует возможности замечать у самих себя взаимосвязь подобных установок и их рационализацию.

Атомизированное сознание «советского человека» не воспринимает разного

рода преимущества, связанные с миграцией, — оживление торговли, сервиса, улучшение работы городского хозяйства, рост строительства и т.п., поскольку они, эти выгоды и плюсы: а) не связаны с властью и не подкреплены разного рода государственными символическими маркировками и идеологическими знаками (пользы, интересов, необходимости и проч.); б) воспринимаются как предназначенные исключительно для удовлетворения частных интересов и нужд не «всех», а отдельных людей, в первую очередь круга «обеспеченных», что тянет за собой фоновые рессантиментные переживания и раздражения.

Таблица 2.6. Как Вы относитесь к тому, что на стройках России все чаще можно встретить рабочих из Украины, Беларуси, Молдовы, других стран ближнего зарубежья?

Сумма ответов	1997 май	1998 декабрь	2000 январь	2001 ноябрь	2002 декабрь	2003 декабрь	2004 август	2005 август
«Определенно положительно» + «скорее положительно»	25	29	27	28	22	22	21	22
Нейтрально	34	33	32	39	44	42	39	42
«Скорее отрицательно» – «определенно отрицательно»	33	34	38	30	31	32	38	35
Затруднились ответить	8	5	3	3	3	5	2	1
+/-	0,7	0,9	0,7	0,9	0,7	0,7	0,6	0,6

Примечание. В % к числу опрошенных.

Из таблицы 2.6 следует, что динамика отношения к приезжим за рассматриваемые восемь лет в общем и целом незначительна, колебания почти не выходят за пределы допустимой статистической погрешности. Тем не менее некоторые моменты стоит подчеркнуть:

- 1) устойчивое уменьшение числа затруднившихся с ответом говорит о том, что эта тематика в общественном сознании обретает формы установившихся мнений;
- 2) слабое снижение позитивной установки (с 29–28% в 1998–2001 гг. до 22–21% в последующие годы);
- 3) незначительное повышение индифферентности к обсуждаемым вопросам (с 33–34% в 1997–1998 гг. до 42–44% в 2002–2003 гг.), не особенно затрагивающих повседневную жизнь коренного населения.

Это значит, что положительные установки переходят в нейтрально-равнодушное отношение, что конкретная проблема (в той формулировке вопроса, в какой она присутствует в данном опросе) не затрагивает реальных интересов населения. Удельный вес негативных высказываний остается практически неизменным.

Задача разобраться с тем, что стоит за негативным отношением к мигрантам, или, точнее, понять, как пытаются мотивировать свое негативное отношение опрошенные, подтолкнула социологов Левада-центра к тому, чтобы вклю-

читать в массовые исследования блок диагностических вопросов о мотивах подобного отношения. Такая возможность представилась в декабре 2002 г., когда проводился большой опрос городского населения России по широкому кругу проблем, вызывающих острые ценностные реакции.

Тогда отрицательное отношение к мигрантам (еще раз подчеркнем, что речь идет именно о городском населении, где удельный вес выраженной ксенофобии выше, чем у сельских жителей, глубинки, а сама тема достаточно актуальна и обсуждаема на разных уровнях общества) высказали в целом 68% опрошенных, что было еще достаточно непривычным в исследованиях такого рода. Заявили о том, что они «резко отрицательно» относятся к приезжим 28% опрошенных, «скорее отрицательно» — 40% («скорее положительно» — 12%, «целиком положительно» — 3%). О своей индифферентности («эти вопросы меня не интересуют») или неоднозначном отношении к этой теме сочли нужным объявить всего 15%, и 3% отказались дать определенный ответ. Посмотрим, как распределяются эти мнения в зависимости от социально-демографических характеристик и профессионального статуса опрошенных.

Таблица 2.7. В последние годы в России появилось много приезжих, как иностранцев, так и бывших граждан СССР, мигрантов, беженцев из своих стран – выходцев из республик Кавказа, Средней Азии, Афганистана, Китая и т.п. Как Вы лично относитесь к этому?

	«Целиком положительно» + «скорее положительно»	«Скорее отрицательно» + «резко отрицательно»	Равнодушно, меня это не интересует	Соотношение +/- установок
В среднем	15	68	14	0,22
Предприниматели	32	50	15	0,64
Руководители	19	65	14	0,29
Специалисты	16	65	17	0,25
Военнослужащие, сотрудники МВД	13	73	2	0,18
Служащие	19	61	16	0,31
Рабочие	14	72	12	0,19
Учащиеся	16	69	12	0,23
Пенсионеры	13	70	15	0,19
Безработные	15	65	19	0,23
Домохозяйки	14	69	15	0,20
Москва + С.-Петербург	19	61	15	0,31
Большие города	16	70	13	0,23
Средние города	16	72	14	0,22
Малые города	18	67	15	0,27

Примечание. Декабрь 2002 г., N=4500. В % к числу опрошенных, данные о затруднившихся с ответом не приводятся.

Особенно негативно к приезжим относились милиция и военные, рабочие и пенсионеры, хотя, и это важно, различия между группами незначительны, что говорит о слабости или отсутствии каких-то сил, способных влиять на общество в этическом или гуманистическом плане. Относительно менее выражена ксенофобия у предпринимателей, но половина представителей этой группы настроены явно враждебно к мигрантам.

Сильнее всего негативизм вызывает сам факт адаптации приезжих, их успех, вписывание в рутинную жизнь российских городов. Максимум возмущений фиксируется именно в тех группах, которые *непосредственно не конкурируют* или не сталкиваются с чужими. Военных и милицию больше всех «заботит», что приезжие «отнимают рабочие места» у местных работников; пенсионеров — что они торгуют и «наживаются» на местном населении; руководителей и домохозяек — что они развращают и подкупают милицию; безработных — что «их очень много везде», учащихся — они просто им не нравятся, так как они «наглы» и т.п. (см. табл. 2.9).

Но важнейшие причины раздражения («они» пользуются тем, что по праву должно принадлежать только местным, «они вытесняют коренное население с насиженных мест», «они — чужие»), задающие характер апелляции к властям и требования запретительной политики по отношению к социальным и этническим «чужим», не могут быть не только названы, но и осознаны основной массой опрошенных. Это латентные механизмы, о которых можно судить только по силе неожиданной неприязни или широте распространения соответствующих предрассудков. Поэтому внутренняя агрессия обосновывается чужими, заимствованными из языка официоза или других социальных групп аргументами (см. табл. 2.8).

Таблица 2.8. Почему Вы отрицательно относитесь к тому, что в последние годы в Россию приехало много иностранцев и мигрантов?

1. Они ведут себя нагло и агрессивно, они опасны, я их боюсь	29
2. Они торгуют, они наживаются на коренном населении	26
3. Они везде, их слишком много, засилье приезжих	25
4. Они дают взятки, подкупают милицию и административные органы власти	21
5. Они отнимают рабочие места у коренного населения	18
6. Большинство преступлений совершается приезжими	16
7. Они чужие, живут по чужому и непонятному укладу жизни, говорят на непонятном языке	12
8. Они пользуются тем, чем по праву должно пользоваться только коренное население	11
9. Они выживают коренное население с насиженных мест	11
10. Все их нарушения остаются безнаказанными	9

Примечание. Декабрь 2002 г., городское население, N=4500. В % к числу опрошенных, сумма больше 100%, поскольку респондент мог выбрать для ответа до трех вариантов.

Рассмотрим теперь распределение наиболее частых ответов по социально-демографическим группам.

Таблица 2.9. Почему Вы отрицательно относитесь к тому, что в последние годы в Россию приехало много иностранцев и мигрантов?

Не любят мигрантов потому, что они...	наглы и агрессивны	торгуют	засилье приезжих	усиливают коррупцию	отнимают работу
В среднем	29	26	25	21	18
Предприниматели	21	18	17	18	15
Руководители	26	25	17	28	19
Специалисты	27	25	25	22	18
Военнослужащие, сотрудники МВД	27	23	25	18	29
Служащие	28	24	20	16	18
Рабочие	28	27	29	21	17
Учащиеся	38	22	25	17	14
Пенсионеры	31	31	24	20	18
Безработные	25	22	33	19	20
Домохозяйки	28	25	26	27	21
Москва + С.-Петербург	26	22	27	21	17
Большие города	29	30	29	21	17
Средние города	30	28	25	21	20
Малые города	30	23	23	19	18

Примечание. В % к числу опрошенных.

Высказанные заключения подтверждают выводы чуть более раннего общероссийского репрезентативного опроса об отношении к приезжим. Возьмем лишь одну характеристику массива опрошенных — их социальное положение (к «какому слою» они сами себя относят).

Таблица 2.10. Какие чувства Вы лично испытываете по отношению к выходцам из южных республик, проживающих в Вашем городе, районе?

Социальный статус	В среднем	Высокий	Средний	Низкий
Уважение	6	6	6	6
Симпатия	4	4	4	4
Раздражение	25	31	26	22
Неприязнь	27	27	29	24
Страх	6	3	6	7
Никаких особых чувств	44	42	43	46

Таблица 2.10. Продолжение

Сумма позитивных	10	10	10	10
Сумма негативных	58	61	61	53
Отношение позитивных к негативным	0,17	0,16	0,16	0,19

Примечание. Октябрь 2002 г., N=1600, без затруднившихся с ответом. Сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Как видим, самой устойчивой составляющей массовых установок населения к приезжим является равнодушие и отстраненность. Очень небольшая часть опрошенных (10%) воспринимает приезжих дружелюбно, но несравненно большая доля — более половины всех опрошенных — настроены явно негативно. Различия в антипатиях по группам несущественны и связаны лишь с характером групповых норм выражения неприязни (то есть с различными способностями артикулировать или вербализовать свои чувства и предпочтения).

У людей, занимающих в обществе разное положение, меняется не установка, а лишь модальность выражения ксенофобии (у тех, кто занимает более высокий статус и, соответственно, располагает большими социальными ресурсами, этнофобия несколько чаще выражается как «раздражение», у низкостатусных и малоимущих — в «страхе», в требованиях гарантий от власти и склонности к более жестким запретительно-охранительным мерам). Можно сказать, что «неприязнь» к чужим у относящих себя к средним слоям (т.е. у основной части населения) переходит в «страх» у «низших» и «раздражение» — у «высших», в какой-то степени соблюдающих рамки приличия и самосдерживания. Более обеспеченных отличает склонность к рационализации репрессивных действий исполнительных властей по ограждению основного населения от мигрантов.

Запретительный синдром массового сознания

Охранительно-запретительные установки распространены в российском обществе довольно широко: всего чуть больше трети опрошенных россиян (ноябрь 2002 г., N=1600) полагали, что запрещать заниматься бизнесом никому не следует на территории России (35%), или добавляли вполне разумно: «кроме тех, кто находится на госслужбе или на выборных должностях» (36%, по существу, это те же респонденты, что и в ответах на приведенный выше вопрос, во всяком случае, это респонденты с аналогичными социально-демографическими характеристиками). Однако часть

населения настаивала на подобных запретах: 14% считали, что нужно запретить предпринимательство кавказцам, еще 10% — китайцам, вьетнамцам, корейцам и другим приезжим из стран Азии, еще столько же — «всем негражданам» России. Кроме того, незначительное число респондентов требовали запретить или ограничить предпринимательскую деятельность всем «мусульманам» (4%), «евреям» (3%) и «гражданам западных стран» (около 3%).

Примерно такие же установки характеризуют отношение россиян к доступу на государственную службу. 27% опрошенных считали, что никому не следует чинить каких-либо препон, если человек идет работать в госаппарат («кроме лиц, имеющих судимость», добавляют 45%). Вместе с тем требуют ввести запрет на прием на госслужбу «лицам кавказской национальности» — 15%, «мусульманам» — 10%, евреям — 8%, бизнесменам — 6%, всем неправославным — 5%. Таким образом, почти половина опрошенных россиян (45%) полагали необходимым ввести барьеры в доступе к государственной службе для социально «чужих» или инородцев.

Но следует подчеркнуть, что сами эти различия проявляются только при общей и недифференцированной форме вопроса, то есть если не принимать во внимание латентные формы ксенофобии. Если же попробовать их учитывать, изменив соответствующие формулировки вопроса, сделав их более «операциональными», «конкретными» и понятными основной массе населения, то параметры ксенофобии заметно изменятся, различия практически исчезнут или, по меньшей мере, станут не столь значительными, а общая масса запретительных мнений заметно увеличится (табл. 2.11).

Таблица 2.11. Вы бы одобрили или нет принятие следующих мер?

Социальный статус	В среднем	Высокий	Средний	Низкий
Предоставить русским преимущественные права при назначении на ответственные должности?				
Да	59	54	59	61
Нет	23	31	23	18
Затруднились ответить	18	15	18	21
Ограничить возможности переезда представителей нерусских народностей на жительство на территорию России?				
Да	66	62	67	66
Нет	22	26	23	19
Затруднились ответить	12	12	11	15
Упростить процедуры высылки незаконных мигрантов в их страны?				
Да	78	84	79	73
Нет	8	7	9	7
Затруднились ответить	14	9	12	19

Таблица 2.11. Продолжение

Упростить процедуры для переезда русских из республик бывшего СССР?				
Да	82	86	83	80
Нет	8	8	9	6
Затруднились ответить	10	6	8	14
Запретить пребывание на территории Вашего города (района) приезжих с Кавказа?				
Да	58	52	58	60
Нет	22	28	22	19
Затруднились ответить	20	20	20	21

Примечание. В % к числу опрошенных в каждой группе. Октябрь 2002 г. N=1600.

Обращает на себя внимание сравнительно незначительный процент людей, выступающих против репрессивной политики (табл. 2.12). Это еще раз подтверждает нашу мысль, что ксенофобические настроения не являются специфической реакцией на увеличение массы мигрантов и тем более реакцией на те или иные их действия, что ксенофобия усиливается или спадает, будучи обусловленной преимущественно внутренними причинами или состоянием национальной консолидации, степенью интегрированности общества.

Таблица 2.12. Как Вы считаете, следует ли ограничить проживание на территории России?..

	2004	2005
Выходцев с Кавказа	46	50
Китайцев	39	46
Вьетнамцев	39	42
Цыган	32	30
Выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР	31	31
Евреев	15	18
Всех наций, кроме русской	14	11
Украинцев	8	8
Не следует вводить ограничения на проживание каких-либо наций	21	20
Затруднились ответить	5	5

Примечание. В % к числу опрошенных. 2004 г. – N=1600; 2005 г. – N=1881; ответы ранжированы.

Действительно, если мы сопоставим список тех проблем, которые *реально* беспокоят респондентов, с тематикой миграции, соотнесем остроту «засилья приезжих» с другими проблемами российского общества, то окажется, что раздражение и озабоченность, вызванные угрозой, исходящей от мигрантов, намного (на порядок) уступают повседневным заботам людей. В списке 25 самых важных проблем российского общества «наплыв мигрантов в Россию» занимает

лишь 16–17 место (примерно то же, что и «военные действия в Чечне» — эти проблемы назвали всего 7% опрошенных). Первые же 10 позиций из этого списка занимает следующий перечень тревог и беспокойств: рост цен (71%), бедность, обнищание большинства населения (53%), рост безработицы (39%), кризис в экономике, спад производства (33%), рост преступности (29%), недоступность многих видов медицинского обслуживания (29%), рост наркомании (29%), рост платности образования, недоступность образования (27%), резкое расслоение общества на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов (27%), коррупция (24%). Меньше, чем «засильем приезжих», россияне озабочены лишь «ухудшением межнациональных отношений, ростом национализма» (4%), то есть тем, что характеризует их собственное моральное состояние.

Попытки предложить россиянам рационализировать свою позицию в отношении миграции, объяснить причины антипатии и враждебности к приезжим, особого успеха не имеют, как показывают результаты последних исследований (июль 2005 г., N=2107). Это не какое-то нежелание отвечать на ненужные вопросы социологов, а принципиальная невозможность их объяснения. Безусловность этой антипатии, как и любого ценностного утверждения, задана функциональностью данной иррациональности: коллективное чувство единства «мы», не основанное на каких-либо достижениях и успехах, не требует оправдания, не нуждается в нем, а стало быть и не может поддерживаться какими-либо аргументами. Тем самым ксенофобия защищена от сомнений и критики.

Большинство опрошенных не в состоянии принять саму мысль о целесообразности, «нормальности» или естественности притока мигрантов в Россию и настаивают, вопреки очевидности, на том, что Россия не нуждается в услугах каких-либо приезжих — так считают 43%²³. 67% опрошенных уверены, что их город или район вполне может обойтись без приезжих. При этом примерно 43–47%, т.е. устойчивая масса носителей антипатии, категорически возражают против любого присутствия мигрантов в России²⁴.

Это мнение следует считать не просто общераспространенным, но доминирующим вопреки очевидному обстоятельству: основная часть мигрантов занята на тяжелых и низкооплачиваемых работах, на которые не идут местные жители, то есть приезжие делают работу, которая в противном случае не была

²³ Если добавить к этому еще четверть (24%) тех опрошенных, которые уходят от ответа и которым трудно объяснить свои взгляды, потому что это невозможно сделать на уровне здравого смысла, то в сумме мы получим две трети всего населения — огромный массив нефокусированной, диффузной этнической неприязни.

²⁴ Подчеркнем, что эти настроения растут. Так, на вопрос: «Что следует делать с нелегальными иммигрантами из стран ближнего зарубежья?» (то есть бывшими гражданами СССР) — большая часть опрошенных (53%) заявили: «выдворять их за пределы России», 38% считали, что им «необходимо предоставить работу и обеспечить нормальные условия жизни в России, обязав их соблюдать российские законы и выплачивать налоги» (ноябрь 2005 г., N=1600).

бы никогда выполнена (противоположной точки зрения — мы, наш город, район, нуждаемся в рабочей силе мигрантов — придерживается лишь 15%; как правило, это люди более компетентные и образованные, непосредственно связанные с практическими вопросами управления или производством, с экономикой: среди руководителей этот вариант ответа выбирают 33%, среди людей с высшим образованием — 27%, то есть вдвое чаще среднего).

Всего 8% респондентов заявили, что Россия нуждается в любых мигрантах — и тех, кто приезжает на временную работу, на заработки, но затем уезжает, и тех, кто остается здесь навсегда. Еще четверть россиян готовы допустить мигрантов в страну, но только на определенных условиях: 15% — только тех, кто приезжает временно, на заработки, но не остается, и 10%, напротив, только тех, кто готов стать гражданином России, ассимилироваться и слиться с ее основным населением. Последний вариант можно рассматривать как чисто демагогическое утверждение символических барьеров между Россией и приезжими, поскольку те же респонденты сохраняют всю полноту неприязни к выходцам или приезжим с Северного Кавказа (дагестанцам, кабардинцам и др.), никогда не терявшими российского гражданства.

Среди респондентов, более компетентных и информированных, относящих себя к статусно более высоким группам, чье положение более стабильно и устойчиво, ксенофобия выступает в несколько ослабленной форме: здесь заметно больше тех, кто считает необходимым привлекать мигрантов в Россию и тем более не строить им дополнительных препон. Так, среди директоров и руководителей организаций доля тех, кто высказывается категорически против *любого* присутствия мигрантов в России, несколько ниже, число затрудняющихся с ответом вдвое ниже среднего и, напротив, в 1,5 раза больше тех, кто считает, что Россия нуждается в приезжих, а доля готовых допустить мигрантов в качестве временных гастарбайтеров — более чем в два раза выше среднего (33 и 15% соответственно); среди специалистов эти показатели несколько ниже.

Готовность выставить разного рода барьеры и ограничения для мигрантов носит всеобщий характер, это доминирующее в российском обществе мнение, оно задает тон и предопределяет отношение к приезжим в самых разных планах существования.

Негативизм в отношении к мигрантам, запретительные рефлексии усиливаются по мере возрастания социальной ценности позиции или величины собственности, которые могут стать доступными для «чужих»²⁵. Их достижение или владение ими представляется слишком значимым благом для коренного населения,

²⁵ Интересно, что власть (в виде обладания аппаратом принуждения или распоряжения репрессивными средствами) эквивалентна «владению крупной собственностью»: запреты на доступ к этим позициям одинаково сильны, их отметили по 74% опрошенных, причем максимум этого негативизма приходится во всех смыслах на «средних людей», носителей норм этого общества — людей со средним образованием, среднего возраста или несколько старше, квалифицированных рабочих.

Таблица 2.13. Как Вы относитесь к тому, чтобы мигранты...

	«Положительно» и «безразлично»	«Отрицательно»
приобретали в собственность...		
квартиры, дома	31	58
кафе, магазины, автосервис и другие мелкие предприятия	24	64
участки земли	24	65
крупные предприятия	15	74
работали по найму...		
в частном бизнесе	36	53
в бюджетной сфере (медицина, образование, социальная работа и т.п.)	27	62
на государственной или муниципальной службе	20	69
в правоохранительных органах	16	74

Примечание. В % к числу опрошенных. Июль 2005 г., N=2107.

знаком социального престижа или авторитета. Все это говорит о том, что мы имеем дело не столько с реальной конкуренцией за ресурсы или распределяемые властями материальные или социальные блага, гарантии, работу и т.п., сколько за символические ресурсы и статусы, что, конечно, не делает проблему более легкой, но позволяет искать адекватные средства для ее решения.

«Россия для русских»

Взаимосвязь ксенофобии, изоляционизма и виртуальной социальной агрессии указывает на отсутствие элиты, которая могла бы задавать новые образцы понимания реальности. Сама аморфность и общность фобий, недифференцированность охранительно-запретительных массовых установок в социологическом плане свидетельствуют об отсутствии авторитетных моральных, культурных, социальных инстанций, которые могли бы блокировать развитие негативных социальных настроений или снять массовые страхи или диффузные напряжения, успокоить людей, канализировать возникающие напряжения. Это можно было бы сделать, только указав им позитивные цели или объекты достижения и самоутверждения, т.е. обозначить ориентиры социального действия и нормы отношений с малоизвестными «другими».

Но именно этого сделать, как оказалось, в России никто не смог, в отличие от других стран Центральной и Восточной Европы, переживавших схожие проблемы «переходного периода». Нигде, если судить по данным сравнительных исследований, уровень артикулируемой ксенофобии не достигал таких значений, как в России.

Именно в конце 1990-х — начале 2000-х гг. мы фиксируем в ходе различных исследований, что в коллективном сознании заметно укреплялось ощущение национальной исключительности, мифология «особого пути», шовинистические установки в отношении любых «чужаков», приезжих и истероидная (на фоне возобновившихся терактов на территории России) поддержка нового, неизвестного до того политического лидера, завоевавшего симпатии населения только риторикой «решительных действий». Появление подобной фигуры обеспечило массовому сознанию объект психологического трансферта: на него не просто стали возлагать чрезмерные надежды (перенеся соответствующие упования с Ельцина, дискредитировавшего себя в глазах общества) — он разгрузил от ответственности за себя, свое будущее дезориентированные и фрустрированные массы, став безальтернативным их спасителем.

Одновременно усилилась привлекательность нацистского призыва «Россия для русских».

Таблица 2.14. Как Вы относитесь к идее «Россия для русских»?

Варианты ответов	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Поддерживаю, давно пора ее осуществить	15	13	15	16	16	16	16	19
Ее неплохо было бы осуществить, но в разумных пределах	31	30	34	42	38	37	38	39
Отрицательно, это настоящий фашизм	32	30	27	20	26	24	25	23
Меня это не интересует	10	14	12	11	9	11	12	9
Не задумывались над этим	7	7	6	6	8	7	5	7
Сумма одобряющих	46	43	49	58	54	53	54	55
Отношение одобряющих к осуждающим	1,4	1,4	1,8	2,9	2,1	2,2	2,2	2,5
Затруднились ответить	5	6	6	5	3	5	4	3

Примечание. В % к числу опрошенных. N=1600.

Если в начале или середине 1990-х не более 20–25% населения характеризовались склонностью к подобным умонастроениям, то в 1998 г. этот лозунг поддерживали уже 43%, а в 2001 г. — свыше 58% российского населения, причем особо усиливалась выражено шовинистическая его составляющая («давно пора!»), характерная главным образом для низов и социальной середины (с 1999 по 2005 г. доля этих ответов выросла в полтора раза), также возросла поддержка и более респектабельной и «умеренной» формы этого лозунга.

Массив разделяющих эти лозунги медленно увеличивался с приходом Путина к власти, началом новой чеченской войны, общим заметным поворотом

к русскому традиционализму. Одновременно уменьшалось сопротивление русскому национал-изоляционизму и шовинизму (с 32 до 23%). «Перетекание» мнений шло от «не задумывающихся» к тем, кто разделяет эти идеи, но в сравнительно умеренном виде, а часть «умеренных» сменила их на более радикально-агрессивные формы выражения своих взглядов.

Таблица 2.15. Как Вы относитесь к идее «Россия для русских»?

Варианты ответов	В среднем	Социальный статус респондента*		
		Высокий	Средний	Низкий
Поддерживаю, давно пора ее осуществить	21	15	23	22
Ее неплохо было бы осуществить, но в разумных пределах	32	39	33	27
Отрицательно, это настоящий фашизм	18	28	17	14
Меня это не интересует	7	3	6	12
Не задумывался над этим	14	8	15	15
Отношение одобряющих к осуждающим	2,9	1,9	3,3	3,5
Затруднились ответить	20	20	20	21

* Субъективно указывался самим респондентом.

Примечание. В % к числу опрошенных. Октябрь 2002. N=1600.

Из таблицы 2.15 следует, что, хотя более агрессивные формы чаще проявляют именно низы и средние слои (22 и 23%), распространенность ксенофобии и изоляционизма оказывается выше в группах, занимающих статусно высокие и средние позиции (у относящих себя к «высоким» стратам — 54%, средним — 56%, низким — 47%), главным образом за счет использования более умеренных, респектабельных и «рациональных» форм выражения, по сути, ксенофобских и расистских взглядов. Правда, у высокостатусных респондентов идеологические установки более дифференцированы, гораздо выше и уровень неприятия этого лозунга: доля тех, кто полагает, что «подобный лозунг — настоящий фашизм», составляет 28%, что вдвое больше, чем у низовых слоев и групп. Доля индифферентных («меня это не интересует») среди респондентов, относящих себя к людям, находящимся на «высоких социальных позициях», составляет в сумме 31%, на средних ступеньках социальной лестницы — 41%, на нижних — 48%.

Разберем эти моменты более подробно, введя для анализа и объяснения этих общих манифестаций более развернутую шкалу значений самого лозунга, то есть переведем его в систему политических действий и административных мероприятий.

Таблица 2.16. Что означает лозунг «Россия для русских»? (в % к числу опрошенных; без затруднившихся ответить, июнь 2005 г., N=1600)

Варианты поддержки*	1	2	3	4	5	6
В среднем	47	37	31	31	25	21
<i>Возраст</i>						
18–24 года	48	37	36	35	24	27
25–39	50	45	30	26	26	23
40–54	49	35	31	34	25	20
55 лет и старше	41	32	31	30	25	18
<i>Образование</i>						
Высшее	55	39	27	24	23	26
Среднее	48	39	31	31	26	21
Ниже среднего	39	33	34	34	25	19
<i>Место жительства</i>						
Москва	41	52	32	36	25	17
Большой город	39	35	31	29	22	27
Средний город	55	39	33	29	29	23
Малый город	49	37	26	33	27	17
Село	46	34	33	29	24	19
<i>Семейный доход</i>						
Высокой	50	42	28	31	26	20
Средневысокий	52	41	34	27	26	21
Средненизкий	45	32	36	38	26	18
Низкий	38	30	24	29	21	15
<i>Потребительский статус семьи</i>						
Можем позволить себе дорогие вещи	57	53	14	30	6	26
Доступны ТДП, но дорогие вещи (дача, машина) затруднительны	41	39	36	36	18	22
Денег хватает на продукты и одежду, но ТДП трудно доступны	50	42	27	28	25	20
На еду денег хватает, но одежда вызывает финансовые затруднения	47	34	35	32	27	22
Денег не хватает даже на еду	43	30	30	29	29	22

* 1. Государственная поддержка русской культуры, национальных традиций.

2. Административный контроль за действиями нерусских, которые высказывают враждебность к традициям и ценностям русского народа.

3. Ограничения в проживании нерусских в российских городах.

4. Выселение нерусских (кавказцев, китайцев и др.) с исконных русских территорий.

5. Запрет для нерусских занимать ответственные должности в правительстве, ГД, СФ, администрации президента, руководстве.

6. Преимущества для русских при занятии государственных и других руководящих должностей, при поступлении в институты.

Почти половина опрошенных, разделяющих лозунг «Россия для русских», понимает под этим в первую очередь необходимость проведения активной национально-культурной политики государства, направленной на финансовую и организационную поддержку учреждений и коллективов, занимающихся «русской тематикой». Что реально должно означать подобная имитация традиционной культуры, сказать очень трудно. Если судить по рейтингам ТВ, то передачи с «фольклорно-плясовым» колоритом не пользуются особой популярностью. Но сам этот нео- или псевдотрадиционализм (в самом широком плане — от реставрированного или «изобретенного», если вспомнить выражение Э. Хобсбаума, фольклора до имперской идеологии) оказывается в функциональном плане чрезвычайно затребованным и властью, и с готовностью поддерживающим ее обществом, по крайней мере той половиной его, которая поддерживает этот лозунг.

За «поддержку русской культуры» выступают в первую очередь образованные россияне, жители средних и малых городов, сел (провинции как таковой), люди с более высоким уровнем дохода, национально ангажированные, а это избиратели практически всех партий, поскольку в последние годы различия в уровне этнических фобий между электоратами практически стерлись.

Примерно эти же категории опрошенных склоняются к необходимости этнократической кадровой политики, требуя для таких, как они, введения различного рода дополнительных привилегий и преференций, преимуществ при занятии государственных постов, ключевых должностей, при приеме детей в вузы и проч. Эти же группы настаивают на установлении режима этнического или расового апартеида (в сравнительно мягком его варианте), который облегчил бы им конкуренцию со стороны других этнонациональных групп. По существу, эти требования (а их выдвигает более трети россиян — 37%) представляют собой возвращение к дискриминационной «национальной» практике сталинских и брежневских времен, что отражает общую ностальгию по советской власти, по золотому веку брежневского застоя.

За ужесточение административного контроля над нерусскими или применение к ним самых суровых мер (ограничение проживания, выселение и т.п.) выступают главным образом социально депремированные группы — низкообразованные, малоимущие или люди со средним достатком, но с нестабильным социальным положением, неуверенные в себе и своем будущем, социальная периферия, избиратели КПРФ, ЛДПР, а также ущемленные жители Москвы, относящиеся к малоконкурентным категориям населения, «средние люди», аполитичные или, напротив, голосующие «как все» — за «Единую Россию». Молодые, люмпенизированные, не самые образованные склонны настаивать на самых жестких силовых мерах, требовать от властей репрессивных действий по отношению к нерусским (не просто установления каких-то огра-

ничений для приезжих, но прямого выселения кавказцев, китайцев, вьетнамцев и других).

Таким образом, мы имеем дело, по крайней мере, с двумя основными типами консервативной защиты слабой этнической общности, апеллирующей к государственной власти для проведения охранительной национальной политики.

Первый тип, который можно назвать условно «мягкой» реакцией на миграцию, представляет собой скорее *поощрение* определенной политики поддержки русской культуры и предоставления привилегий для русских в доступе к образованию, карьере, занятию ключевых позиций в бизнесе, органах правопорядка и армии, государственном управлении. Он предполагает сравнительно слабые формы административного контроля над чужими. Этот вариант этнократической или этнономенклатурной политики хорошо известен как в некоторых регионах России (бывших национальных автономиях), так и за рубежом. В общем и целом, его выдвигают ресурсообеспеченные группы, которые стремятся закрепить свое особое преимущественное положение.

Второй, более жесткий, тип можно назвать «*изоляционистским*», он ориентирован на предпочтение репрессивной политики по отношению к этническим чужакам или мигрантам, запреты для нерусских занимать ответственные должности в правительстве, парламенте, администрации президента. Он предполагает закрытие для чужих, приезжих доступа к ключевым социальным и политическим позициям в российском обществе (сюда входит и ограничение районов проживания или даже выселение приезжих с определенных территорий, установление административного надзора над нерусскими в целом или, по крайней мере, над теми группами, которые, по мнению надзирающих, отличаются «враждебностью в отношении русских», их ценностей и символов). Подобные установки чаще характерны для бедных в ресурсном плане групп (малоимущих, низкостатусных, пожилых респондентов, провинциалов, не имеющих других средств выживания в плюралистических или конкурентных условиях, кроме как символического уничтожения конкурентов). Но подчеркнем: в строгом смысле четких границ между различными вариантами политики «Россия для русских» нет, поскольку половина тех, кто придерживается будто бы культурно-поощрительной политики, готовы разделять жесткие требования административного воздействия на мигрантов и наоборот (см. приложение, табл.1).

Ксенофобия и политические ориентации населения

Распределение разных вариантов поддержки лозунга «Россия для русских» среди избирателей достаточно ожидаемо: мягкие варианты кажутся предпочтительными для сторонников проправительственных и псевдооппозиционных

партий, более жесткие варианты чаще выбирают сторонники КПРФ, ЛДПР и те, кто предпочитает голосовать «против всех» (табл. 2.17).

Таблица 2.17. Распределение вариантов поддержки лозунга «Россия для русских» в выборах различных партий (в % к числу опрошенных сторонников партий)

Варианты поддержки*	1	2	3	4	5	6
<i>В среднем</i>	47	31	31	21	25	37
КПРФ	36	22	46	32	31	17
«ЕР»	53	43	25	25	23	18
ЛДПР	56	43	31	42	26	23
«Родина»	53	38	26	21	24	15
Против всех	51	36	28	34	24	21
Не будут голосовать	40	41	33	43	21	25
Не знают, за кого	48	39	28	27	25	25
Не знаю, буду голосовать или нет	46	31	33	25	33	25

* 1. Государственная поддержка русской культуры, национальных традиций.

2. Административный контроль за действиями нерусских, которые высказывают враждебность к традициям и ценностям русского народа.

3. Ограничения в проживании нерусских в российских городах.

4. Выселение нерусских (кавказцев, китайцев и др.) с исконных русских территорий.

5. Запрет для нерусских занимать ответственные должности в правительстве, ГД, СФ, администрации президента, руководстве.

6. Преимущества для русских при занятии государственных и других руководящих должностей, при поступлении в институты.

Если обратиться к более ранним замерам, то окажется, что в прошлом распределение ксенофобских мнений, поддержка лозунга «Россия для русских» были гораздо более поляризованными. В 1991–1993 годах ксенофобия была тесно связана с партийными предпочтениями: наиболее толерантными были избиратели тех партий, которые на тот момент считались «демократическими»: «Демократический выбор России» и «Яблоко», наиболее ксенофобскими и агрессивными — КПРФ и ЛДПР. Но уже к концу 1990-х гг. эти различия стали стираться, а после прихода Путина к власти и установления авторитарного режима они постепенно сошли на нет (см. приложение, табл. 2).

На общем негативном фоне заметна лишь выраженная агрессивная риторика, характерная для ЛДПР и, в меньшей степени, для КПРФ или РНЕ. (Подчеркнем: в данном случае имеются в виду не суммарные ответы, свидетельствующие о диффузной или неопределенной антипатии, а только те ответы респондентов, у которых неприязнь отчетливо акцентирована, кто сам отмечает наличие у самих себя враждебности по отношению к «чужим».)

Таблица 2.18. Испытываете ли Вы в настоящее время враждебность к людям других национальностей?

Партии	«Очень часто» или «часто»	«Редко» или «никогда»
«ЖР»	2	98
СПС	2	98
ЛДПР	42	58
«Яблоко»	3	97
«ЕР»	9	91
КПРФ	16	84
«Россия» (Г.Селезнев)	16	82
РНЕ	17	83
Против всех	17	82
Не стал бы голосовать	9	90

Примечание. В % к числу опрошенных. Июль 2002 г., N=1600.

В декабре 2002 г. (N=1600) партийные предпочтения тех, кто разделял лозунг «Россия для русских», выглядели следующим образом: среди сторонников «Яблока» его поддерживали 41%; «ЕР» — 49%, среди «аграриев» и «Женщин России» — по 59%, жириновцев — 64%, коммунистов — 65%, сторонников СПС — 72%. Подчеркнем, что относительно меньшее число шовинистов среди приверженцев Явлинского и проправительственной «ЕР», объясняется не только тем, что здесь заметно больше число противников такого программного курса (37 и 31%, в полтора раза больше, чем у сторонников прочих партий), но и довольно значительное число не задумывавшихся над этими вопросами (11–12%, при 3–5% у прочих).

Охранительные установки дифференцированы по политическим пристрастиям и предпочтениям избирателей.

Таблица 2.19. Распределение охранительных установок среди избирателей основных партий*. Вопрос: согласны ли Вы с тем, что надо запретить на территории РФ...

Готовы поддержать ... на ближайших выборах	КПРФ	«ЕР»	СПС	«Яблоко»	ЛДПР	Против всех	Не голосовали
В среднем	17	18	6	5	3	7	15
...Заниматься бизнесом							
Кавказцам	23	15	7	4	5	10	10
Азиатам (китайцам, вьетнамцам)	22	15	7	3	6	9	9
Всем негражданам РФ	21	15	4	5	5	10	16
...Занимать посты в государственных органах							
Кавказцам	17	19	6	5	6	9	14

Таблица 2.19. Продолжение

Мусульманам	22	18	6	3	5	9	11
Неправославным	16	29	3	3	4	8	17
Евреям	35	22	2	3	5	10	6

* Всего готовы участвовать в выборах за эти партии или против всех 56% опрошенных, без сторонников мелких партий или затруднившихся с ответом (2003 г., N=1600).

Готовность запрещать предпринимательскую деятельность или работу на важных постах в государственных учреждениях и ведомствах особо отмечается у сторонников КПРФ (среди которых сильны рутинные, поскольку они идут еще от сталинского времени борьбы с космополитизмом, антисемитские настроения по отношению к работе евреев в государственных учреждениях, правительстве и связанных с ним организациях). Для «средней массы» (фактически — социально-политического болота) менее характерны установки на запрет предпринимательской деятельности и в большей степени — на запрет работы в госструктурах для выходцев с Кавказа, евреев, всех *неправославных* (!) и т.п. Избиратели других партий в этом плане не отличаются от основной массы неголосующих.

Параметры социальной дистанции. Замеры 2005 года

Природа ксенофобии не сводится или не исчерпывается теми причинами, которыми обычно официальные лица, а за ними и обыватель объясняют общераспространенное негативное отношение к приезжим. Причины ее коренятся в потребности в изоляционизме, утверждении расово-племенных ограничений, барьеров между «нашими» и «чужими», усиливающейся во время кризиса институциональной системы. Ущемленное сознание нуждается в полагании кого-то, кому жить должно быть хуже, чем самому субъекту данного мнения. Отсюда и «этологическое» требование агрессивного преследования этих «стоящих ниже по рангу» — «омег». Ни одна из кажущихся «рациональными» причин не выражается настолько, насколько бесснóвная латентная неприязнь, возрастающая от центров социальной жизни к ее периферии.

Никто из чужих не вызывает у россиян симпатии, доброжелательности или какой-то заинтересованности, даже украинцы и белорусы, в отношении которых, казалось бы, абсолютное большинство русского населения уверено, что это не разные народы, а один народ, в силу исторических причин оказавший-

Таблица 2.20. Общее отношение к мигрантам

Варианты ответов	В среднем	Москва + СПБ	Большой город	Средний город	Малый город	Село
Россия не нуждается в мигрантах	43	36	44	36	39	52
Я отношусь отрицательно к мигрантам	57	49	55	49	61	62
Я не отношусь отрицательно к мигрантам	27	30	22	33	26	26

Примечание. В % к числу опрошенных; без затруднившихся ответить. Июнь, 2005 г., N=1600.

ся разделенным, или разные ветви одного народа²⁶. Но такого рода представления актуализируются в другом, гораздо более идеологическом и политизированном, геополитическом контексте, где композицию «наши — не наши» образуют внешнеполитические символические субъекты.

Если же брать контекст «для внутреннего употребления», то каких-либо симпатий даже к украинцам российское население не проявляет, если не считать незначительного числа, почти маргиналов, — 13% заявляющих о том, что они были бы рады приезжающим в Россию украинцам. Сильнее позитивные акценты делаются на краях социального поля, в столицах и селе, но колебания в целом незначительны. Еще меньше фиксируется позитивных установок в отношении молдаван, «кавказцев», китайцев или выходцев из среднеазиатских стран, то есть всех «чужих» (здесь и далее приводятся результаты июльского опроса 2005 года, N=2107, в % к числу опрошенных).

Таблица 2.21. Распределение позитивных установок в отношении приезжих («приезжие вызывают главным образом симпатию и интерес») в зависимости от урбанизационной переменной

Приезжие из:	В среднем	Москва + СПБ	Большой город	Средний город	Малый город	Село
Украины	13	14	10	9	14	15
Молдавии	5	4	4	5	6	6
республик Сев. Кавказа	2	0	0	2	3	3
Закавказья	3	3	2	3	3	4
Средней Азии	2	1	0	2	3	4
Китая	2	1	1	2	3	2

²⁶ В том, что «Украина — это не за граница», убеждено почти две трети россиян — 63% (ноябрь 2005 г., N=1600). Подробнее см.: Дубин Б. Россия и соседи: проблемы взаимопонимания // Вестник общественного мнения. 2005. № 1.

Основу же массового отношения к приезжим украинцам и молдаванам, близким по культуре и образу жизни, составляют равнодушное безразличие, незаинтересованность, к «кавказцам» и «азиатам» — выраженная антипатия.

И в селе, в среде замкнутой и косной в социальном и культурном плане, и в столицах, где, напротив, степень многообразия максимальна, отношение даже к украинцам и молдаванам становится более негативным, чем в больших и средних городах. Приезжие у местного населения не вызывают интереса (хотя бы меркантильного, поскольку их услуги в сравнении с услугами местной рабочей силы стоят гораздо дешевле, а качество работы зачастую выше), скорее — страх и недоверие. Но сильнее всего негативизм проявляется в отношении «кавказцев» (в первую очередь из республик Северного Кавказа), причем уровень неприязни растет пропорционально величине города.

Таблица 2.22. Распределение ответов «Приезжие вызывают недоверие и страх» в зависимости от урбанизационной переменной

Приезжие из:	В среднем	Москва + СРБ	Большой Город	Средний город	Малый город	Село
Республик Сев. Кавказа	29	36	31	27	25	29
Из Закавказья	22	34	21	21	21	21
Из Средней Азии	20	23	16	19	19	24
Китайцы	18	18	15	16	19	22
Молдаване	6	9	4	7	6	6
Украинцы	4	6	3	4	3	6

Примечание. В% к числу опрошенных; без затруднившихся ответить.

Анализ распределения общей массы ксенофобии в зависимости от групповой принадлежности опрошенного, его социального или профессионального положения показывает, что центр тяжести ксенофобии лежит в группах, располагающих ограниченными ресурсами, зависимыми от других, не ориентированных на достижения или продвижение по службе. Однако носители ксенофобии — не люмпены, не маргиналы, а «обычные люди», средние по основным своим характеристикам (уровню образования, доходам, ценностным предпочтениям и политическим взглядам): прежде всего, квалифицированные рабочие и технические служащие без специального образования и квалификации, а также низкоквалифицированные рабочие. Некоторым отклонением на этом фоне выглядит группа опрошенных, включающая руководителей, директорат, топ-менеджеров: они обнаруживают максимум антипатии к китайцам, опережая в этом даже неквалифицированных рабочих (табл. 2.22 и 2.23).

Таблица 2.23. Распределение ответов «Приезжие вызывают недоверие и страх» в зависимости от социально-профессионального статуса респондентов

	Украинцы	Молдаване	Приезжие из республик			Китайцы
			Сев. Кавказа	Закавказья	Средней Азии	
В среднем	11	17	57	51	48	45
Руководители	4	13	49	44	28	70
Специалисты	9	14	58	49	47	40
Служащие	12	19	65	62	57	48
Квалиф. рабочие	12	18	60	60	50	46
Неквалиф. рабочие	25	28	61	56	53	54
Учащиеся, студенты	9	15	55	50	46	45
Пенсионеры	7	16	58	51	46	38
Домохозяйки	9	21	55	52	47	46

Примечание. В % к числу опрошенных.

Уровень негативизма, неприязненного отстранения тем выше, чем сильнее угроза приближения чужаков к тому, что считается для массового человека «своим», близким, дорогим, — дом, семья и т.п. Здесь общее диффузное недоброжелательство резко возрастает пропорционально сокращению социальной дистанции «свой — чужие». Этнические барьеры превращаются в расовые.

Таблица 2.24. Распределение негативного отношения опрошенных к соседству и браку с приезжими в зависимости от уровня образования опрошенных

	Образование				
	В среднем	Высшее	Среднеспециальное	Среднее	Ниже среднего
Не хотели бы иметь соседями приезжих из ...					
Украины	16	13	14	16	19
Молдавии	25	20	25	26	28
Республик Закавказья	53	48	56	57	48
Республик Средней Азии	53	47	54	55	53
Китая	56	54	55	56	56
республик Сев. Кавказа	59	58	58	63	55
Не хотели бы, чтобы их близкие родственники вступали в брак с ...					
украинцами	30	29	29	31	29
молдаванами	44	43	43	44	45
из республик Закавказья	71	73	74	71	67
из республик Средней Азии	72	73	75	71	69
китайцами	73	76	75	73	71
из республик Сев. Кавказа	73	74	76	74	70

Примечание. В % к числу опрошенных.

Если можно еще говорить о некоторых групповых различиях в отношении перспективы соседства с этническими чужими (более жесткие барьеры — у низкообразованных опрошенных), то в отношении к браку с приезжими всякие градации и ступенчатость отношений исчезают — здесь негативизм у респондентов из разных социальных категорий достигает максимума, а колебания между отдельными группами оказываются малозначимыми и составляют 5–8 пп. в отношении к украинцам, 6–12 пп. — ко всем остальным.

Сильнее всего неприятие чужих характерно для женщин, традиционно играющих консервативную роль хранителей традиций, а потому барьеры проявляются сильнее в тех статусно-профессиональных группах, где выше удельный вес пожилых женщин (среди служащих, пенсионеров, неквалифицированных рабочих, домохозяек).

Таблица 2.26. Распределение негативного отношения опрошенных к браку с приезжими близких родственников респондентов в зависимости от социально-профессионального положения опрошенных

	Не хотели бы, чтобы родственники вступали в брак с приезжими ...					
	украинцами	молдаванами	выходцами из республик			китайцами
			Сев. Кавказа	Закавказья	Средней Азии	
В среднем	30	44	73	71	72	73
Руководители	25	42	63	61	66	70
Специалисты	29	38	76	76	77	75
Служащие	31	47	80	81	82	80
Квалиф. рабочие	33	48	75	70	71	75
Неквалиф. рабочие	38	49	73	69	69	74
Учащиеся, студенты	25	39	70	67	68	70
Пенсионеры	35	56	80	78	76	75
Домохозяйки	29	50	73	72	75	75

Примечание. В % к числу опрошенных. Июль 2005 г., N=2107.

Нет сомнения, что рост русского национализма осознается большинством населения, в том числе и усиление его крайних агрессивных форм. Но это обстоятельство не вызывает особого беспокойства и тем более сопротивления, поскольку сам по себе этот процесс имеет характер своего рода извращенной, патологической «терапии» по отношению к ущемленному и закомплексованному массовому самосознанию. Попытка выявить, насколько само общественное мнение воспринимает причины этого обострения большого русского национализма, сразу же наталкивается на доминирующее нежелание обсуждать эти травматические моменты.

Таблица 2.27. Какова основная причина роста русского национализма в России в наши дни?

Варианты ответов	%
Террористические акты последних лет	18
Плохие условия жизни в России	13
Вызывающие действия, поведение национальных меньшинств	12
Власти не хотят бороться с национализмом, заинтересованы в его раздувании	3
Национальные предрассудки русского населения	2
Другое	4
Затруднились ответить	45

Примечание. В % к числу опрошенных; без затруднившихся ответить. Июнь, 2005 г., N=1600. В порядке убывания частоты ответов.

Как видим, самая большая группа опрошенных (45%) «затруднилась с ответом», фактически уходя от самой проблемы²⁷. Ответы других, сравнительно небольших групп опрошенных свидетельствуют о стремлении перенести ответственность за «русский национализм» с русских на «нерусских» или на «объективные» условия жизни в России.

Дробный характер объяснений, предлагаемых в каждом случае незначительным числом респондентов, указывает: а) на отсутствие общего представления, служащего базой для коллективной интерпретации происходящего, то есть отсутствие работы по рационализации самих этих проблем (неразработанность или вытеснение подобных общих представлений); б) на смещенный характер этнической агрессии и ксенофобии, стремление объяснять одни явления другими, не связанными с первыми причинно-следственными отношениями. Фактически лишь один вариант («вызывающие действия, поведение национальных меньшинств») мог бы служить непосредственным мотивом для роста ксенофобии, но, как видим, его выдвигает меньшинство опрошенных (равное, кстати, устойчивому ядру носителей массовых этнических фобий вне зависимости от того, кто в данном случае является предметом их неприязни), несоразмерное с общей «массой» ксенофобии.

Варианты «власти не хотят бороться с национализмом, заинтересованы в его раздувании» и «национальные предрассудки русского населения» чаще выдвигаются нерусскими респондентами, этническая идентификация которых в какой-то мере строится на их отношении к русским. У самих же русских мнения о том, как ведут себя власти в этом плане, лишены определенности и четкости: большая, хотя и не преобладающая часть опрошенных готова выс-

²⁷ Подобные экспертные вопросы к населению не совсем корректны с точки зрения методического пуризма: нельзя ждать и тем более требовать от респондентов ответов на вопросы, предполагающие владение специализированным знанием и квалификацией. Но в данном случае это не так уж и важно, поскольку именно подобная «некорректность» позволяет выявить — по самим способам аргументации — некоторые скрываемые обстоятельства массового самосознания.

тупить в защиту властей («российские власти борются с крайним русским национализмом» — 38%), хотя это и не выглядит достаточно убедительным; 25% респондентов, напротив, убеждены в том, что «российские власти поощряют крайний национализм и способствуют его распространению». Но очень большая часть опрошенных уходит или отказывается от определенного ответа по понятным и разобраным выше причинам — 37%. Осуждение властей в данном случае означало бы признание собственной неполноценности или отсутствия ответственности.

Резюме

1. Природа этнических фобий, или неприязни к мигрантам, представляет собой защитную архаическую реакцию на реальные или воображаемые угрозы в ситуациях, когда у населения, по его мнению, ограничены ресурсы выживания и возможности защиты своих позиций или интересов. Чувство опасности или тревожности усиливается не только из-за собственно мигрантов, но и из-за недостаточности (по мнению населения) действий властей, неуверенности в том, что власти защитят, общего недоверия населения по отношению к властям и основным социальным институтам.

2. Последствиями этой неуверенности или тревожности являются: а) диффузная агрессия в отношении приезжих как перенос или смещенная проекция собственной неуверенности и неполноценности на чужих; б) акцентирование собственной значимости, проявляющейся благодаря самому выражению этих фобий коллективной интеграции, подчеркиванию необходимости защиты собственных позиций и ценностей, выражаемых в требованиях представления населению принадлежащих ему прав, статуса, преимуществ перед чужими в силу одного лишь срока давности проживания в данном месте.

3. По существу, мы имеем дело с реакциями недостижительского, закрытого и неуверенного в себе общества на процессы усложнения общественной системы и социальной структуры, на процессы дифференциации. Это реакция консервативной самозащиты, попытка сохранить принципы номенклатурной конституции социума, неравноправного и иерархического устройства: деления на этносы (как суррогаты социальной структуры) с неравными социальными и политическими правами.

4. Возможности понижения уровня ксенофобии открываются либо с появлением у слабых и ущемленных групп общества (или самого общества) новых перспектив либо новых средств самоуважения. В этом плане ксенофобия — синдром стагнирующего общества, у которого отсутствуют авторитеты и надежды на будущее.

5. Ксенофобия этого рода, видимо, не представляет собой непосредственной опасности для основной массы мигрантов (в смысле угрозы погромов и этнических беспорядков, хотя каждый отдельный приезжий оказывается абсолютно беззащитным и против властей, и против улично-бытовой агрессии), но косвенное социальное воздействие ее на политику в самой России следует оценивать самым отрицательным образом, ибо она ретранслируется в нацистский или расовый популизм политических партий и самих властей.

Приложение

Таблица 1. Что означает лозунг «Россия для русских»?
(в % к числу опрошенных; без затруднившихся ответить, июнь 2005 г., N=1600)

Варианты ответов*	1	2	3	4	5	6
В среднем	47	31	31	21	25	37
1. Господдержка	100	28	26	24	24	47
2. Административный контроль	43	100	43	28	32	36
3. Ограничение проживания	40	44	100	30	37	37
4. Выселение нерусских	53	41	43	100	50	51
5. Запреты на работу в госаппарате	45	39	44	42	100	46
6. Привилегии для русских	59	30	31	29	32	100

* 1. Государственная поддержка русской культуры, национальных традиций.

2. Административный контроль за действия нерусских, которые высказывают враждебность к традициям и ценностям русского народа.

3. Ограничения в проживании нерусских в городах на территории России.

4. Выселение нерусских (кавказцев, китайцев и др.) с исконных русских территорий.

5. Запрет для нерусских занимать ответственные должности в правительстве, ГД, СФ, администрации президента, руководстве.

6. Преимущества для русских при занятии государственных и других руководящих должностей, при поступлении в институты.

Таблица 2. Отношение к мигрантам в электоратах политических партий
(распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к выходцам из южных республик, проживающих в Вашем городе, районе?») (ранжировано по позитивным установкам)

Партии	Сумма позитивных ответов	Сумма негативных ответов
«ЖР»	13	55
СПС	11	64
ЛДПР	11	52

Нужны ли иммигранты российскому обществу?

Таблица 2. Продолжение

«Яблоко»	10	59
«ЕР»	7	55
КПРФ	6	67
«Россия» (Г.Селезнев)	3	60
РНЕ	0	61
Против всех	5	68
Не стал бы голосовать	6	53

Примечание. В % к числу опрошенных. Июль 2002 г., N=1600. Ранжировано по позитивным установкам.

Таблица 3. Распределение ответов «отношусь к приезжим нейтрально, безразлично» в зависимости от урбанизационной переменной

Приезжие из:	В среднем	Москва + СПб	Большой город	Средний город	Малый город	Село
Украины	50	42	54	64	50	38
Молдавии	50	46	54	63	48	42
Средней Азии	35	34	34	44	37	29
Китая	35	32	32	42	37	30
Закавказья	33	27	31	41	33	30
республик Сев. Кавказа	29	25	24	38	31	25

Примечание. В % к числу опрошенных. Июль 2005 г., N=2107.

III. ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИГРАНТОВ

Мигрантофобия, усилившаяся в связи с массовыми иммиграционными потоками в крупные города России и порожденная боязнью утратить контроль над собственной локальной средой обитания, превращается постепенно в массовую ксенофобию, в общем-то, нехарактерную для страны, исторически сложившейся как многокультурная. Российское общество не готово к приему мигрантов. А в какой мере иммигрантские группы готовы к интеграции в России, насколько для них характерны такого рода устремления?

Альтернативы адаптации иммигрантов

При каких условиях иммигранты могут стать органичной частью российского общества? Только в этом случае мы можем говорить, что имеем дело с *интеграцией* иммигрантов в принимающую среду как в свою собственную жизненную среду дальнейшего обитания. Альтернативный вариант адаптации — *анклавизация* иммигрантов, то есть выстраивание внутри новой, но чуждой социально-культурной среды обитания своей собственной, более привычной и психологически комфортной¹.

Одна из ключевых проблем адаптации иммигрантов состоит в том, чтобы избежать (или хотя бы минимизировать) возможности образования мигрантских анклавов, со всеми порождаемыми ими криминальными, социально-культурными и иными рисками. Логику формирования анклавов в предельно простой форме можно описать через особенности функционирования на повседневном уровне двух ключевых мифологем общественного сознания.

С одной стороны, это абсолютно пустая и бессмысленная в историческом, этнографическом и даже антропологическом плане мифологема «лицо кавказской национальности», сложившаяся в сфере обыденного сознания. Некое виртуальное пугало для «своих» и пожизненное клеймо для «чужих», конкретным воплощением которых в обыденном сознании могут быть все, кто отличается от столь же виртуальной «славянской внешности», включая и этнических русских. Эта воображаемая, сконструированная принимающей стороной «национальность» становится в смысловой структуре повседневности вполне реальной категорией россиян, с которой вынуждены считаться и к которой

¹ отождествление интеграции с ассимиляцией, а анклавизации — с сегрегацией часто имеет место в публицистике. Эти термины, внешне сходные по смыслу, принадлежат к противоположным проблемным контекстам: интеграция и анклавизация обозначают альтернативные варианты *естественного* процесса вживания в новую социальную среду; ассимиляция и сегрегация как понятия сформировались в рамках дискурса о внешнем, волевым, *насильственным* включении данной группы в новую для нее среду или, наоборот, выдавливании какой-то группы из этой среды. По тем же причинам не стоит смешивать такие феномены, как «гетто» (тоже формы сегрегации), с анклавом как формой самоизоляции.

вынуждены относить себя иммигранты, ориентированные именно на *интеграцию, на растворение* в местном сообществе.

С другой стороны, это этнополитическая мифологема о мультикультурализме современной «продвинутой» городской среды, представляющая скорее желаемое (с точки зрения политики), нежели реальное состояние межкультурного взаимодействия в современной городской среде. Эта мифологема позволяет не замечать всей сложности и деликатности проблемы интеграции массы иммигрантов, столь необходимых для стабильного экономического роста большинства развитых стран. Виртуальный, воображаемый мультикультурализм социальных сред превращается в реальность посредством законодательства и практик, фактически закрепляющих приоритет прав члена группы меньшинства перед правами человека и гражданина. Таким образом, мифологема, призванная элиминировать необходимость интеграции инокультурных мигрантов в принимающем сообществе, стимулирует процессы анклавизации, т.е. внутреннего, иницируемого самими мигрантами отчуждения от социума и культуры принимающей среды.

Анклавы, как форма самоорганизации и жизни людей одной культуры по стандартам своей культуры внутри иной социально-культурной среды, появились не вчера и, пожалуй, как исторически, так и по масштабам такая форма самоорганизации характерна именно для представителей Западной Европы, во всяком случае, она активно практикуется ими со времен великих географических открытий по сей день и зарекомендовала себя как эффективное средство освоения природных и человеческих ресурсов неевропейских территорий. Для «простого советского москвича» анклавы также не были «буржуазной экзотикой». Достаточно произнести слово «лимитчик», как сразу вспоминается весь негатив, все тогдашние опасения за сохранность московской культурной среды, связанные с этим словом, хотя тогда это были не какие-то чуждые «лица кавказской национальности», а большей частью свои, родные рязанские, смоленские и т.п. И не исключено, что многие бывшие «лимитчики», забыв все унижения и обиды, нанесенные им когда-то «коренными» москвичами советского времени, с азартом очищают современную Москву от «чужаков»².

Функциональность анклава в том, что в рамках этой, по сути, буферной среды первоначальный этап вживания в новую среду, сопровождающийся неизбежным (особенно для традиционных сельских сред) отторжением чужака средой³, оказывается менее травматичным в психологическом, а иногда и в

² Кстати, наши респонденты-мигранты четко различали «коренных» и относительно недавно приехавших москвичей (в первом поколении), приписывая именно последним резко негативное отношение к вновь прибывшим.

³ Процесс первоначального отторжения чужеродных элементов вполне естествен, сродни процессам в живом организме, и свидетельствует скорее о мере целостности и традиционности среды, чем о болезненном состоянии ее представителей, называемом ксенофобией.

физическом смысле, чем в случае одиночного переселения⁴. Но это краткосрочный позитивный эффект. Долгосрочные и негативные эффекты заключаются в ослаблении мотивации к адаптации, «растворению» в принимающей среде; мигранты гораздо дольше оказываются «чужими среди своих» со многими связанными с этим состоянием проблемами выживания, вплоть до незнания бытового языка и символического контекста новой среды, неписаных правил поведения и других важных составляющих повседневного взаимодействия.

С начала прошлого века волны массовых миграций (в основном на Американский континент) приводили к формированию анклавов, но чаще всего эти анклавы рассасывались или, по крайней мере, теряли свою рельефность, за исключением, пожалуй, анклавов мигрантов из Юго-Восточной Азии, в первую очередь китайцев. Это дало исследователям основание считать анклавы промежуточной, рано или поздно преходящей стадией приспособления мигрантов к новой среде. Сегодня ситуация иная. Во-первых, в отличие от сегодняшних ранее изучавшиеся миграции были волнами именно *переселений*, а не временного пребывания на данной территории ради заработка, за исключением, кстати, китайских миграционных волн. Сейчас, при столь же массовых и даже еще бóльших по масштабу миграционных потоках, мотив временного заработка, во всяком случае для России, является преобладающим.

Современные миграционные потоки — это не столько потоки оседающих на новом месте иммигрантов, сколько потоки *прокачки* людей разных культур через определенные, чаще всего наиболее благополучные в экономическом отношении территории, являющиеся некой сферой коллективной *privacy* для принимающего населения. Важно понять, что процесс *прокачки* непрерывен, он не прекращается, а скорее *перенаправляется* на новые территории, когда данная территория перестает быть привлекательной для мигрантов. Анклавы из специфической формы приспособления иноэтничных мигрантов к принимающей среде трансформируются в ряде случаев в *институализированную инфраструктуру по обслуживанию временных мигрантов*, которая может стать процветающим теневым коммерческим предприятием; принимающая социокультурная среда в этом случае не просто безразлична, она становится обузой, мешающей бизнесу.

Во-вторых, перемещения людей разных культур осуществлялись ранее на практически «пустые» в социально-культурном плане территории, т.е. в сообществе, по европейским меркам не имеющие целостной, исторически глубоко укоренной и более или менее единообразной культурной и социальной традиции. После того как такие же мощные потоки хлынули в Европу, важность учета этого обстоятельства стала очевидна.

⁴ См.: Кузнецов И.М. Факторы адаптации мигрантов из Средней Азии в Нечерноземье // Новое в этнографии. Полевые исследования. Вып. 1. — М.: Наука, 1989. С. 60–64.

Наконец, в-третьих, более пристальное рассмотрение исключений, тех же устойчивых китайских мигрантских анклавов, навело на мысль о том, что, видимо, есть культуры, для представителей которых жизнь в анклаве, в некоей буферной социокультурной среде, является предельно возможной формой интеграции с принимающей средой⁵, т.е. такие анклавы принципиально неинтегрируемы, и проблема в том, мешают они нормальному функционированию принимающего сообщества или нет.

«Добро пожаловать в анклав»

Вероятно, не всем вообще этническим мигрантам, а в большей мере временным трудовым мигрантам, прибывающим на заработки, свойственна тенденция дистанцироваться от принимающего сообщества, рассматривать его исключительно как экономический ресурс и, следовательно, вполне осознанно пренебрегать освоением основных социокультурных реалий этого общества, включая язык и принятые нормы общежития.

Образ жизни именно этой группы мигрантов, безотносительно к конкретному этническому происхождению, служит материалом для конструирования и поддержания стереотипа «лица кавказской национальности», агрессивного чужака, который затем переносится на всех, как-либо антропологически или культурно отличающихся от основной массы принимающего населения: представителей традиционных для России меньшинств (автохтонных меньшинств), приезжих, давно интегрировавшихся в российский социум представителей этнических диаспор.

Для проверки этой гипотезы были сформированы две примерно равные группы из 300 мигрантов-азербайджанцев⁶. К первой отнесены те, кто выразил желание получить (или уже имел) российское гражданство и намеревался остаться в Москве навсегда («ориентированные на интеграцию»), ко второй — те, кто собирался немного поработать здесь и уехать либо в Азербайджан, либо в другую страну («ориентированные на временный заработок»). По ряду параметров интеграционного потенциала между этими группами обнаружились неслучайные, статистически значимые различия, не всегда очевидные и ожидаемые.

Ориентированные на интеграцию с московским сообществом более склонны причислять себя к россиянам и москвичам, чем приехавшие в Москву ра-

⁵ См., напр.: Кузнецов И.М. Адаптивность этнических культур и этнокультурные типы самоопределения личности // Советская этнография. 1988. № 1. С. 15–27.

⁶ По материалам поддержанного Фондом «Либеральная миссия» социологического обследования в Москве в 2005 г. в рамках проекта «Демифологизация этнических мигрантов и проблемы формирования толерантности к мигрантам в российском обществе», включающего опрос мигрантов-азербайджанцев Москвы и фокус-группы с московскими студентами.

ди заработка, что видно из приведенной ниже таблицы сравнительных ранговых позиций разных сообществ, с которыми чаще всего отождествляют себя иммигранты в Москве (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1. Ранговые порядки идентичностей азербайджанцев-иммигрантов в Москве⁷

Ранг	Азербайджанцы-иммигранты:	
	Ориентированные на интеграцию	Ориентированные на временный заработок и временное пребывание
1	Жители Азербайджана	Азербайджанцы
2	Азербайджанцы	Жители Азербайджана
3	Мусульмане	Мусульмане
4	Россияне = москвичи	Люди моего дохода
5	Москвичи = россияне	Кавказцы
6	Люди моего дохода	Закавказцы
7	Кавказцы	Россияне
8	Закавказцы	Москвичи

Первые три места в списке, который условно можно назвать «Мы — это прежде всего...» занимает безотносительно к дальнейшим жизненным планам (остаться навсегда или поработать и уехать) принадлежность к своей родной земле, своей национальности и своей религии. У решивших остаться на жительство в Москве азербайджанцев сразу же за этим идентификационным ядром следует принадлежность к москвичам и россиянам, а «кавказцы» и «закавказцы» идут последними в списке. Иначе говоря, эти люди не приемлют отождествления себя с «лицами кавказской национальности», столь активно навязываемого им московским сообществом и представителями власти.

У временных трудовых мигрантов — все наоборот, они прежде всего отождествляют себя с теми, кто столько же зарабатывает, и с «кавказцами», раз уж так угодно этому сообществу «россиян» и «москвичей», с которым они не стремятся ассоциироваться.

Мигранты, ориентированные на интеграцию, с меньшей охотой причисляют себя к людям своей национальности и с большим энтузиазмом — к «кавказцам», чем их соотечественники, временные трудовые мигранты⁸ (см. табл. 3.2).

⁷ Самоидентификация. Шрифтами выделены идентичности, составляющие ядро, средний уровень и периферию структуры идентичностей.

⁸ Что не противоречит низким (или высоким) ранговым позициям указанных отождествлений.

Таблица 3.2. Самоотождествление азербайджанцев-иммигрантов Москвы

Варианты самоотнесения	Азербайджанцы-иммигранты:	
	Ориентированные на интеграцию	Ориентированные на временный заработок
Безусловно причисляют себя к азербайджанцам	56,6	69,5
Безусловно причисляют себя к кавказцам	24,8	9,8
Безусловно причисляют себя к закавказцам	25,4	11,0

Примечание. В % ответивших в данной группе.

На наш взгляд, такая странная позиция мигрантов, ориентированных на интеграцию, объясняется достаточно просто, если учесть, что эта позиция является функционально оправданной реакцией на опыт их повседневной жизни среди москвичей, а не на этнополитические формулы или статистические выкладки о многонациональном составе Москвы. В самом деле, человек, стремящийся слиться с новой средой, прежде всего пристально всматривается в повседневные реалии этой среды, в их латентную смысловую нагрузку и принимает эту специфически осмысленную реальность как данность, которой необходимо руководствоваться с минимальным ущербом для собственной самооценки. (Не забудем, что для нашего мигранта ядром его самооценки является его принадлежность к Азербайджану и азербайджанцам.)

В московском социально-смысловом пространстве есть внешне безэтничная реалья «москвич», латентно прочно ассоциирующаяся с принадлежностью к русским. В Москве в то же время нет устоявшегося в общественном сознании понятия «москвич определенного этнического происхождения», каковое отчасти присутствует в крупных городах Западной Европы и, безусловно, присутствует в Нью-Йорке. Взамен понятия, фиксировавшего равноценность двух идентичностей, дополнявших одна другую, в Москве четко обозначена такая ставшая уже неотъемлемой частью московской социальной среды, реалья, как «лицо кавказской национальности». И эта реалья оказывается единственной нишей, куда может отнести себя азербайджанец, если он хочет идентифицировать себя с москвичами, поскольку других адекватных его самосознанию реалий в московской повседневной жизни нет.

Именно стремление «жить как все» заставляет азербайджанцев, ориентированных на интеграцию, считать себя «лицами кавказской национальности» в большей степени (24,8%), чем соотечественников, не собирающихся интегрироваться (всего 9,8%), и в меньшей степени — «азербайджанцами» (56,6 против 69,5% соответственно).

Этот феномен *воздействия локальной повседневной структуры смыслов и реалий* мы бы назвали *добровольно-принудительной сегрегацией*: никто не принуждает иммигранта надевать на себя маску «кавказской национальнос-

ти», но быть *признанным* москвичом он может только в этой маске. Что обязательно для временных трудовых мигрантов, которые не собираются здесь жить и не стремятся быть своими. Поэтому последние более настойчиво отказываются от смешения очевидных для них этнокультурных различий народов Кавказа и соответствующих этнонимов в одну массу.

Другой ряд вопросов возник при анализе структуры идентичностей мигрантов, то есть системы связей между перечисленными выше самоопределениями.

Идеальный вариант структуры идентичностей, который бы соответствовал основному условию эффективного процесса интеграции — включенности в повседневное общение с представителями «коренного» сообщества, — представляет собой связанные в один кластер базовые идентичности. Например, идентичности «происхождения» (территория выезда, и/или национальность, и/или конфессия) увязываются с идентичностями, базовыми для принимающего сообщества: «россияне», и/или «москвичи», и/или «люди моего уровня доходов». Это свидетельствовало бы о том, что идет активный процесс освоения локальной московской вариации русского языка, повседневных норм, привычек общения и т.д., то есть тех латентных поведенческих и ментальных нюансов, которые делают москвичей москвичами. Результаты анализа данных социологического опроса дают несколько иную картину (см. рис. 3.1).

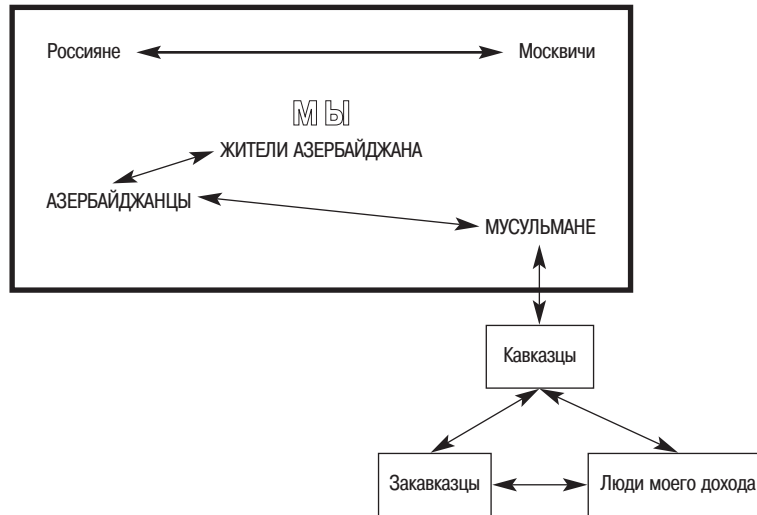

Рис. 3.1. Идентификационная структура азербайджанцев, ориентированных на интеграцию в Москве

В сознании иммигрантов существует отчетливая связь понятий «россияне» и «москвичи». (Напомним, что эти понятия занимают существенное место в списке самоопределений мигрантов, ориентированных на интеграцию в московской среде.) Однако, как видно на рис. 3.1, эта пара понятий структурно никак не связана с другими самоопределениями, в том числе базовыми. Иначе говоря, причисление себя к москвичам и россиянам обозначается скорее как стремление, чем реальность. В реальности нет условий для осуществления этого стремления: московская среда готова считать иммигрантов своими лишь условно — в качестве «лиц кавказской (или «азиатской», или «китайской») национальности». Причисление и самоотнесение к этим сконструированным принимающей средой категориям порождает специфические именно для иммигрантов круги повседневного общения в принимающей среде — земляки, люди одной национальности, единоверцы, лица одинакового уровня дохода, выходцы с Кавказа.

Можно с большой долей уверенности предположить, что именно такова типичная структура идентичностей и, следовательно, повседневных рутинных кругов общения члена регионально-культурного анклава в большом городе: значимая, но декларативная принадлежность к принимающему сообществу и реальные круги общения, замкнутые на искусственно сконструированное принимающей средой и в этом смысле *навязанное* иммигрантам регионально-культурное и/или конфессиональное сообщество. Противоречивость этой ситуации, ее проблемность определяются тем, что именно люди, искренне стремящиеся интегрироваться в принимающее сообщество, вытесняются на позиции, наименее способствующие такой интеграции.

Необходимо отметить, что такая структура идентичностей, по нашим данным, характерна для иммигрантов, достаточно долго (в среднем свыше 7 лет) проживших в новой среде. Для тех, кто приехал недавно или не собирается оставаться здесь на постоянное жительство, характерна иная структура идентичностей, представленная на рис. 3.2. Эту конструкцию даже трудно назвать структурой, это скорее набор ситуативных самоопределений, никак не связанных ни между собой, ни с базовыми самоопределениями. Предположительно, носитель такой «структуры» вообще не ассоциирует себя со средой, в которой он сейчас живет, а следовательно с ее ценностями и нормами общечеловеческого бытия.

Неслучайно, по нашим данным, этим людям в большей степени, чем ориентированным на интеграцию, свойственна склонность к нарушению социальных норм и правил. Однако необходимо подчеркнуть, что это очень слабо проявленная тенденция, не имеющая ничего общего с тем «разгулом» этнической преступности, о котором так любят говорить некоторые политики.

Внутренняя логика процесса самоорганизации иммигрантов в анклав состоит в том, что, имея в виду главную цель приезда — заработок, они идут по пути наименьшего сопротивления, стремясь по возможности быстрее выстроить времен-

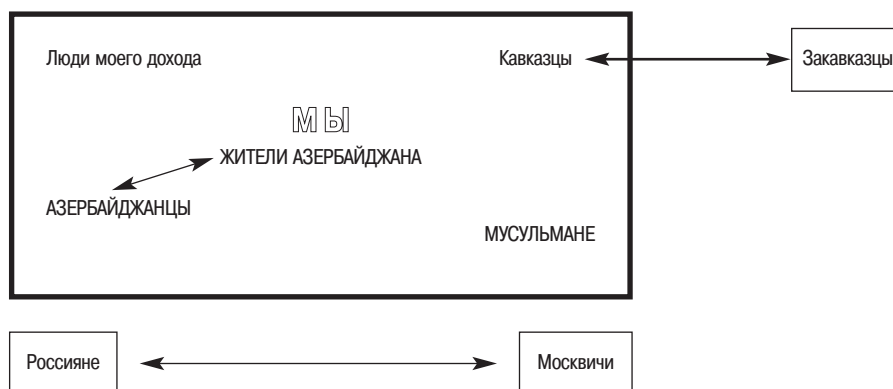

Рис. 3.2. Идентификационная структура азербайджанцев – временных трудовых мигрантов в Москве

ную, но все же относительно привычную среду обитания. Со временем некоторые из них оседают на новом месте и становятся постоянными жителями анклава, носителями и трансляторами его традиций, главным образом потому, что принимающая среда в ином качестве их не воспринимает. Иммигранты, изначально стремящиеся интегрироваться, также со временем вытесняются в анклав, несмотря даже на самые благие намерения принимающей стороны⁹. И здесь мы тоже видим определенное противоречие: на уровне элит, в том числе и властных, декларируется намерение максимально приспособиться к многокультурному иммиграционному потоку, сделать интеграцию в новую среду наиболее эффективной, лишь бы люди приезжали и работали; а на уровне повседневности выстраивается внешний культурный барьер, практически блокирующий интеграцию и в конечном счете ограничивающий социальную мобильность мигрантов.

При всем этом иммигранты, ориентированные на постоянное жительство, имеют очень высокий интеграционный потенциал, выраженный в хорошо согласованной системе представлений относительно особенностей принимающей среды и требований, которые она к ним предъявляет. Эта группа иммигрантов проявляет устойчивое стремление стать «коренными жителями» в новой среде, хотя бы во втором поколении, даже осознавая определенную несовместимость этого с тем, что «в семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь»¹⁰.

⁹ Имеются в виду часто вполне искренние попытки утвердить принципы политкорректности, толерантности и проч.

¹⁰ Судя по матрице корреляций установок иммигрантов-азербайджанцев на интеграцию и изоляцию.

Стремление стать «коренными москвичами» тесно связано с пониманием того, что «в Москве надо стремиться жить, как все», причем это суждение тесно сцеплено в сознании иммигрантов с представлением о том, что, безусловно, «Москва — русский город, и жить здесь надо согласно русским обычаям и традициям».

Более того, именно *несогласие* с этими суждениями, характерное преимущественно для временных трудовых мигрантов, напрямую связано с комплексом суждений, оправдывающих необходимость изоляции от московской среды: «в образе жизни москвичей есть особенности, с которыми азербайджанцу трудно примириться», «в Москве можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно», «москвичи никогда не будут считать азербайджанцев своими». Иначе говоря, отрицание русской основы Москвы и необходимости жить здесь, как все (то есть, по сути, поликультурные установки в их бытовой интерпретации), ведет к признанию неприемлемых для азербайджанцев особенностей в образе жизни москвичей и бесперспективности когда-либо стать здесь своими.

Именно признание этнической и культурной определенности Москвы, восприятие ее не как размытого и многослойного мегаполиса, а как некой специфической, скорее этнокультурной, нежели малопривычной на постсоветском пространстве — гражданской — целостности и общности, запускает механизм интеграции у мигрантов. И наоборот, видение Москвы как неопределенной этнокультурной мозаики, как сугубо гражданского объединения автономных индивидов запускает процесс анклавизации.

В этом смысле, видимо, можно говорить о внутреннем, составляющем специфику данного иммиграционного потока факторе, влияющем на процесс интеграции/анклавизации. Выходцы из традиционной, преимущественно сельской среды¹¹, привыкшие ориентироваться в своих суждениях и поступках на жесткую социальную структурированность и ценностно-нормативную целостность и определенность этой среды, могут интегрироваться только в такую же структурированность и целостность, пусть даже отличающуюся по содержанию от привычной для них. Но если иммигранты видят социальную и культурную размытость, некую мозаику вместо привычной целостности, то они в поисках необходимой устойчивой опоры стремятся воспроизвести в новой, неопределенной, с их точки зрения, среде привычные социально-культурные стандарты, т.е. оформиться в анклав. Последняя посылка хорошо согласуется с полученными нами в ходе предыдущих исследований восприятия московской среды мигрантами данными о том, что даже давно укорененные москвичи азербайджанского происхождения видят проблемность московской среды в ее атомизации и неопределенности ценностно-нормативных стандартов.

¹¹ Большинство наших респондентов — выходцы из сельских районных центров Азербайджана.

И здесь хотелось бы задать вопрос сообществу исследователей: как так получилось, что практически аксиомой, само собой разумеющимся стал тезис о том, что иноэтнические мигранты непременно захотят и, следовательно, должны иметь возможность воспроизводить на новой территории свои привычные этнокультурные стандарты общежития, как того требуют, скажем, лидеры этнических диаспор? Не мостим ли мы, таким образом, нашими гуманными намерениями дорогу в анклав, когда стремимся рассматривать такие качественно различающиеся явления, как этнические диаспоры граждан данного государства, этнических вынужденных мигрантов и добровольных экономических мигрантов в рамках одной и той же концепции этнических диаспор?

Добровольные мигранты сами сознательно выбирают свой путь. Не исключено, что тех из них, кто ориентирован на интеграцию, привлекает в новой среде не только возможность заработать, но и присущие этой среде традиции и ценности общежития, пусть это даже традиции другой этнической культуры. Во всяком случае, многие наши респонденты, укорененные москвичи и жители других городов России азербайджанского происхождения, отмечают, что со временем их начинает тяготить необходимость соблюдения традиций даже во время краткосрочного пребывания на их прежней родине или во время приезда родственников оттуда, а их дети по той же причине не особенно стремятся провести каникулы на родине родителей.

Как формируется стереотип «лица кавказской национальности» в СМИ

Конструируемый образ «лица кавказской национальности» — именно как образа «чужака» — провоцирует мигрантофобии и этнофобии. Косвенно нам бы хотелось получить ответ на вопрос: когда респонденты в многочисленных опросах оценивают свое отношение к тем или иным конкретным этническим группам, представляют ли они себе, о ком, собственно, идет речь и что они имеют в виду на самом деле, какой образ типичного представителя этой группы у них формируется? Для выяснения этого мы провели два эксперимента¹², основанных на материалах электронных СМИ, которыми в основном пользуется молодежь.

Суть первого эксперимента состояла в том, чтобы определить, насколько характеристики, приписываемые в электронных источниках информации, могут быть квалифицированы аудиторией как присущие именно данной этнической

¹² Автор благодарит студентку факультета социальной психологии Московского психолого-педагогического университета Т.А. Кухарь, взявшую на себя труд по отбору материала, организации и проведению обоих экспериментов.

кой группе (в нашем случае азербайджанцам), то есть можно ли по совокупности характеристик определить группу? На первом этапе проведения эксперимента мы выбрали из электронных источников сообщения, в которых каким-либо образом характеризуются или упоминаются представители азербайджанской национальности. Для систематизации результатов мы сгруппировали отобранные нами элементы этих сообщений согласно следующей условной структурной решетке: особенности внешнего вида, еда, материальное благосостояние, деловые особенности (трудолюбие и т.п.), особенности общения (закрытость/открытость) и поведения, особенности рода деятельности, степень агрессивности. Приведем примеры по каждой из указанных категорий¹³.

Особенности внешнего вида

«Этот гриб невелик: редко встретишь азербайджанца выше 170–175 см. Несмотря на густые черные брови и традиционно крупные черты лица, явно кавказские стороны в его внешности отыскать будет сложно. В первую очередь потому, что у азербайджанцев совершенно прямой нос и почему-то не затемненная палящим солнцем кожа. Одеваются они строго, элегантно и смотрятся, по меньшей мере, внушительно»¹⁴.

Еда

«Азербайджанцы все варят и жарят по отдельности и в таком виде подают на стол, а уже за столом каждый пирующий волен соединять ингредиенты по своему вкусу...»¹⁵.

Материальное благосостояние

«От торговли в столице азербайджанцы ежегодно получают \$1,5–2,5 млрд. в год, тогда как весь бюджет Азербайджана \$1,4 миллиарда»¹⁶.

Деловые особенности (трудолюбие, уровень образования и т.п.)

«Азербайджанский народ невероятно трудолюбивый, невероятно талантливый»¹⁷.

«Эти дети гор на родном языке писать не умеют... Сидели бы себе в ауле, а к нам в Москву не совались»¹⁸.

Особенности общения (закрытость/открытость и т.д.) и поведения

«...Хороший семьянин, человек, который свято чтит память отца, способный проявить великодушие, продемонстрировать глубокие знания»¹⁹.

¹³ Мы стремились отбирать характеристики как положительно, так и отрицательно окрашенные, но это удавалось далеко не всегда.

¹⁴ Разные лица одной национальности // Я молодой. 2002. 24 окт.

¹⁵ К нам едет Байрам // Аргументы и факты. 2004. 10 ноября.

¹⁶ Некоторые городские сектора экономики уже захвачены иностранцами // Известия.РУ. 2004. 22 окт.

¹⁷ Михаил Швыдкой. Наши культурные традиции не зависят от политической конъюнктуры // Известия.РУ. 2005. 31 марта.

¹⁸ Мешают ли России нерусские? // Известия.РУ. 2005. 28 янв.

¹⁹ Время уличных митингов и шествий безвозвратно ушло // Известия.РУ. 2004. 28 окт.

Особенности рода деятельности

«Отдельные секторы экономики уже захвачены этническими группами. В торговле заправляют азербайджанцы...»²⁰.

Виды бизнеса

«Торгово-закупочный. Плодоовощная продукция — монополисты. Мелко-розничная торговля китайским и турецким ширпотребом. Алкоголь, сигареты — круглосуточные палатки и магазинчики. "Цветочный бизнес". Крупно-оптовая торговля одеждой, обувью и т.д. — "Снежная королева", владелец — Вугор Исаев. Торговые центры "Крокус-Молл", "Крокус-Сити", "Твой Дом" — владелец Арас Агаков. Торговые павильоны ВВЦ — первый заместитель ген. директора Магомед Мусаев»²¹.

Уровень агрессивности

«Азербайджанцы народ чинный и спокойный по сравнению со своими товарищами по крови. Любой конфликт с ними можно уладить без диких воплей и кулачных боев»²².

Далее были организованы две фокус-группы из студентов московских вузов (21–23 года), где был зачитан весь набор приведенных выше характеристик, но без указания этнонима. Участникам фокус-групп было предложено обсудить данные характеристики и попытаться угадать, о какой именно этнической группе идет речь. В конце обсуждения, поскольку участники не могли прийти к общему мнению, были предложены варианты: грузины, азербайджанцы, армяне, таджики, чеченцы (см. приложение 1). Результат этой пары фокус-групп был неожиданным в том смысле, что довольно большой список наименований национальных групп содержательно связан в сознании молодежи с одними и теми же культурными и поведенческими характеристиками, то есть номинальные национальности как бы являются вариациями одной содержательной группы «чужих». Ниже приведены наиболее характерные суждения с сохранением речевого своеобразия:

...когда про консолидацию зачитывали, это точно вьетнамцы;

...или грузин, или армянин, да. А может, чеченец еще;

...а если их вотчина — торговля наркотиками, то азербайджанцы. Не, ну точно ара;

...армяне! Я сначала думала, что или армяне, или грузины, или чеченцы.

Но, по-моему, они все одинаковые, я так особо их не различаю;

...все вот, кто с Кавказа приехал, у них семьи. Ну, там, детей столько-то, сколько-то жен, сколько-то там двоюродных, пятиродных и пятая во-

²⁰ Они приезжают, рожают детей и захватывают государство //Ивестия.РУ. 2005. 13 янв.

²¹ Русских отучили зарабатывать? В итоге ошутимая часть московского рынка занята выходцами с Кавказа и из Средней Азии // Комсомольская правда. 2004. 10 сент.

²² Разные лица одной национальности // Я молодой. 2002. 24 окт.

да на киселе. И все родственники, и все гости. А че еще про них сказать, я не знаю. Нос кирпичом. Грубые и невежественные, и вообще;

...ну кто, вот я не знаю, про кого тут прочитали, ну армяне, наверное;

...я тебе говорю, я их не очень различаю. Вот грузинов... ты про вино ничего не сказала. Наверное, не грузины, потому что в Грузии очень вино пьют и про вино говорят, наверное. Уж что-нибудь бы всплыло, какая-нибудь винная промышленность. Про подрывную деятельность ничего не сказано, значит, не чеченцы. Ты говорила про наркотики. Ну, значит, через Азербайджан, Армению везут, там, наверное, рядом все находится;

...гастарбайтеры. У них национальность такая — гастарбайтеры;

...это не чеченцы, точно;

.. да они бы уже все повзрвали.

Наглядно видна динамика сцепления проходящей в СМИ информации о тех или иных конкретных этнических группах в некий образ квазиэтнической группы «кавказской национальности». Иначе говоря, здесь налицо феномен конструирования средствами массовой информации стереотипа «лица кавказской национальности», который обобщает все этнические группы Кавказа, смазывает границы между ними, причем связующим материалом служит преимущественно негативная оценка и подчеркивание «чужеродности», «приезжести» и агрессивности по отношению к «нашей» культуре. Стоит обратить внимание и на то, как именно этот связующий материал (чужие, приезжие, агрессивные по отношению к «нашей» среде) плавно и незаметно перетекает на коренные народы Российского Кавказа (чеченцев и дагестанцев, в наших примерах).

И хотя решающая роль СМИ в формировании и поддержании негативных или позитивных образов этнических (в основном мигрантских) групп отрицается прежде всего представителями СМИ, можно говорить о том, что часть изданий и журналистов эксплуатирует этот обобщенный образ, который может быть наклеен на любое «неславянское» лицо.

Боле того, существует еще малоизученная проблема непрямого, косвенного подкрепления этого квазиэтнического стереотипа в потоке нейтральной новостной информации, которая укладывается в более широкую психологическую проблему роли массовых информационных потоков в конструировании персонифицированных образов групп.

Основание утверждать это дали результаты второго эксперимента, для которого была выбрана типичная репортерская статья о «криминальной разборке» в одном из московских боулинг-клубов. Текст этой статьи (см. приложение 2) был предложен для обсуждения на указанной паре фокус-групп с той лишь разницей, что в одной из них славянские фамилии действующих лиц были изменены на условно «кавказские». Участники делились своими эмоциями, впечатлениями от услышанного и высказывали свое мнение о героях данных статей.

На фокус-группах явно проявились различия в отношении к участию в криминальных действиях так называемых своих и чужих, а также отдельные элементы информационных сообщений, провоцирующие эти различия.

Участники первой фокус-группы (где был зачитан текст статьи со славянскими фамилиями) не были сильно шокированы происшедшим и даже склонялись к тому, чтобы больше обвинять охранников, нежели убийц, списывая все на сложную криминальную обстановку в стране, передел зон влияния и пр.:

...какие-то «быдла» не поделили дорожку в боулинге и решили разобраться;

...пришли нормальные чуваки поиграть в боулинг;

...а вот пистолет надо было проверить охраннику. Охранники испугались, вот они и перестрелялись;

...не, ну понимаешь, это как про самолеты. Сколько их падает? Да их в тысячу раз больше приземляется нормально. То же самое ты узнаешь про эту преступность.

Сразу отметим такое высказывание, прозвучавшее в этой фокус-группе:

...беспредел. Зачем на общей территории (в общественном месте), в своей стране такое устраивать? Идите за заборчик и там разберитесь. Ради Бога, разбирайтесь, не зря же стрелки устраивают, сборища.

Ключевые фразы здесь — «в своей стране» и «ради Бога, разбирайтесь». То есть основным приоритетом для участников первой фокус-группы является собственная безопасность. В своей стране можно делать что угодно, главное, чтобы непричастные не пострадали.

Участники второй фокус-группы (где был зачитан тот же текст, но фамилии участников изменены на условно «кавказские») сразу же стали употреблять явно ксенофобно окрашенные выражения:

...пускай это происходит не в нашей стране, а в ихней стране. Почему потасовка происходит в нашей стране? Приехали чурки нерусские и мочат кого попало;

...они, чурки, приезжают, руководят русскими;

...если они не русские, чего они в нашей стране разбираются?

Обратим внимание на последнюю цитату и сравним ее с отмеченным нами высказыванием в первой фокус-группе. В обоих случаях мы наблюдаем осуждение участниками фокус-группы действий преступников (не столько самих действий, сколько выбранного места действия). Однако в первом случае такое осуждение вызвано беспокойством за свою безопасность и безопасность невинных людей, поэтому бандитам просто предлагается переместиться «за заборчик». Во втором случае такая реакция имеет чисто этнофобные предпосылки, протекает на уровне «мы» и «они», «свои» и «чужие», и действующим лицам предлагается переместиться в «свою страну». Хотя человек, которого в средствах массовой информации упорно называют «кавказцем», вполне может являться уроженцем и гражданином Российской Федерации.

Очень важно также отметить, что обсуждение образа и стереотипных черт «азербайджанца» в первой паре фокус-групп не выявило у данной этнической группы таких атрибутов, как «враждебность», «вспыльчивость» или «дикость»:

...говорилось, что народ чинный и спокойный, а армяне дерутся, между прочим²³.

Однако в следующей паре фокус-групп мы уже слышим следующие высказывания про тех же азербайджанцев:

...у них в крови эти разборки. Они же горячие мужчины. Они привыкли все вопросы решать рукоприкладством. Как что, сразу за нож хвататься;

...и им, главное, все равно, где свои разборки учинять. Это же общественное место! Это не аул, где пристрелил корову, мимо пробегающую, и не велика потеря;

...у них там род, и если вдруг что-то с твоим родом не так или если другой род пришел не туда, тут запросто может быть драка.

Чем вызвана такая разница в суждениях о сюжете статьи? Отрицательный образ «кавказца», уже сформированный в информационной среде, в дальнейшем активно подкрепляется и детализируется за счет новостных сводок. Даже упоминание в нейтральном информационном сообщении национальной принадлежности действующих лиц ведет к созданию либо поддержке этнических стереотипов, в корне меняя общее восприятие смысла сообщаемой информации.

²³ Аргумент в пользу того, что обсуждаемая этническая группа — не армяне.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Текст фокус-группы. Обсуждается принадлежность зачитанных групповых характеристик к той или иной этнической группе

Н.: Грузины!

О.: Это грузины.

Н.: Грузины. А я те че говорю. Грузины. Я угадала.

С.: Может, это армяне

Н.: Может, и армяне

О.: Вьетнамцы!!!

Н.: Дети гор, какие вьетнамцы, я тебя умоляю.

А.: Ах, всего-то их 33 тыс. Хотя реально в городе их не менее миллиона.

Н.: Раз много зарабатывают, значит армяне.

О.: Не, ну, блин, когда про консолидацию зачитывали, это точно вьетнамцы.

С.: Грузин или армянин.

Н.: Или грузин, или армянин, да. А может, чеченец еще.

О.: А чеченцы зарабатывают так?

Н.: А если их вотчина — торговля наркотиками, то азербайджанцы. Не, ну точно ара. Наркотрафик, шмоткотрафик.

А.: Армяне! Я сначала думала, что или армяне, или грузины, или чеченцы. Но, по-моему, они все одинаковые, я так особо их не различаю.

О.: Не, армяне от грузин отличаются тем, что, ну, короче, че-то кто-то рассказывал, что разница между грузинами и армянами че-то в отношении с родственниками, по-моему, я уж не помню.

И.: Да там у всех куча родственников.

О.: Нет, я имею в виду, там, ну, грузины и армяне не любят друг друга, потому что у них разные понятия об отношениях в семье, что ли. Хотя и там и там кланы.

Н.: Да, по-моему, у них у всех одинаковые понятия. Все вот, кто с Кавказа приехал, у них семьи. Пойду продам, значит, а потом приду. У меня 40 человек детей. Ну, там, детей столько-то, сколько-то детей, сколько-то жен, сколько-то там двоюродных, пятиродных и пятая вода на киселе. И все родственники, и все гости. И всех, бл..., накорми, естественно, пойдешь про-давать. А че еще про них сказать, я не знаю. Нос кирпичом. Грубые и невежественные, и вообще...

О.: Кто?

Н.: Ну кто, вот я не знаю, про кого тут прочитали, ну, армяне, наверное.

Модератор: Почему армяне?

Н.: Я тебе говорю, я их не очень различаю. Вот грузинов, ты про вино ничего не сказала. Наверное, не грузины, потому что в Грузии очень вино пьют, и про вино говорят, наверное. Уж что-нибудь бы всплыло, какая-нибудь вин-

ная промышленность. Про подрывную деятельность ничего не сказано, значит, не чеченцы. Ты говорила про наркотики. Ну, значит, через Азербайджан, Армению везут, там, наверное, рядом все находится.

О.: А чего, варианты-то какие: армяне, грузины, азербайджанцы, чеченцы, таджики?

Н.: О, кто такие таджики, я вообще не знаю. Аджика, я знаю, соус такой.

С.: Гастарбайтеры. У них национальность такая — гастарбайтеры.

Н.: Ну это хохлы приезжают, молдаване тоже — гастарбайтить. «Гаст» — это гость, а «арбайтен» — работать/рабочий с немецкого.

О.: Я чего-то запуталась на самом деле. Столько было всего.

И.: Не знаю, мне кажется, что грузины — они более с достоинством.

Н.: Статные такие.

О.: Они более говорят про то, что...

Н. (перебивая): А вот она сказала про то, что они не выше 175 ростом. А грузины высокие есть.

И.: Я думаю, что это все-таки грузины, чем армяне.

Н.: А мне кажется, армяне.

О.: Там было что-то про достоинство, про интеллект. Типа умные.

Н.: А ты думаешь, армяне не соображают: столько всего продать-перепродать, знаешь, сколько заработают.

О.: Я имею в виду, они сообразительные — и те, и другие. Просто грузины, они говорят, что они такие интеллигентные. Не просто сообразительные, а именно интеллигентные.

Н.: Ну, армяне тоже, наверное, интеллигентные там у себя в Армении.

А.: Да все вот, которые приезжают с Кавказа, они все грубые.

С.: Но они все заинтересованы в образовании.

О.: Да. У меня две подружки в школе были, Карапетян. Армяшки. То, что на «ян» — это армяне, а то, что на «идзе» — это грузины.

Н.: Джафаров! На «ов» — русская...

О.: Слушай, это ара.

Н.: Я те и сказала, ара, ты мнэ вэришь, что ара.

Модератор: Кто есть ара?

Н.: Ара — это армяне.

О.: Ара — это азербайджанцы.

Н.: Пять минут назад ты говорила, что это грузины. Может, и азербайджанцы, потому что наркотрафик у нас идет через Азербайджан.

А.: Значит, не ара, а азер!

Н.: Да я вообще ничего про них не знаю. Вот честно. Видишь лицо не славянское, с носом, черненький везде и глаза не раскосые, значит, оттуда.

О.: Черт, я их не люблю за то, что они пристают ко мне всегда.

Модератор: Кто?

Н.: Хачики.

О.: Хачеяны всякие, яны, идзе всякие.

А.: Они все приставучие, они как увидят женщину без паранджи, сразу давай за задницу хватать, если волосы не покрыты, значит можно схватить. Они приезжают и не понимают, у нас культура другая. Мы-то живем согласно рамкам нашей культуры. Хочешь свою культуру — сиди у себя дома. Приехал к нам в гости — живи по нашей культуре и не говори, что у нас все не так, как у тебя.

О.: Выходят на улицу и глазами жадными смотрят.

Н.: А то ходят и говорят, какие мы тут русские некультурные.

О.: Некоторые хотя бы смотрят и не трогают, а некоторые смотрят и трогают.

Н.: Это или армяне, или азербайджанцы. Наверное, азербайджанцы.

И.: Или грузины.

Н.: Нет, не грузины.

О.: Ну да, они не наркоторговцы.

Н.: Да, грузины — они порядочные, приличные люди.

Н.: Нет, армяне только цветами торгуют. Так что, наверное, это азербайджанцы скорее всего.

С.: «Крокус Сити Молл», извините, азербайджанец не потянет.

Н.: А армянин потянет?

С.: А армянин потянет.

Н.: А почему армянин потянет, а азербайджанец не потянет?

С.: А мне кажется, у них в Москве диаспора не деловая.

Н.: У них весь Черкизовский рынок одна сплошная диаспора. Как в зоопарк сходить.

О.: У них схвачено больше.

Н.: Ну, один держит Черкизовский рынок, брат его — «Крокус-Сити-Молл». Одна фигня.

С.: Я говорю, что армяне потянут, а азербайджанцы не потянут.

Н.: Ну почему азербайджанцы-то не потянут?

С.: Ну не знаю, у меня такая иллюзия сложилась, что армяне и грузины как-то более крепко «нарастают», чем все. Это не чеченцы точно.

Н.: Да они бы уже все повзрывали.

И.: Хотя чеченцы тоже очень достойные.

О.: Сама по себе нация да, но как бы такое явление, как терроризм...

Н.: Армянин или азербайджанец.

О.: Азербайджанец.

И.: Если не грузин, то тогда азербайджанец.

Н.: Азербайджанцы мандарины продают, а там говорилось про плодово-овощную базу.

О.: Да? Давайте определим, чего делают азербайджанцы, а чего нет.

Н.: Все они низенькие и черненькие.

А.: Говорилось в статье, что народ чинный и спокойный, а армяне дерутся, между прочим.

О.: Вот я и думаю, что, может быть, грузины.

Н.: Да нэ грузины это!

О.: Грузины поют песни.

Н.: Вот именно, что это азербайджанцы. Как-то мне интуитивно чувствуется.

С.: А что ты знаешь про азербайджанцев.

Н.: Мандарины у них растут, и они ими у нас торгуют. Грузины за любую работу не схватятся.

О.: Наверно, азербайджанцы, потому что армяне — врачи. Что врач, то армянин. Врачи, юристы.

И.: Да не, они все торгаши, армяне.

О.: Знаешь сколько сейчас пошло юридических факультетов, специально они даже группы создают студенческие для них. Арагруппа. Много и давно поперли в медицину.

Н.: Интуитивно мне кажется, что это азербайджанцы.

О.: Или это азеры, или это ары.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Текст статьи, обсужденной на фокус-группах

Схватка в боулинг-клубе

Текст: Ирина Петракова.

В боулинг-клубе «Апельсин» в центре Москвы в четверг вечером произошла массовая драка, которая закончилась убийством одного из ее участников. По словам работников клуба, в четверг примерно в 17 часов в клубе, расположенном в доме 15 на улице Малая Грузинская, появилась компания из пяти человек. По словам работников, они вели себя спокойно и не заказывали спиртного. Около полуночи посетители решили покинуть заведение, однако в это время в клуб вошли двое мужчин. Как рассказали «Газете.Ru» источники в правоохранительных органах, между ними возник конфликт, после чего завязалась драка, которую начали двое зашедших в клуб. Охранники вызвали милицию, однако вмешиваться в потасовку между посетителями не решились. Согласно предварительной картине произошедшего, во время драки один из пришедших в клуб, 37-летний Петр Коростелев (*Алиев-оглы — на другой фокус-группе*), вытащил пистолет «Иж» 1997 года выпуска и открыл огонь по своим противникам.

В ответ один из пятерых, сидевших в боулинг-клубе, 36-летний Сергей Котенков (*Али Гейдаров-оглы — на другой фокус-группе*), достал пистолет «Вальтер» и нажал на спуск, однако оружие дало осечку.

В это время другой нападавший, личность которого пока не установлена, четыре раза выстрелил в Котенкова (*Али Гейдарова-оглы*) из пистолета ТТ — одна пуля попала Котенкову (*Али Гейдарову-оглы*) в грудь, другая в спину. От полученных ранений он скончался на месте.

Когда на место происшествия прибыл милицейский наряд, участники драки попытались скрыться. По словам очевидцев, убийца Котенкова (*Али Гейдарова-оглы*) бросился к охранникам, спросил у них, где выход, и выбежал на улицу. Бросив пистолет, он скрылся в одном из переулков. Другие участники драки скрылись на автомобиле марки «Линкольн». Задержан только один человек из двоих нападавших — когда подъехала милиция, Коростелева (*Алиева-оглы*), первым открывшего огонь, поймали во дворе дома 15, где расположен боулинг-клуб, при обыске у него изъяли «Иж». Сейчас он доставлен в районное отделение милиции, с ним работают следователи.

В городе действует план-перехват «Вулкан-5», однако пока результатов он не принес. По факту убийства прокуратурой Центрального округа возбуждено уголовное дело, начато расследование.

IV. В ПОИСКАХ КОЗЛОВ ОТПУЩЕНИЯ: МИФЫ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТАХ

В общественном сознании существует множество мифов о миграционных процессах в постсоветской России: о невиданных масштабах миграций, нарастающем потоке вынужденных мигрантов, возросшей «утечке умов», нашествии орд китайцев и «желтой опасности». Особенность мифов такого рода — перенос трендов, имевших место в иной исторической период, в современный социально-политический и социокультурный контекст¹. Среди многочисленных мифов — миф о России, ставшей ведущей иммиграционной державой мира. Так действительно было в 1990-х, хотя даже в 1995–2000 гг., когда приток иммигрантов был на порядок выше, чем в 2000-х, Россия занимала только 38-е место в мире по относительному показателю сальдо миграции на тысячу человек населения².

Наряду с мифами, имеющими фактографическую основу, российские дискуссии о миграционной политике обросли мифами, не имеющими под собой никаких оснований. В первую очередь это справедливо в отношении мифов об этнических мигрантах.

Характерной особенностью мифов является то, что их нельзя поставить под сомнение, поскольку они взывают к вере и опираются на веру³. Источники верований разнообразны: свой вклад в мифотворчество об этнических мигрантах вносят и масс-медиа, и публичные политики, и чиновники, и, увы, академические работники. Развиваемые ими дискурсы складываются в конце концов в цельную мифологию, существующую автономно и по собственным законам в общественном сознании.

Решающий, однако, вклад в формирование негативного образа этнического мигранта вносят СМИ. Нельзя не согласиться, что «объективно пресса способствует переводу неприятия иммигрантов с уровня бытовых неоформленных этностереотипов на уровень внешне аргументированно выстроенных обоснованных мотивов поведения "иного". Образ иммигранта, создаваемый в прессе независимо от позиции на шкале оценок, неизбежно содержит коннотации "иного", которые легко при необходимости трансформируются в "чужого"»⁴.

Образ иммигранта формируется с помощью характеристик, вызывающих исключительно отрицательные эмоции. Основным способом формирования

¹ Прием, образно названный Роланом Бартом «изъятием из Истории»: «предмет, о котором говорится в мифе, лишается всякой Истории». (Барт Ролан. Мифологии. Пер. с фр. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004. С. 278).

² International Migration 2002. Population Division, Department of Economic and Social Affairs, <http://www.un.org/esa/population/publications/ittmig2002/Migration2002.pdf>

³ См.: Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. — М.: Логос, 2005. С. 311.

⁴ Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 49.

такого образа является *селективная типизация*, например ассоциирование мигрантов с нелегальными сферами экономики и криминалом.

СМИ прибегают и к другим деструктивным дискурсивным стратегиям, направленным на конструирование повышенной опасности, исходящей от мигрантов. Одной из них является *гиперболизация* проблемы (например, популярное утверждение, что изменение этнического состава территорий вследствие миграций угрожает национальной безопасности). Другая — это отождествление проблем и их *конвергенция*: незаконная миграция, например, увязывается с проблемами терроризма, преступности, наркотиков. Читателю навязывается восприятие цельной, комплексной проблемы: миграция + терроризм, миграция + преступность и т.д. И соответствующий образ иноэтничного мигранта-террориста, мигранта-наркокурьера. А также подсказываются пути решения проблемы: пресечение терроризма = ограничению миграций. Еще одна стратегия — *ретрансляция* совершенно фантастических данных и оценок, маргинальных псевдонаучных гипотез.

В дальнейшем из сферы сакрального «мифомедийный», по выражению В.А. Тишкова, образ «чужого» проникает в другие закоулки общественного сознания, включая обыденное мышление, общественное мнение, идеологию и искусство.

С особым энтузиазмом подхватываемый массовой культурой, этот образ этнического мигранта начинает жить своей жизнью. Отмечалось, что в создании этнонационального дискурса и его продвижении на телевидении немалую роль играют не только криминальные телерепортажи, но и сериалы, ток-шоу, развлекательные шоу⁵.

И власти, и политики, и СМИ сегодня делают акцент преимущественно на негативных последствиях притока мигрантов и формирования «новых диаспор»⁶. И это оказывает воздействие на общественное мнение, обыватель начинает верить, что все проблемы — от мигрантов⁷.

Однако в наш рациональный век одних мифов недостаточно, обыватель нуждается в аргументации, подпирющей его убежденность в «инакости» мигрантов. И наряду с масс-медиа такую аргументацию ему поставляют и чиновники, и публичные политики, и, увы, те, кто причисляет себя к «научному ведомству».

⁵ См.: Зверева Г. Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et Contra. 2005. № 2 (29). С. 29. См. также сравнительный анализ образа «кавказца» в советском и современном кино: Мкртчян Н. Миграция и средства массовой информации: реальные и мнимые угрозы // Космополис. 2003. № 3 (5). С. 108–109.

⁶ Развернутый анализ российских дискурсов о мигрантах и миграционной политике см.: Мукомель В.И. Миграционная политика России: постсоветские контексты / Институт социологии РАН. — М., 2005. С. 80–113; Мукомель В. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. 2005. № 75 (январь–февраль).

⁷ Вероятно, более уместно использовать в российском контексте термин «обыденное мнение», разграничивая, вслед за Э. Ноэль-Нойман, общественное и обыденное мнение (Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. Пер. с нем. / Общ. ред. и предисловие Мансурова Н.С. — М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996).

Артикуляция мифов

Как и все фобии, мигрантофобии производны от страхов утраты «ресурсов» и «утраты собственной идентичности»⁸. Страхи «вторжения другого» служат вербальным объяснением эмоционального восприятия мигрантов как чужеродных, незваных гостей. Страхи «утраты ресурсов» — экономической и социальной неконкурентоспособности с напористыми и консолидированными этническими мигрантами, присутствующие в обществе, — ретранслируются и масс-медиа, и публичными политиками. В то же время они не могут служить однозначным объяснением роста фобий по отношению к «неуспешным», с точки зрения общественного мнения, мигрантским меньшинствам — выходцам из Центральной Азии и Юго-Восточной Азии (таджикам, узбекам, вьетнамцам и др.). В данном случае, видимо, более значимы социокультурные страхи «утраты идентичности».

Наиболее распространенные антимигрантские аргументы сводятся к следующим:

- приток мигрантов резко осложняет социальную обстановку, дестабилизируя рынки труда, жилья, способствуя повышению нагрузки на социальную и инженерную инфраструктуру;
- миграция ухудшает санитарно-эпидемиологическую обстановку;
- миграция способствует криминализации обстановки и росту преступности;
- иммигранты не платят налоги, а все заработанные деньги отправляют на родину;
- иноэтнические мигранты захватывают ключевые позиции в социально-экономической жизни;
- замкнутый образ жизни отдельных этнических общин, этнический инфаворитизм и клиентизм способствуют возрастанию социокультурной дистанции между ними и принимающим населением. Эта дистанция столь велика, что исключена возможность их совместного проживания;
- изменение этнического состава территорий вследствие миграций приобретает угрожающий характер и угрожает национальной безопасности;
- идет вытеснение славянских народов с исконно русских территорий, из органов государственной власти, силовых структур и бизнеса;
- миграция способствует конфликтам: имеется объективный порог численности мигрантов, после которого конфликты преопределены;
- расселение отдельных этнических групп вблизи стратегических объектов и в приграничной полосе носит целенаправленный характер, формируется «пятая колонна»;

⁸ Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000. — М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 167.

- распространение исламского экстремизма канализируется некоторыми этническими группами, присутствие которых потенциально опасно;
- в местах компактного проживания некоторых этнических групп возможен их легитимный приход к власти, создание национально-территориальных образований.

За исключением первого аргумента (популярного в начале 1990-х, когда в обществе доминировали воспоминания о социально ориентированном обществе с плановой экономикой и плановым дефицитом), все остальные имеют ярко выраженную этническую окраску. К схожей аргументации, прекрасно вписывающейся в российский дискурс, прибегают, кстати, и за рубежом, в том числе и серьезные исследователи.

В обществе доминируют именно страхи «утраты ресурсов»: согласно одному из социологических обследований Аналитического центра Юрия Левады, респонденты, обосновывая свое неприятие притока мигрантов в Россию, на первое место поставили такой аргумент: «мигранты занимают рабочие места, где могли бы работать местные жители» (35% ответивших). Другие ведущие мотивировки также носят «ресурсный» характер: «мигранты способствуют росту преступности» (31% ответов), «мигранты не платят налоги, а все деньги отправляют на родину» (23% респондентов), «мигранты дают взятки, подкупают милицию и административные органы» (22%), «мигранты сбивают оплату труда местного населения» (20%), они «наживаются на местном населении» (20%), «распространяют болезни» (18%)⁹.

Примерно такая же структура аргументов неприятия этнических мигрантов прослеживается во всех социологических обследованиях¹⁰. То, что «ресурсный» компонент мигрантофобий является в современной России ведущим, признают и независимые эксперты: согласно одному из опросов, среди проблем, обусловленных притоком мигрантов, на первые места эксперты ставят проблемы конкуренции на рынке труда, роста стоимости жилья¹¹.

⁹ Опрос проведен Аналитическим центром Юрия Левады в первой половине июля 2005 г. по заказу Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) в рамках проекта «Демифологизация этнических мигрантов и проблемы формирования толерантности к мигрантам в российском обществе», поддержанном Фондом «Либеральная миссия». Репрезентативный опрос по России, выборка — 2107 человек. Далее, если не оговорено иное, используются данные настоящего опроса (Левада-Центр, июль 2005). Формулировка вопроса: «Если Вы отрицательно относитесь к увеличившемуся притоку мигрантов в Россию, то что влияет на это Ваше отношение больше всего?». Несколько респондентов отметили, что мигранты распространяют наркотики. Примечательно, что ни один из респондентов не увязал свое негативное отношение к мигрантам с проблемой терроризма.

¹⁰ См., например, табл. 2.8 (раздела II).

¹¹ Опрос 308 экспертов Южного федерального округа. (Савва М. Миграция в Южном федеральном округе // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад. 2004 / Под ред. Валерия Тишкова и Елены Филипповой. — М.: УОП ИЭА РАН, 2005. С. 67).

Насколько эти аргументы соответствуют действительности, в какой мере они обоснованны, а в какой — являются домыслами, не имеющими оснований? Некоторые, по крайней мере наиболее распространенные и устойчивые в общественном мнении, заслуживают обстоятельного анализа¹².

Типичные мифы и реальность

Миграция способствует криминализации обстановки и росту преступности. В отношении преступности, асоциального поведения мигрантов трудно сделать однозначные выводы: специальные исследования ставят под сомнение распространенные и «очевидные» представления о негативных последствиях миграции, в частности о повышенной криминогенности иммигрантов. За период с января по сентябрь 2005 года по всей стране зарегистрировано 2 млн. 603,5 тыс. преступлений¹³. Из них иностранными гражданами совершено 39,2 тыс. преступлений, что составляет всего 1,5% от общего количества. Статистика преступлений среди них отличается по структуре, не более того. Опросы же работников правоохранительных органов продемонстрировали, что среди них преобладают представления о более низкой преступности среди мигрантов, чем среди местного населения¹⁴.

В тех случаях, когда руководителям МВД задают прямые вопросы о повышенной криминогенности среди мигрантов, они отвергают данное предположение. Из интервью замминистра МВД России А. Чекалина: «...я не стану утверждать, что мигранты отличаются особой склонностью к криминалу»¹⁵. Ему вторит другой замминистра, М. Паньков: «Нельзя сказать, что мигранты оказывают существенное влияние на рост преступности»¹⁶.

Симптоматично признание руководителя ГУВД Москвы В. Пронина: «Да, иногородняя преступность в Москве — 45%. Но это необязательно кавказцы, мигранты. Совершают криминал у нас в основном калужские, тульские, ивановские жители, которые освободились из мест лишения свободы»¹⁷.

Нельзя не отдать должное этим высоким чиновникам: такие слова вырываются с большим трудом, учитывая общественные настроения и властные посылы.

¹² Развернутый анализ А. Осиповым мифов, сложившихся в Краснодарском крае относительно турок-месхетинцев, см.: <http://www.memo.ru/hr/discrim/meshi2/Chapter3.htm>. О конструировании мифов см. раздел V.

¹³ Новые Известия. 2005. 15 дек.

¹⁴ Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. Моск. Центр Карнеги. — М.: Интердиалект+, 2000. (См. гл. 7); Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. — Пенза: ПГАСА, 2003. С. 120–121.

¹⁵ Щит и меч. 2003. 31 окт. <http://www.mvdinform.ru/index.php?newsid=1718>

¹⁶ Щит и меч. 2003. 30 мая <http://www.mvdinform.ru/index.php?newsid=683>

¹⁷ Комсомольская правда. 2004. 8 ноября.

В.В.Путин, Президент Российской Федерации

«...Росту преступности немало способствовали широкое распространение безработицы, бедности, социально-экономическая неустроенность людей и неконтролируемая миграция». *(Выступление на совещании о состоянии и мерах по обеспечению правопорядка, общественной безопасности, а также о борьбе с преступностью и противодействии терроризму и экстремизму, 24 марта 2004 года, Ессентуки)*

«Сегодня международный терроризм, различные формы экстремизма, незаконный оборот наркотиков и оружия, похищение людей и незаконная миграция угрожают жизни и правам граждан, тормозят экономический прогресс и препятствуют интеграционным процессам». *(Приветствие участникам 16-го заседания Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств — участников Содружества Независимых Государств, 17 мая 2004)*

«И потому активная, четко структурированная политика России на пространстве СНГ — это важный инструмент противодействия международному терроризму, трансграничной преступности, нелегальной миграции, обороту оружия и наркотиков». *(Выступление на заседании Совета Безопасности 19 июля 2004 года)*

«Противодействие преступности, терроризму, наркоугрозе напрямую зависит от надежной защиты наших границ и эффективности миграционной политики...» *(Вступительное слово на церемонии представления высших офицеров, 28 июля 2004 года)*

«Укрепление [государственной границы. — В.М.] продиктовано не чем иным, как необходимостью адекватно реагировать на современные угрозы безопасности нашей страны, такие как международный террор, трансграничная преступность, наркотрафик, незаконная миграция». *(Выступление на Всероссийском совещании руководящего состава органов ФСБ по вопросам пограничной деятельности, 1 декабря 2004 года)*

Разумеется, среди мигрантов имеются и преступники, и наркоторговцы, и люди, преследующие иные асоциальные цели. Есть, однако, серьезное обстоятельство, выпадающее из дискуссий о преступности среди мигрантов: их причастность к теневой и криминальной деятельности во многом определяется фактором среды, провоцирующей на выход из правового поля.

Во-первых, мигрантам заказана дорога в отдельные сферы занятости: на государственную службу, в бюджетные организации. Уход в частный биз-

нес, пребывающий в значительной мере в тени, — их практически единственный удел. Во-вторых, сколько-нибудь длительное существование в тени невозможно без поддержки и согласия извне — на основе договоренности между местными властями, предпринимателями, криминальными авторитетами, с одной стороны, и представителями этнических диаспор — с другой¹⁸.

«Мигранты дают взятки, подкупают милицию и административные органы». Но ведь не насильно же?! При этом представление, что проблемы коррупции обусловлены этническими миграциями, странным образом сочетается с недоверием к милиции: 58% респондентов-горожан считают взятки, поборы, «крышевание» для милиции сложившейся и стабильной практикой, 39% твердо уверены в связях милиции с криминалом¹⁹.

Мигранты занимают ключевые позиции в социально-экономической жизни, они живут лучше местного населения. Представления, что русские в России живут беднее представителей других народов, очень распространены: к этой точке зрения склоняется 46% опрошенных, обратное утверждение поддержали только 9% респондентов, еще 41% считают, что русские и представители других национальностей живут примерно одинаково²⁰. Судя по исследованиям И.М. Батыштовой, гиперчувствительность к так называемым лицам кавказской национальности обусловлена тем, что в восприятии населения уровень жизни этой категории мигрантов выше, чем у местного населения²¹.

Учесть доходы мигрантов, подавляющая часть которых не имеет законных оснований для пребывания и/или занятия трудовой деятельностью, достаточно сложно. Специалисты склоняются к той точке зрения, что уровень доходов подавляющего большинства мигрантов не отличается от доходов местного населения.

¹⁸ См. более подробно: Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда / Социологические исследования. 2005. № 8.

¹⁹ Гудков Л., Дубин Б., Леонова А. Милицейское насилие и проблема «полицейского государства» // Вестник общественного мнения. 2004. № 4 (72). С. 37. По данным опроса Левада-Центра в 2005 г., 56% сотрудников милиции «подрабатывают» «довольно часто» и еще 25% — «время от времени». Опрошено 634 сотрудника МВД в 41 городе России, декабрь 2005 г., (Гудков Л., Дубин Б. Приватизация полиции // Вестник общественного мнения. 2006. № 1. С. 68). По данным обследований 1998–2000 гг., 26% работников милиции «подрабатывали» в рабочее время, 52% — в свободное время. (Рывкина Р.В. Функции и дисфункции дополнительной занятости в постсоветской России // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / Отв. ред. Ж.А.Зайончковская. — М., 2003. С. 20).

²⁰ Опрос Левада-Центра, август 2005 г., 1880 опрошенных. По большому счету, неважно, что первично, а что вторично: страхи утраты ресурсов или представления о социально-экономическом неравенстве этнических групп как следствии «этнического захвата» ресурсов, — более значима их сопряженность в общественных настроениях.

²¹ Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 1: Приволжский федеральный округ / Под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской. Институт географии РАН; Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — М., 2004. С. 149.

Судя по всему, средние заработки трудовых мигрантов близки к средней номинальной заработной плате в России: согласно обследованию МОТ (Е. Тюрюканова), средняя заработная плата незаконных мигрантов составляла 5338 руб. в июне 2003 г. (около 176 долларов) при средней по стране в 5591 руб. (184 доллара). По другому обследованию 50% мигрантов считали, что их оплата труда такая же, как у местных работников²².

По данным обследований 2005 года, среднемесячная заработная плата опрошенных нелегальных мигрантов составляла около 7 тыс. руб., легальных трудящихся-мигрантов — около 12 тыс. руб.²³.

Даже в Москве, где заработки достаточно высоки, почти половина опрошенных азербайджанцев живут трудно: 5,7% считают, что «терпеть такое бедственное положение невозможно»; 34,8% — «жить трудно, но можно терпеть»; 35,1% респондентов полагают, что могут «позволить кое-что из необходимых вещей, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения»; у 12,4% опрошенных «денег хватает только на еду», у 1,8% — «не хватает даже на еду, приходится постоянно брать в долг» (Москва, 2005). В наихудшем положении таджикские мигранты: в Астрахани, например, у 30,9% опрошенных «денег хватает только на еду», у 7,2% — «не хватает даже на еду, приходится постоянно брать в долг» (Астрахань, 2005).

Те мигранты, которые в силу квалификации, образования, сферы занятости не могут претендовать на российскую зарплату, компенсируют это с лихвой более интенсивным трудом. Средняя продолжительность рабочей недели мигрантов составляет, по данным Е. Тюрюкановой, 66 часов²⁴, по данным обследования Г. Витковской — 53 часа²⁵. Среди молдавских строителей в России 79% работали 12–13 часов и более в день²⁶. Особенно распространена такая практика среди мигрантов, прибывших на заработки на небольшой срок.

Исключение составляют трудовые мигранты из Средней Азии, занятые на самых тяжелых, неквалифицированных работах и нещадно эксплуатируемые; им даже за счет удлинения рабочей недели не удастся выйти на средние заработки россиян. Средняя заработная плата таджикских нелегальных трудовых мигрантов составляла, по данным обследований

²² Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми / МОТ. — М.: Права человека, 2004. С. 58; Проблемы незаконной миграции в России: реалии и поиск решений (по итогам социологического обследования) / Бюро МОМ в России. — М.: Гендальф, 2004. С. 130.

²³ Медианные значения. Обследования Института социологии (Астрахань-2005, Самара-2005, соответственно 185 и 200 респондентов) и Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ), 282 респондента (Москва, 2005).

²⁴ Принудительный труд в современной России. С. 59.

²⁵ Проблемы незаконной миграции в России: реалии и поиск решений. С. 122.

²⁶ Мошняга В., Руснак Г. Мы строим Европу. И не только / Молд. гос. ун-т; Центр «CAPTES». — Кишинев: CEP USM, 2005. С. 27.

2005 г. в Астрахани и Самаре, около 7,4 тыс. руб. (медианное значение — 6 тыс. руб.).

Мигранты отнимают рабочие места у местного населения и сбивают оплату его труда. Хотя мигранты заняты на непрестижных работах, в тех сферах занятости, куда не идут россияне, принято считать тем не менее, что они отнимают рабочие места и способствуют снижению уровня заработной платы местных работников.

Судя по исследованиям, они реально конкурируют с россиянами на рынках труда: «...более или менее значительная часть рабочих мест, занятых сегодня мигрантами (от 50 процентов в Москве до 30 процентов в регионах), уже стали чисто мигрантскими, т.е. "зарезервированы" за ними на долгие годы. Остальная часть рабочих мест "отвоевывается" мигрантами в конкурентной борьбе с местным населением»²⁷.

Такой взгляд широко распространен и в других странах, использующих труд иммигрантов. Однако ситуация не столь проста: в обзоре публикаций, проведенном в Великобритании, делается вывод: «В подавляющем большинстве эмпирических исследований признается тот факт, что в основном не наблюдается значительного в статистическом отношении воздействия миграции на результаты функционирования рынка труда»²⁸.

Что касается влияния притока мигрантов на оплату труда местного населения, и здесь все не так однозначно: согласно серьезным исследованиям, выводы которых стали аксиоматичными, приток неквалифицированных рабочих выгоден для квалифицированных работников, поскольку способствует снижению цен на товары и услуги, но невыгоден для неквалифицированных, так как снижает их заработки²⁹.

Иммигранты не платят налоги, а все заработанные деньги отправляют на родину. Большинство специалистов полагают, что размеры мигрантских трансфертов из России лежат в пределах 3–4 млрд. долларов ежегодно. Однако, во-первых, определенная часть мигрантов вообще не пересылает деньги на родину. По обследованию Международной организации труда (МОТ), деньги посылают около половины мигрантов, по обследованию Международной организации по миграции (МОМ), и того меньше — 35%³⁰. Согласно обследованиям, проведенным в Москве, Астрахани и Самаре в 2005 г., около 20% незаконных мигрантов не пересылают деньги. Особенно это харак-

²⁷ Тюрюканова Е. Трудовая миграция в России // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 62.

²⁸ N. Gaston and D. Nelson. The employment and wage effects of immigration (Centre for Research on Globalization and Labour Markets, University of Nottingham), July 2000.

²⁹ Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики / Пер. с англ. — М.: Весь мир, 2004. С. 95. Обзор исследований влияния миграции на занятость и оплату труда см.: Мукомель В.И. Миграционная политика России: постсоветские контексты. С. 203–205.

³⁰ Принудительный труд в современной России. С. 64; Проблемы незаконной миграции в России: реалии и поиск решений. С. 84.

терно для крупнейших городов, где велика доля проживающих и работающих постоянно: в Питере 86% трудовых мигрантов не посылают деньги на родину³¹.

Во-вторых, совершенно не учитывается, что эти деньги заработаны их трудом. В-третьих, важный аспект: мигранты пересылают на родину лишь часть заработанных средств, но остальные заработанные ими средства (4,5–5,0 млрд. долларов) идут на текущее потребление. То есть эти деньги работают в экономике России, частично, через налоги с оборота и акцизы, поступая и в бюджеты разного уровня. А это — в зависимости от формы оплаты труда и от того, в какой экономике заняты мигранты (официальной или теневой), — 1–2 млрд. долларов.

Наконец, последнее по порядку, но не по значению: прибыль от эксплуатации мигрантов — а их труд в большинстве случаев носит принудительный характер — составляет около 7,5 млрд. долларов ежегодно³². На этом фоне дискуссии о вывозимых ими средствах представляются, по меньшей мере, некорректными.

Мигранты вытесняют коренное население с насиженных мест — миф, получивший наибольшее распространение на Юге России, а также среди населения больших городов и столиц — поселений, где достаточно сложно найти коренного жителя в третьем поколении³³. Используется в связке с мифами, что ***изменение этнического состава территорий вследствие миграций приобретает катастрофический характер и угрожает национальной безопасности***, а также что ***идет вытеснение славянских народов с исконно русских территорий***.

Замеры общественного мнения выдают озабоченность россиян «китайской экспансией». При этом наиболее негативно отношение к китайцам среди респондентов из Центрально-Черноземного района (54% из которых относятся к ним с раздражением, неприязнью, недоверием или страхом), где с китайцами знакомы понаслышке и где их на порядок меньше, чем на Дальнем Востоке или в Восточной Сибири (среди респондентов из этих экономических районов негативно к китайцам относятся соответственно 48 и 44% опрошенных, по данным Левада-Центра, июль 2005). Вполне корреспондируется со взглядами с Юга России: «Правда, сами посудите, ну какой из китайца русский человек? У нас на Ростовщине сроду-веку узкоглазых да желтокожих не бывало. Аккурат с нашествия монголов»³⁴.

³¹ Проблемы незаконной миграции в России: реалии и поиск решений. С. 77.

³² Более подробно см.: Мукомель В.И. Миграционная политика России: постсоветские контексты. С. 206–208.

³³ Среди респондентов больших городов этот тезис встречается чаще, чем по всей выборке, в 1,5 раза, столиц — в 1,4 раза (Левада-Центр, июль 2005).

³⁴ Полосин Г. Гильотина как лекарство от запоя. http://www.apn.ru/?chapter_name=print_impres&data_id=45&do=view_single

Если ориентироваться на публикации масс-медиа, выступления чиновников и политиков, идет лавинообразный рост числа китайцев, оседающих на российских территориях. Выводы специалистов прямо противоположны.

Во-первых, по их оценкам, численность китайцев на порядок-другой ниже тех оценок, которыми оперируют: постоянно в России находится не более 400 тысяч китайцев, включая и законно пребывающих³⁵. По данным Е. Мотрич, вид на жительство в Дальневосточном округе получил в 1999–2002 гг. 701 гражданин КНР, российское гражданство — 71 человек, зарегистрировано 228 браков с китайцами³⁶.

Во-вторых, по мнению российских специалистов, на Дальнем Востоке уже во второй половине 1990-х интенсивность китайской иммиграции заметно снизилась³⁷.

В-третьих, проживание китайцев носит сезонный характер. Предпринимательская деятельность ограничена сельскохозяйственными и строительными работами. Нигде в России, в том числе и в восточных регионах, китайский труд не играет сколько-нибудь значительной роли³⁸.

В-четвертых, специалисты приходят к выводу, что пока приграничные с Россией провинции Китая еще недостаточно освоены и не являются привлекательными для населения Китая. Возможность массового притока китайских иммигрантов в ближайшие годы подвергается сомнению: «Нет в мировой практике того, чтобы была массовая миграция из стран с более высокими темпами экономического развития, к которым сейчас, конечно, относится Китай, в страны не с такими высокими темпами»³⁹. Опрос экспертов в Приморском, Хабаровском краях и Амурской области в 2001 г. показал, что они скорее обеспокоены внутрироссийскими миграциями (63,3% ответивших), миграциями граждан из стран нового зарубежья (23,0%), и только 13,5% респондентов указывают на миграцию со странами старого зарубежья⁴⁰.

Можно сколь угодно издеваться над властями Краснодарского края, обнаруживших угрозу в турках-месхетинцах и курдах, на долю которых приходит-

³⁵ Виля Г. Китайская миграция и китайские землячества в России // Мир в зеркале международной миграции. — М.: Макс-Пресс, 2002. С. 29; Ларин В.Л. Китайская миграция на Дальнем Востоке // Мост через Амур. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке. — М.; Иркутск: Наталис, 2004. С. 109. Развернутый анализ оценок китайского присутствия см.: Население России 2001 / Под ред. А.Г. Вишневого. — М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 131–133.

³⁶ Доклад на научном семинаре «Миграционная ситуация в Центральной и Северо-Западной России», Москва, 11–12 ноября 2004.

³⁷ Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность. — М.: ИСПИ РАН, 1999. С. 76–77.

³⁸ Дацышен В.Г. Гастербайтеры на Востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы // Мост через Амур. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке. С. 58.

³⁹ Человеческий ресурс и конкурентоспособность России в XXI веке / Клуб «Открытый форум» и Ассоциация менеджеров. — М., 2004. Вып. 21. С. 12.

⁴⁰ Современная миграционная ситуация в приграничных районах Дальнего Востока / ИСПИ РАН. — М., 2001. С. 34–35.

ся несколько десятых одного процента населения края, но нельзя не признать: им удалось освоить старую, но не менее действенную истину — пугает неизвестное и незнакомое.

Нельзя не согласиться с Л.Д. Гудковым, что максимум возмущений фиксируется именно в тех группах, которые непосредственно не конкурируют или не сталкиваются с чужими; на приезжих проецируется внутренняя агрессия, которая «рационально» обосновывается чужими аргументами, заимствованными из языка официоза или других социальных групп⁴¹.

Миграция способствует конфликтам: имеется объективный порог численности мигрантов, после которого конфликты предопределены. Миф, кочующий из одного издания в другое, называются даже конкретные значения такого порога с указанием на некие зарубежные исследования. К сожалению, источники этого мифа неизвестны.

Формальная постановка задачи вычисления данного порога понятна и технически решаема. При одном условии: если четко определено, кто понимается под мигрантами и кто — под местным населением. А для этого надо дать однозначные ответы на многие вопросы, например: кто будет определять, кого относить к мигрантам, а кого к местным жителям и когда мигрант перестает быть мигрантом и становится местным?

Решение о причислении индивида к мигрантам или местным жителям могут принимать: а) сами мигранты; б) местные жители; в) независимые исследователи. В зависимости от того, кто принимает решение, мы получим разные подмножества. Типичный случай: мигрант причисляет себя к местным жителям, но воспринимается последними как пришлый, и наоборот. Совпадение идентификаций является скорее исключением, нежели правилом.

В наиболее сложном положении мы оказываемся, если судьбоносное решение отдаем на волю исследователя, так как последний нуждается в четких и однозначных критериях. Можно, конечно, считать мигрантами всех проживающих в данном населенном пункте не с рождения (по данным переписи 2002 г., это около 44% населения страны). Но, во-первых, что считать населенным пунктом — в разрастающихся мегаполисах это понятие условное. Во-вторых, с возрастом вероятность переездов, соответственно и отнесения к мигрантам, возрастает, что не очень логично.

Можно воспользоваться критерием срока проживания в данном месте. Известно, однако, что одни, прожив большую часть жизни в данном месте, воспринимают себя временными обитателями, другие, прожив в городе год-два, ощущают себя так, будто в нем родились.

Многое зависит не только от самоидентификации мигранта, но и от специфики принимающей среды: на Дальнем Востоке в свое время такая постанов-

⁴¹ См. раздел II.

ка вопроса вообще не была бы понятна — в регионе, где сложно найти местного жителя во втором поколении, все чувствовали себя одновременно и местными, и мигрантами. Напротив, в крупных городах Юга России приходилось встречать людей, проживших там более двух десятков лет, но тем не менее соглашавшихся с местными жителями, воспринимавших их как приезжих. Всякий, кто не являлся уроженцем тех мест, воспринимался как не местный.

Рациональные аргументы versus веры

Антимигрантские настроения, доминирующие в обществе, небеспочвенны: для части мигрантов характерны клановость, закрытость, вытекающая из иных культурных и национальных традиций, нормы поведения, не соотносящиеся с нормами и традициями принимающего общества. Значимость вызовов и угроз, порождаемых массовыми миграциями, — тема специального разговора, важно другое: негативная репутация многих мигрантских сообществ становится проблемой независимо от того, насколько она оправданна⁴².

Рациональные, «ресурсные» обоснования фобий внушают оптимизм: аргументам такого рода можно противопоставить логику, с ними можно спорить с цифрами в руках — тем паче что значительная их укорененность в общественном мнении является не производной от личного опыта, а продуктом деятельности масс-медиа и публично-политического дискурса, чаще всего имея под собой мифические основы.

В то же время, по мнению ряда социологов, рациональное объяснение фобий имеет свои пределы, ксенофобские установки не допускают рационализации собственных аргументов; наиболее последовательна в этом отношении позиция Л.Д. Гудкова, увязывающего рост ксенофобии с глубинными социальными трансформациями и попытками на новой основе создать коллективное «мы». Ксенофобия, по его мнению, выступает «суррогатом гратификации», фобии нового, изменившегося порядка вещей легко переходят в ксенофобию и формируют потребность в защитно-запретительных барьерах против групп, маркируемых в качестве симптомов или носителей этих изменений⁴³. На этнических мигрантов, избранных на роль козлов отпущения, переносятся собственные грехи — подобно их библейскому прообразу.

По понятным причинам, страхи утраты ресурсов наиболее распространены среди наименее конкурентоспособных респондентов, находящихся на нижних ступенях социальной лестницы, не обладающих квалификацией и не очень

⁴² Соболева С., Чудаева О. Иностранцы мигранты на российском рынке труда // Миграция и национальная безопасность. Вып. 11. МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2003. С. 92.

⁴³ См. раздел II, а также: Гудков Л.Д. Чеченская война и «мы» // Неприкосновенный запас. 2000. № 5 (13).

образованных. Такие мотивировки негативного отношения к мигрантам, как «мигранты занимают рабочие места», «мигранты сбивают оплату коренного населения», наиболее популярны у рабочих, особенно неквалифицированных, служащих, а также молодежи. Напротив, наиболее толерантны к мигрантам руководители, лица с высшим образованием, более трезво оценивающие ситуацию, апеллирующие к позитивным проекциям: руководители в 2,4 раза чаще, чем все респонденты, отмечали, что мигранты работают на таких работах, на которые не идут коренные жители, в 3,1 раза чаще — что без мигрантов цены на товары и услуги были бы выше, в 2,5 раза — что благодаря мигрантам выживает небогатое коренное население (Левада-Центр, июль 2005).

Намного сложнее бороться с фобиями утраты идентичности, более иррациональными. Страхи утраты идентичности весьма распространены: «мигранты — чужие», они «живут по чуждому и непонятному укладу жизни, говорят на непонятном языке» (26% респондентов), «ведут себя агрессивно и нагло, я их боюсь» (24%), «мигранты живут лучше коренного населения» (14%), «выживают коренное население с насиженных мест» (14% ответивших). Такого рода страхи наиболее распространены среди учащихся, по понятным причинам не имеющих опыта контактов и взаимодействия с мигрантами, пожилых людей и домохозяек, жителей малых городов.

Склонность к установлению мнимых связей между различными явлениями — что и является спецификой мифологического сознания — характерна в первую очередь для социальных групп, находящихся на нижних ступенях социальной лестницы. Апелляция к этим группам должна строиться в первую очередь с учетом их слабой восприимчивости к рациональным аргументам, повышенной чувствительности к эмоциональному компоненту дискурса; переломить настроения этих социальных групп крайне затруднительно без помощи масс-медиа и еще в большей мере — массовой культуры.

Применительно к мифологии об этнических мигрантах крайне актуальны слова Р. Барта: «Современный миф дискретен: он высказывается не в больших повествовательных формах, а лишь в виде "дискурсов"; это не более чем *фрагментология*, набор фраз, стереотипов; миф как таковой исчезает, зато остается еще более коварное *мифическое*»⁴⁴.

Миф нельзя развенчать, но веру, на которой он базируется — вспомним о словах П. Штомпки, — можно подорвать. И лучший способ — переключение дискурсов, изъятие из обращения девальвирующихся стереотипов. Памятуя, что миф — это коммуникативное сообщение: «миф — это слово»⁴⁵.

⁴⁴ Roland Barthes. *Le bruissement de la langue*. Paris, 1984, p. 79. Цит. по: Барт Р. Мифологии. С. 15.
⁴⁵ Там же. С. 233.

V. КОНСТРУИРОВАНИЕ МИФОВ

Один из наиболее ярких мыслителей современности, нобелевский лауреат по экономике Амартия Сен заметил, что полуправда или четверть правды легко вводят в заблуждение, поскольку они выглядят правдоподобно и их труднее разоблачить, чем откровенную фальсификацию¹. Сказанное в полной мере относится к представлениям о роли этнических меньшинств, прежде всего иммигрантских групп, в криминальном бизнесе (например, в контрабанде, распространении и хранении наркотиков). Крупицы истины состоят в том, что среди меньшинств, иммигрантов доля занятых в криминальном бизнесе, связанном с наркотиками, может быть выше, чем среди коренных жителей из числа этнического большинства. Однако это как раз и есть «полуправда или четверть правды», поскольку по отношению к преступному сообществу этнические меньшинства численно не доминируют. Главное же состоит в том, что само соотношение занятости представителей разных этнических групп в той или иной осуждаемой сфере деятельности в действительности не объясняет, а зачастую просто затушевывает истинные причины роста оборота и потребления наркотиков или алкоголя в стране.

Из истории конструирования мифов

В России конструирование мифов имеет давние традиции. Почти полтора века назад один из классиков русской литературы Н. Лесков показал, как это делается, на примере конструирования мифа о том, что «евреи распаивают русский народ»². Подобные обвинения строились на своей «полуправде». Речь шла о том, что в еврейских местечках велика была доля шинкарей, т.е. торговцев вином в небольших кабачках, называемых по-украински шинками. Н. Лесков сомневается, была ли эта доля действительно так уж велика: «В любом местечке, где есть пять–шесть шинкарей, — все остальное еврейское население промышляет иными делами, и в этом смысле окольные жители из христиан находят в труде тех евреев значительные удобства не для пьянства. Если же в еврейских городках и местечках соотношение это будет даже и другое, то есть если процент шинкарей здесь выйдет несколько более,

¹ Доклад о развитии человека. 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире / ПРООН. — М.: Весь мир, 2004. С. 24.

² Лесков Н. Еврей в России. — М.: Книга, 1990. Этот текст был написан Н. Лесковым, как знатком народного быта, в 1883 г. для правительственной комиссии графа К. Палена. Комиссия была создана для рассмотрения причин еврейских погромов 1881–1882 гг. Она должна была дать ответ на вопрос о целесообразности еще большего ограничения «черты оседлости евреев» или, напротив, ослабления ее и предоставления евреям возможности интегрироваться в российское общество (Н. Лесков называл это «ассимиляцией»).

то справедливость заставит при этом принять в расчет разность прав и подневольную скученность евреев, при которой иной и рад бы заняться чем иным, но не имеет к тому возможности, ибо в местности, ему дозволенной, есть только один постоянный запрос — на водку»³.

Писатель показывает, что еврей-шинкари в большинстве своем не были рады шинкарскому ремеслу (из-за буйства пьяных посетителей шинки зачастую подвергались погромам, и сами шинкари погибали), а уж детям своим такого заработка они, безусловно, не желали. Это становилось заметным в те короткие периоды истории России, когда ее правители занимались реформированием экономической и политической жизни страны и в этих целях делали положение меньшинств более свободным. «Как только при императоре Александре II, — отмечает писатель, — было дозволено евреям получать не одно медицинское образование в высших школах, а поступать и на другие факультеты университетов и в высшие специальные заведения, все евреи среднего достатка повели детей в русские гимназии. По выражению еврейских недоброжелателей, евреи даже "переполнили русские школы" <...> Евреи проходили факультеты юридический, математический и историко-филологический, и везде они оказали успехи, иногда весьма выдающиеся. Казалось бы, все это стоило доброго внимания со стороны русских, но вместо того евреи в образованных профессиях снова показались столь же или еще более опасными, как и в шинке!» — с горечью восклицает Лесков.

Эти выводы писателя важны не только для характеристики его нравственной позиции, но и для понимания некоторых фундаментальных сторон мифа «о меньшинствах как растлителях этнического большинства». Прежде всего, подобные конструкции совершенно не учитывают того, что меньшинства, подвергающиеся дискриминации, ограниченные в выборе места жительства и мест приложения труда, заталкиваются социальной средой в сферы занятости, морально или юридически осуждаемые обществом. Но еще важнее то, что пропорции распределения занятости внутри некоей этнической группы зачастую лишь используются некими силами для того, чтобы приписать этой общности неблагоприятные деяния, реально ею не совершаемые. Так, какой бы ни была «доля правды» в представлениях о евреях как завязых шинкарях, это не имело никакого отношения к объяснению причин массового пьянства на Руси.

Лесков, опираясь на материалы государственной статистики, показал, что «в великорусских губерниях, где евреи не живут, число судимых за пьянство, равно как и число преступлений, совершенных в пьяном виде, постоянно гораздо более, чем число таких же случаев в черте еврейской оседлости. То же самое предс-

³ Здесь и далее: Лесков Н. Еврей в России.

тавляют и цифры смертных случаев от опойства. Они в великороссийских губерниях чаще, чем за Днепром, Вилиею и Вислой (т.е. в «черте оседлости». — Э.П.). И так стало это не теперь, а точно так исстари было». Такая устойчивость пьянства объясняется, по мнению Лескова, государственной политикой, которая уже несколько веков проводилась в России. Еще Иван Грозный «пожелал эксплуатировать русскую охоту к вину в целях государственного фиска». К государственной винной торговле «приставлены были особые продавцы, "крестные целовальнички", т.е. люди клятвою и крестным целованием обязанные не только "верно и мерно продавать вино во царевом кабаке". Они имели долг и присягу стараться и действительно всячески старались заставлять людей пить». Такой же смысл имели контракты откупщиков с правительством в великороссийских губерниях и в последующие века существования Российской империи.

Итак, началось «пьянство великорусского народа» по причинам, далеким от «злого еврейского умысла»; произошло это задолго до появления в Российской империи значительных масс еврейского населения; развивалось в наибольшей мере за пределами черты оседлости, там, где вовсе не было еврейских шинкарей, следовательно, отмечает Лесков, «жид в том превеликом пьянстве нимало не повинен». Писатель заключает: «Перенесение обвинения в народном распойстве на евреев принадлежит самому новейшему времени, когда русские, как бы в каком-то отчаянии, стали искать возможности возложить на кого-нибудь вину своей долгой исторической ошибки. Евреи оказались в этом случае удобными; на них уже возложено много обвинений; почему бы не возложить еще одного, нового? Это и сделали. Почин в сочинении такого обвинения на евреев принадлежит русским кабатчикам — «целовальникам», а продолжение — тенденциозным газетчикам, которые ныне часто находятся в смешном и жалком противоречии сами с собою».

Как известно, антисемитизм в России стал моделью, по которой впоследствии конструировались все прочие виды ксенофобии. Неудивительно поэтому, что столь современно звучат и в наши дни выводы полуторавековой давности. Стоит лишь заменить в формулах Н. Лескова миф «о спаивании русского народа евреями» на какой-нибудь другой, скажем миф «о наркотизации русских людей иммигрантами», и мы сможем пользоваться выводами писателя XIX века как вполне современным аналитическим инструментом.

Как это делается сейчас

Например, гнев писателя против «тенденциозных газетчиков» и их противоречивых писаний и сегодня представляется вполне злободневным и оправданным. Современная российская пресса немало потрудились, чтобы утвердить в общественном мнении представление о том, что контрабанда и продажа наркотиков осу-

шествуются прежде всего этническими меньшинствами и иностранцами. При этом усердие в этом «недобром посеве» проявили не только журналисты «желтой прессы» или малотиражных листков, издаваемых экстремистскими группировками, но и сотрудники, казалось бы, демократических изданий. Например, автор некогда одной из самых солидных московских газет либерального направления («Сегодня») весьма категорично заявляет: «Основные поставщики наркотиков в Россию являются представителями этнических криминальных групп, среди которых особое место занимают таджики, азербайджанцы и нигерийцы»⁴. Такой же приговор этнической преступности выносит «Независимая газета» в подборке мнений своих «экспертов», утверждающих, что «наблюдается все более ярко выраженный этнический характер группировок, занимающихся распространением наркотиков. Это, прежде всего, таджикские и афганские группировки»⁵.

Выводы, как водится в российской публицистике, крайне категоричны и, казалось бы, не допускают возражений, между тем сомнения в их достоверности должны были бы возникнуть уже при сопоставлении утверждений разных авторов. Например, в числе лидеров наркобизнеса в России одни журналисты называют азербайджанцев, другие — афганцев или таджиков, третьи — цыган, чеченцев, нигерийцев и т.д. Подобные же расхождения заметны при сравнении докладов известных экспертов, включая и официальных лиц. Так, в широко цитируемом докладе Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) утверждается, что «азербайджанцы — главная сила на рынке наркотических веществ во многих областях. В Москве и Подмосковье они контролируют 100 процентов торговли героином и метадонном, а также значительную часть рынка марихуаны»⁶. А вот по мнению начальника Управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков ГУВД столицы полковника милиции Василия Сорокина, «90% всего героина в Москву доставляется и реализуется таджикско-афганскими преступными группировками»⁷.

Как видим, выводы обоих докладов существенно расходятся. Подобные противоречия в оценках типичны, это может заметить любой наблюдатель, интересующийся ролью этнических меньшинств в распространении наркотиков. Весьма примечательна разница между российскими публикациями на эту тему и тем, что пишут, скажем, в Азербайджане или в Средней Азии. Различие состоит лишь в том, что в России роль главного распространителя наркотиков отводят азербайджанцам, таджикам или цыганам, а в других странах

⁴ Уколов Р. Все героиновые пути ведут в Россию: наша страна в новом тысячелетии может выйти на первое место в мире в мировой торговле наркотиками // Сегодня. 2000. 27 июня.

⁵ Независимая газета. 2001. 11 мая.

⁶ Это утверждение в виде цитаты из доклада или пересказа со ссылкой на него было помещено во множестве российских и зарубежных изданий. Приведу лишь некоторые из них: Независимая газета. 2001. 9 авг.; Патриот. 2001. 28 авг.; Свободная Грузия (Тбилиси). 2001. 2 авг.

⁷ Севостьянов М., Черненко Д. Героин нашего времени // Тверская, 13 (Москва). 2002. 24 янв. На это высказывание ссылались также: Известия Калмыкии. 2001. 12 июля; корр. ИТАР-ТАСС Наталья Ежова (11 июля 2001).

СНГ ее приписывают русским⁸. При этом заявления о преобладании этнических меньшинств среди наркоторговцев не опираются ни на анализ судебной практики, ни на статистику правонарушений или на иные статистически подтверждаемые и убедительные доказательства. Именно эта «свобода от бремени доказательств» и позволяет не только журналистам, но и официальным лицам делать безответственные заявления на данную тему. Когда же этническая статистика правонарушений все-таки просачивается в прессу, читатели имеют возможность сделать неожиданные для себя выводы, такие, например, как сделали в 2001 г. журналисты газеты «Сургутская трибуна». Ее авторы пишут: «В сознании рядового сургутянина прочно закрепилось мнение, что наркодельцы в основном "лица кавказской национальности". На самом деле это не так. За шесть месяцев текущего года к уголовной ответственности за распространение наркотиков по ст. 228 УК РФ привлечено 367 человек, из них только 38 человек из этнических групп: 16 таджиков, чуть меньше чеченцев — 14 человек, 8 азербайджанцев»⁹. Таким образом, на долю этнических групп, которых называют «главными распространителями наркотиков» в Сургуте приходится чуть больше 10% зарегистрированных преступлений.

Аналогичная картина и в других регионах. Так, в Самарской области, считающейся одним из основных центров распространения наркотиков в России, согласно данным областного управления по незаконному обороту наркотиков (УБНОН ГУВД), за распространение наркотиков за 8 месяцев 2001 года было задержано 4959 человек. В этом официальном сообщении сказано, что «среди задержанных особенно много цыган, таджиков и азербайджанцев». Далее приводятся конкретные показатели, которые позволяют точнее представить, что в действительности означают слова «особенно много». Простейший подсчет показывает, что представители всех перечисленных групп составили всего 2,3% задержанных¹⁰.

Даже если сузить круг поиска и выделить из всей преступности только ее верхушку, так называемые «организованные преступные группировки» (ОПГ), то и в этом случае окажется, что этнические меньшинства в них не доминируют. Так, аналитик О. Воронин, ссылаясь на данные МВД, обнаружил, что в Москве из 21 преступных сообществ только 7 являются «этническими»¹¹. За пределами столицы доля так называемых этнических группировок среди ОПГ еще меньше и уж во всяком случае нигде не превышает трети от общего их числа.

⁸ Например, Тамара Макаренко утверждает, что в Кыргызстане ведущая наркомафиозная группировка управляется этническими русскими. (Tamara Makarenko. Kyrgyzstan and the Global Narcotics Trade // Eurasia Insight [online] 1999, 8 December).

⁹ См.: Сургутская трибуна. 2001. 9 авг.

¹⁰ Сообщает пресс-группа Самарской областной программы «Самарская губерния против наркотиков и СПИДа». Информационное агентство: Regions.ru // Россия, регионы. 2001. 13 сент.

¹¹ Воронин О. Новая власть и новые банды // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 2001. 12 сент.

Между тем само определение «этническая преступность» абсолютно некорректно. Во-первых, этничность, как совокупность специфических культурных черт и самосознания, присуща не только меньшинствам, но и русским людям. В этом смысле преступную группу, состоящих из одних русских, можно было бы назвать «этнической». Во-вторых, подавляющее большинство группировок, определяемых в прессе или в публичных высказываниях официальных лиц как «этнические», в действительности включают в себя представителей разных национальностей. Иллюстрацией может служить, например, освещение в прессе уголовного дела, которое рассматривалось судом Советского района Казани. Суд вынес приговор преступной группе в составе двух таджиков — Алима Гадоева и Обиджона Тиллоева, а также русской жительницы Татарстана Анны Гавриловой. В комментарии же казанского телевидения группа была названа таджикской¹². Преступную группу, осужденную в Челябинске за массовое распространение наркотиков в обширном регионе от Урала до Амура, в прессе назвали «азербайджанской». На самом же деле она представляла собой полный интернационал: главой банды был азербайджанец Габиль Аслан-оглы Джафаров, финансовый менеджмент и «отмывку средств» осуществлял армянин Валерий Аракелян, а за связь с розничной сетью были ответственны две русские жительницы Челябинска — Светлана Дроганова и Светлана Чибиркина¹³. Но и сама эта интернациональная группа была лишь крошечной частью разветвленной и многонациональной сети. Она получала афганский героин по многим каналам, включавшим и местных пограничников, которые время от времени откомандировывались для службы в Таджикистан. Такие случаи неоднократно отмечались на Урале, Дальнем Востоке и в Сибири¹⁴.

Роль этнического фактора в наркобизнесе неизбежно падает. Она была значительной на ранних этапах развития наркоторговли в России, когда поставки осуществлялись небольшими партиями. Тогда имело смысл в целях конспирации не расширять круг людей, допущенных к бизнесу, и опираться на родственные связи и этническую солидарность. Ныне же, когда этот бизнес приобрел индустриальные масштабы, он не может быть сосредоточен в руках одной этнической группы, и проблема охраны тайны бизнеса решается по-новому: за счет подкупа властей разного ранга. Можно предположить, что конструирование мифов о мигрантах как главных распространителях наркотиков в России в немалой мере служит прикрытием для многонациональных сетей наркоиндустрии в России.

¹² Поставщиков героина отправили за решетку // Телевизионная компания «ЭФИР» (Татарстан). 2001. 17 сент.

¹³ Стешкова С. Приговор // Восточный экспресс (Челябинск). 2001. 14 авг.

¹⁴ Азамова А. Военные контролируют таджикский наркобизнес // Московские новости. 2001. 29 мая; Куренных Н. Грудь в крестах // Владивосток. 2001. 15 авг.

Один из мифов состоит в том, что наибольшую опасность в рассматриваемой сфере представляют временные и нелегальные мигранты, *граждане иных государств*. Подобные настроения проявляются в массовом сознании, но разогреваются представителями властей всех уровней и рангов. Например, губернатор Иркутской области Борис Говорин заявил, что «проблема наркомании напрямую связана с проблемой иностранных граждан на территории области»¹⁵. По мнению милицевских экспертов, нерегулируемая миграция считается едва ли не главным фактором роста контрабанды наркотиков в Центральной Азии и в России¹⁶. Между тем подобные представления так же не соответствуют реальности, как и миф об этнической преступности. Они не подтверждаются статистикой, расходятся с официальными данными, опубликованными в открытой печати.

Так, по данным Государственного таможенного комитета России (ГКТК), доля российских граждан среди задержанных за контрабанду уже несколько лет является наибольшей и год от года растет, а доля граждан других государств, например Таджикистана и Украины, занимающих следующие за россиянами строчки в списке лидеров контрабанды наркотиков, напротив, падает. Материалы ГКТК показывают, что с 1999 по 2000 г. доля россиян в этом списке подскочила с 34,8 до 53,6%, а доля граждан Таджикистана сократилось с 26,8 до 16,7%. Особенно заметно сокращение доли граждан Украины — почти вдвое, с 14,6 до 7,9%¹⁷.

Аналогичная ситуация складывается и в других государствах СНГ. Например, в Азербайджане, по данным Госкомиссии по борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотических средств, за первую половину 2001 г. лишь 2,6% наркотиков приходилось на долю граждан иных государств¹⁸. В Киргизии, примерно в это же время, только 7,7% преступлений, связанных с распространением наркотиков, пришлось на долю иностранцев¹⁹.

Приведенные примеры отражают ситуацию во всех странах СНГ. Везде на долю граждан этих государств, являющихся представителями этнического большинства, приходится основная часть всех преступлений в сфере наркоторговли. И роль именно этих групп населения возрастает по ряду причин.

Во-первых, наркотики, прежде всего героин, распространяются так называемым веерным способом: распространитель наркотиков, как правило наркоман,

¹⁵ АС Байкал-ТВ (Иркутск). 2001. 11 авг. 20:30.

¹⁶ D.K. Abraimov, Colonel and Candidate of Historical Sciences, «Round Table: 'The Criminal Factor and Problems of Regional Security in Central Asia,'» Agentstvo Politicheskikh Issledovaniy [Almaty] 12 January 2001. См. также интервью с А. Гильмутдиновым, канд. юр. наук, оперуполномоченным по особо важным делам МВД России (Комсомольская правда. 2001. 24 окт.).

¹⁷ Таможня и наркотики. Обзор задержанных наркотиков в 2000 г. / Государственный таможенный комитет Российской Федерации. — М., 2001.

¹⁸ Сообщение Госкомиссии по борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотических средств // Зеркало (Баку). 2001. 22 авг.

¹⁹ Alexander Zelitchenko. *An Analysis of Drug Trafficking and Use within the Area of the International UN Project 'Osh Knot'*. The Times of Central Asia on the Web, 18 November, 1999.

«подсаживает на иглу» еще с десяток своих знакомых, зарабатывая, таким образом, себе на дозу. При такой «маркетинговой технологии» вовлечение в наркобизнес происходит по законам развития эпидемий, т.е. тотально, с вовлечением широких слоев населения. Во-вторых, сложное социально-экономическое положение всех стран СНГ, при ослаблении механизмов традиционных моральных запретов, подталкивает местное население к вовлечению в такой весьма доходный промысел, как наркобизнес. В-третьих, по мере усиления борьбы с нелегальным оборотом наркотиков и концентрацией внимания правоохранительных органов на иностранцах и представителях этнических меньшинств, неизбежно возрастает роль и вес в преступном сообществе местного населения, представителей этнического большинства, поскольку на них падает меньше подозрений.

Почему же, несмотря на очевидность этих тенденций, представления о решающей роли этнических меньшинств и иностранцев в наркобизнесе все еще доминируют в массовом сознании населения стран СНГ?

Одной из основных причин является *рост ксенофобии*, отмечаемый социологами в большинстве постсоветских государств²⁰. Наркобизнес во всех этих странах считается одним из самых отвратительных преступлений, и психологически людям легче представить, что это дело не «своих», а «чужих» этнических групп. Особенно часто роль козла отпущения отводят группам, с которыми по каким-то причинам не складываются межэтнические отношения. Так, в Петербурге основную роль в распространении наркотиков молва приписывает азербайджанской преступной группировке. Хотя, по словам ответственных сотрудников местной милиции, такой группировки в городе нет. Большинство задержаний азербайджанцев милицией происходит по фактам хулиганства, а за наркобизнес чаще привлекают представителей иных этнических групп, с которыми местные жители почти не конфликтуют. В то же время ссоры с выходцами из Азербайджана следуют одна за другой²¹. Именно этот фактор, на наш взгляд, является основным в создании «мифа об азербайджанцах» в сфере наркобизнеса.

Психологами, со слов опрашиваемых жителей ряда крупнейших городов России, был составлен обобщенный портрет наркоторговца. Выяснилось, что он почти всегда совпадает с образом злодеев из кинофильмов. Торговец зельем — это мужчина 18–30 лет, южанин²².

Однако не только заблуждения и предрассудки, но и вполне рациональные основания обуславливают быстрое распространение мифа о решающей роли этнических меньшинств в нелегальном наркобизнесе.

²⁰ См., например: Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской, А. Малащенко. — М.: Московский центр Карнеги, 1999.

²¹ Комсомольская правда в Петербурге (Санкт-Петербург). 2001. 8 сент.

²² Наркоманы — богатые люди // Монитор (Нижегород). 2001. 27 авг.

Политические цели в целом весьма существенно влияют на распространение этого мифа. В IV разделе было показано, что установка на то, что иммиграция является одной из важнейших причин роста оборота наркотиков и наркомании в России, содержится в заявлениях ее высших должностных лиц, включая президента. Понятно, что подобные заявления в нашей стране принимаются чиновниками на всех уровнях вертикали власти как руководство к действию. Любопытно, что подобная практика существует и в других «вертикально» организованных государствах постсоветского мира, только козлом отпущения в этих странах выступают иные, чем в России, этнические группы.

При этом в ряде государств, с режимами, напоминающими нынешний российский, даже не скрывают того, что они выстраивают образ главного распространителя наркотиков по российскому лекалу. Яркий пример — публикация бакинской газеты «Зеркало», начинающаяся с броского заголовка и вводной части, в которых говорится о поимке в республике 40 иностранцев, в основном граждан России, уличенных в распространении наркотиков. Далее приводятся другие материалы республиканской Госкомиссии по борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотических средств, которые определенно показывают, что среди задержанных в республике контрабандистов и торговцев наркотиками иностранцы составляют ничтожно малую долю (менее 3%). Зачем же в названии заметки нужно было выпячивать именно роль не граждан республики? Ответ дают сами авторы, подчеркивая, что «среди задержанных в Азербайджане иностранцев доля россиян не меньше, чем доля азербайджанцев, задерживаемых в России»²³. Возможно, ради одного этого вывода, очень важного для газеты и стоящих за ней политических сил, и была затеяна публикация указанных материалов.

Борьба между криминальными группами также занимает важное место среди рациональных факторов конструирования мифа об иммигрантах-растлителях. В частности, в ряде городов России проявилось стремление организованных криминальных групп, в которых большинство составляют русские, вытеснить группировки с преобладанием других этнических групп. Именно такая трактовка напрашивается в качестве одного из объяснений «мифа о цыганах», распространяемого в ходе широкой пропагандистской кампании против цыган как основных распространителей героина в Екатеринбурге. Эта кампания развернута самой известной в городе организованной преступной группировкой под названием «Уралмаш»²⁴.

²³ Сорок иностранных наркоторговцев задержано в Азербайджане // Зеркало (Баку). 2001. 22 авг.

²⁴ Варсегов Н. Отмоют грязь, по достоверным данным, братки своим апартеидом банным // Комсомольская правда. 2001. 14–15 авг.

Оценивая подобные кампании, сопровождающиеся, как правило, взрывами нетерпимости в ряде регионов, эксперт Московского Центра Карнеги Алексей Малашенко приходит к выводу, что «русские преступные группировки опираются на поддержку силовых структур правительства». Он также ссылается на имеющиеся у него «данные о том, что к борьбе с иноэтнической преступностью местные власти привлекают русские радикальные полуфашистские организации»²⁵.

Целенаправленное преувеличение роли этнических меньшинств в распространении наркотиков зачастую является также следствием корыстных целей нерадивых или преступных работников милиции и других правоохранительных органов. Делается это для того, чтобы списать на наименее защищенные группы населения (как россиян, так и граждан соседних государств) нераскрытые преступления, а также в целях вымогательства и решения ряда других задач, далеких от интересов государства и общества²⁶.

Исследования показывают, что в России и других странах СНГ этнические меньшинства, иммигранты всегда были в меньшинстве в криминальном бизнесе распространения наркотиков, и их доля и роль в преступных сообществах со временем неизбежно уменьшается²⁷. Это происходит по мере индустриализации наркобизнеса, нарастания эпидемии наркомании и, следовательно, вовлечения в потребление и торговлю представителей этнического большинства новых независимых государств. На это же «работает» и рост экономической привлекательности наркобизнеса. Этнические меньшинства вытесняются из наркобизнеса своими более многочисленными конкурентами, зачастую с помощью властей, концентрирующих усилия прежде всего на борьбе с «этническими» криминальными группами. Однако, несмотря на то что объективно роль этнических меньшинств в этом криминальном бизнесе уменьшается, в массовом сознании населения новых независимых государств их роль возрастает и демонизируется. Представление об «инородцах-иммигрантах» как о причине роста преступности в стране и разложения нравов местного населения — это миф, который, как правило, целенаправленно формируется ограниченным слоем людей, заинтересованных в его распространении по экономическим или политическим причинам, а затем закрепляется в массовом сознании, приобретая иногда чрезвычайную устойчивость в качестве стереотипного предассудка.

²⁵ Нетерпимость в России: старые и новые фобии. С. 14.

²⁶ См. например: Наркотический ступор — беседа с Марией Сергеевной Гальпериной, заместителем председателя организации «Жизни без наркотиков» // *Время MN*. 2001. 15 авг.

²⁷ Подробнее см.: Reuter, Pain and Greenfield. The Effects of Drug Trafficking on Central Asia // RAND Corp., Santa Monica, 2004; Паин Э. Этнические особенности контрабанды наркотиков: мифы и реальность // *Этнопанорама*. 2003. № 1–2.

VI. СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Несбывшиеся надежды

В истории человечества множество раз возникали надежды на то, что все этнические, расовые и религиозные различия когда-нибудь вообще «сотрутся» или «переплавятся», а уж если и сохранятся, то по крайней мере перестанут оказывать конфликтогенное влияние на межгрупповые отношения и взаимодействие власти и общества. Однако пока такие надежды остаются иллюзорными. Реквиемы по этничности и слухи о кончине иных культурно-групповых различий постоянно оказываются преждевременными. Глобализация неоднозначно воздействует на устойчивость культурной дифференциации этнических и религиозных групп человечества. В условиях глобализации процессы унификации культурных норм сочетаются с воспроизводством культурной специфики. Возникают новые глобальные формы традиционной солидарности, прежде всего этнической и религиозной. Это, а также усиление миграционных процессов повышает вероятность глобального столкновения культур. Периодически вспыхивают глобальные обострения межгрупповых отношений на почве национализма, религиозной или расовой ненависти. В двадцатом веке можно выделить, по крайней мере, три волны такого рода обострений.

Первую, протекавшую между 1950–1970 гг., Энтони Смит назвал волной этнического возрождения («ethnic revival»)¹. Она была вызвана прежде всего процессом деколонизации, но со временем перекинулась из новых независимых государств Азии и Африки в Европу и Америку. В этот период ею была охвачена Канада (Квебек), США (движение афроамериканцев и индейцев), Испания (движения басков и каталонцев), Бельгия (движения валоннов и фламандцев) и ряд других стран. Характерно, что эту волну трудно объяснить обострением экономических проблем, поскольку она совпала с экономическим подъемом Запада.

Вторая волна пришлась на 1980-е годы и затронула в первую очередь Западную Европу. Здесь после второго нефтяного кризиса разразился экономический кризис, охвативший прежде всего иммигрантские группы. Регион не смог переварить массового притока мигрантов. Европа готовилась получить лишь дополнительные трудовые ресурсы, а получила новое население в условиях, когда трудовая, временная миграция мужчин стала быстро превращаться в миграцию на постоянное место жительства всех демографических групп. В ситуации замедления экономического роста и увеличения доли без-

¹ Anthony D. Smith. *The Ethnic Revival in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

рабочих усилились противоречия между мигрантами и коренными жителями стран Европы. Возросла сплоченность традиционных общностей — расовых, этнических и религиозных. В них люди стали искать поддержку в конкурентной борьбе, опору, позволяющую выжить в изменившемся мире.

Третья волна национализма и религиозной нетерпимости нахлынула в 1990-х — начале 2000-х годов и была вызвана разнородными обстоятельствами. Если в 1990-е годы продолжился процесс «деколонизации», охвативший на сей раз территорию бывшего СССР и Югославии, то в начале 2000-х разразился очередной нефтяной кризис, проявившийся в резком взлете цен на углеводородное сырье. Он привел к замедлению темпов экономического роста в ряде стран мира и, как следствие, к новому обострению положения иммигрантских групп. Растущая зависимость развитых стран от нефтяных ресурсов стимулировала консолидацию под знаменем ислама и идей «антиглобализма» народов нефтедобывающих стран, считающих, что приходящаяся на них доля экономических, социальных и политических благ не соответствует их вкладу в мировое развитие. Немалую роль в подъеме третьей волны глобального культурного размежевания внесла также и политика Америки, прежде всего ее тотальная война против мирового терроризма.

Так или иначе, ныне ни одна из стран мира, включая и наиболее развитые, не может похвастаться полным и окончательным решением проблемы интеграции этнических, расовых или религиозных меньшинств, особенно представителей иммигрантских групп, в сложившуюся систему государства-нации.

Даже в США, население которых обычно называет себя иммигрантской нацией, большинство американцев не одобряло, по крайней мере после Второй мировой войны, приток иммигрантов в страну. «По результатам девятнадцати социологических опросов, — отмечает Самюэль Хантингтон, — проведенных с 1945 по 2000 год, количество тех, кто одобрял увеличение иммиграции, никогда не поднималось выше 14%. Количество же тех, кто выступал против увеличения иммиграции, не опускалось ниже 33%, а в 1980–1990 годах возросло до 65%»². В последние годы в стране стало усиливаться новое противостояние между англоязычным большинством и быстро растущим, за счет притока мигрантов из Латинской Америки, испаноязычным меньшинством населения.

Ноябрьские события 2005 г. во Франции, массовые уличные беспорядки с участием потомков иммигрантов, показали, что используемая в этой стране так называемая унитаристско-гражданская модель интеграции представителей разных культур также дает заметные сбои. Здесь с неумолимостью физической закономерности проявился «закон Хансена», сформулированный еще в

² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер с англ. — М.: АСТ, 2004. С. 514.

1930-х годах и гласящий, что «иммигранты третьего поколения вспоминают то, что пытались забыть иммигранты первого и второго поколений»³. Потомки иммигрантов не хотят мириться с неравенством своих возможностей в стране, где они с рождения должны обладать равными правами с коренным населением. Они не имеют возможности реально оценивать ситуацию в стране-прародине, но им необходим мифологический образ «идеальной прародины» и славных культурных традиций как способ повышения самоуважения и самоутверждения. Эмигранты третьего поколения не стремятся, как их деды, стать «настоящими французами», многие из них выпячивают свою особость и опираются на этнические и религиозные традиции, отвергнутые их отцами и дедами.

Далек от идеала характер взаимоотношений коренного населения с иммигрантскими группами в Голландии, которая до середины 1980-х считалась мировым образцом толерантного отношения к меньшинствам. В 1990-х взаимоотношения мигрантов и коренного населения стали заметно ухудшаться, а в начале 2000-х годов политические силы, выражающие активные антииммигрантские настроения в этой стране, стали набирать на выборах до 20% голосов и претендовать на лидерство в парламенте.

Российская специфика глобальной проблемы

На фоне растущих проблем иммигрантских групп в США и Западной Европе их положение в России может показаться, на первый взгляд, не столь уж драматичным. Вместе с тем нельзя не согласиться с В. Тишковым, который считает, что типы отношения к межэтническим и, шире, к межкультурным различиям, сложившиеся в России и на Западе, просто несопоставимы. «И с этой точки зрения опыт России действительно разительно отличается от преобладающего на Западе и в остальном мире. Сходный с Россией опыт имеют только постсоветские и отчасти восточноевропейские страны»⁴. Известный российский антрополог, используя формулировку популярного ныне историка Т. Мартина, видит особенность нашей страны в том, что «СССР представлял собою "империю аффирмативных акций" — государство, в котором был осуществлен уникальный эксперимент масштабного спонсирования этничности...»⁵. Правда, сам Терри Мартин трактует свою формулировку, вы-

³ Marcus Lee Hansen. *The Problem of the Third Generation Immigrant*. Rock Island, IL — Augustine Historical Society. 1938.

⁴ Тишков В. Культурное многообразие в современном мире // Диалоги об идентичности / Под ред. Е. Филипповой и Р. Ле Кодика. — М.: Сеть этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2005. С. 5.

⁵ Цит. по: Тишков В. Культурное многообразие в современном мире. С. 5.

несенную в название его книги, несколько иначе, чем В. Тишков, подчеркивая, что «аффирмативные акции» использовались в СССР всего лишь как декорация для прикрытия имперского характера советского правления, поскольку «Ленин и Сталин очень хорошо осознавали опасность, которую несло клеймо империи в век национализма⁶». Однако особенности Советского Союза и его наследников в рассматриваемой сфере объясняются вовсе не использованием «аффирмативных акций», поскольку примерами такой «позитивной дискриминации», т.е. практикой предоставления многочисленных льгот меньшинствам, современный мир буквально переполнен. Действительное отличие Советского Союза от Запада хорошо раскрывается первой частью формулы Т. Мартина: «СССР представлял собой империю...».

«Империя, — отмечает Доминик Ливен, — по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. Власть над многими народами без их на то согласия — вот что отличало все великие империи прошлого и что предполагает все разумные определения этого понятия⁷. Примерно так же трактует империю и Марк Бейссингер, определяя ее как «нелегитимное отношение контроля со стороны одного политического сообщества над другим или другими»⁸. Сталин, и тот понимал, что имперский тип правления в XX веке уже нелегитимен, и декорировал империю под союз национальных республик. Вот и нынешние российские лидеры декорируют свой главный политический проект рецентрализации страны и «власти над народами без их на то согласия» под демократию и федерацию. На языке специальных служб это называется «разработка легенды». Однако еще Аркадий Аверченко писал, что российского филера легко узнать, поскольку из-под штатского пальто горохового цвета у него всегда выглядывают синие полицейские штаны.

Имперский тип нашего политического устройства (речь идет об усеченной «империи для себя») также все заметнее проступает по мере свертывания реальных федеративных свойств нашего государства и уменьшения и без того слабых проявлений народовластия. В современной России субъекты Федерации являются таковыми только по названию, а в реальности теряют свою политическую субъектность — они всего лишь объект управления, ими управляют из Центра. И жители России, имеющие российские паспорта, только называются гражданами, в реальности же они — подданные, объект политических манипуляций. Демократия — это прежде всего определенность процедур выбора при неопределенности его результата. В современной России все наобо-

⁶ T. Martin. *The Affirmative Action Empire. Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001, p. 19.

⁷ Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // *Ab Imperio*. 2005. № 1. С. 79.

⁸ Бейссингер М. Переосмысление империи после распада Советского союза // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 68.

рот — процедуры выбора неопределенны, поскольку постоянно меняются для удобства властей, а их результат становится все более предопределенным. Кроме того, сама сфера политического выбора россиян сузилась по сравнению с серединой 1990-х годов.

Примерно такого же мнения придерживается и известный американский политолог А. Мотыль, который полагает, что «спустя десять лет после распада СССР было бы разумно предположить, что главной причиной слабости России и ее соседей выступают не дурные политики, принимающие глупые решения, а институциональное бремя имперского и тоталитарного прошлого»⁹.

Имперское наследие как преграда этнополитической интеграции общества

На мой взгляд, не имеет смысла столь жестко, как это сделал А. Мотыль, противопоставлять «дурную наследственность» «дурным политикам», хотя бы потому, что деятельность таких политиков чаще всего и приводит к возрождению или оживлению остатков имперского порядка. Однако в данном разделе мы временно отложим рассмотрение вопроса о современной политике, сосредоточившись именно на проблеме «политического наследия империи», которое как раз и определяет принципиальную невозможность обеспечения здесь современного типа интеграции различных этнических и религиозных групп в единое гражданское общество, в гражданскую нацию.

Нет граждан, есть лишь подданные

Это свойство имперского режима создает непреодолимые препятствия для интеграции различных народов и культур. Теория политической антропологии предполагает, что подобная интеграция возможна лишь в обществах, в которых преобладает гражданско-политическая идентичность, что «подразумевает существование открытого общества, основанного (по крайней мере, в теории) на общественном договоре, к которому могут присоединиться и тем самым стать гражданами, люди любой расы, любой национальности»¹⁰.

В империи не может быть гражданских наций. В вертикальном иерархизированном обществе есть лишь «верх» и «низ». Верхи, власти, не могут восприниматься как «мы» и определяются массовым сознанием исключительно как «они». В какие-то времена «они» могут оцениваться как мудрые хозяева («вот придет барин — барин нас рассудит»), а в каких-то случаях — как виновники всех наших бед. Что касается низов общества, то при отсутствии в импери-

⁹ Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. — М.: МШПИ, 2004. С. 174–175.

¹⁰ Хантингтон С. Кто мы? С. 62–63.

ях горизонтальных политических связей и отношений, при неравенстве статуса жителей метрополии и колоний, образ «мы» формируется лишь локально на основе простейших и древнейших этнических отношений. Так в империях вызревают этнические нации, на которые рано или поздно имперская конструкция распадается. При этом совершенно не важно, как называются будущие линии и границы раскола: национальные республики, как в Советском Союзе, или провинции, как в Османской империи.

В империях характер взаимоотношений между этническими и религиозными сообществами жестко определен и напоминает матрицу, заданную отчужденной от населения верховной властью. Такая матрица исключает возможность интеграции культур, обеспечивая в лучшем случае лишь временное сосуществование в едином государстве разных этнических и религиозных сообществ, находящихся в рамках своих иерархических ниш. Возможность переходов из группы в группу и включения новых членов в каждую отдельную группу также ограничено, поскольку «членство» в них доступно лишь тем, кто обладает определенным набором базовых этнических и культурных свойств. Рано или поздно группы, занимающие непрестижные ниши в матрице (не говоря уже о дискриминируемых группах), начинают сопротивляться сложившемуся режиму, что подтачивает всю имперскую конструкцию. С. Хантингтон предлагает именовать такую жесткую замкнутую модель «этнико-генеалогической»¹¹. Это определение особенно подходит к советской модели межэтнического общежития. В ее описании всегда преобладали именно генеалогические термины: «родина-мать», «республики-сестры», «народы-братья». Верховная власть разделяет «братьев» на «старших» и «младших» и предписывает им определенный тип общения — «дружбу народов».

Противоположная имперской гражданско-политическая модель отношений между разными культурами не исключает конфликтности, однако она, в принципе, способна к трансформации и адаптации к изменяющимся условиям. Имперская же этнико-генеалогическая модель трансформации не поддается и в кризисные периоды неизбежно разрушается. Бывает и так, что этническая модель национальной интеграции целенаправленно заменяется принципиально иной под воздействием внешних сил. С. Хантингтон приводит в пример Германию и Японию. После проигрыша во Второй мировой войне эти государства отказались не только от имперского экспансионизма и милитаризма, но и от традиционного для имперских обществ этнико-генеалогического принципа определения своей национальной идентичности, перейдя на гражданско-политическую модель национальной интеграции и идентификации.¹²

¹¹ Хантингтон С. Кто мы? С.62.

¹² Там же. С. 65

Хочу отметить, что при разных моделях национальной идентичности, по-разному же осознается этническими и религиозными группами свое место в обществе, соответственно, неодинаково формулируются их претензии к государству и обществу. Известный политический антрополог В. Кимлика пришел к фундаментальному выводу, который сегодня широко цитируется и в основном поддерживается в современной антропологической литературе. По его мнению, «в западных демократических обществах большинство этнокультурных групп не хотят находиться *под защитой* либерального общества, напротив: они хотят быть признанными в качестве *полноправных членов этого общества*»¹³. Сказанное справедливо не только для этнического большинства, но и для национальных меньшинств и иммигрантских групп Европы и США. Все эти группы в большинстве своем не выступают против гражданского равенства и не оспаривают сам «принцип участия». Дискуссии возникают лишь по вопросу *о специфике их участия* в социально-экономической и политической жизни общества¹⁴.

В России же не только меньшинства, но и этническое большинство не ощущает себя хозяином страны, поэтому политики, выступающие от имени этнического большинства, требуют для него *не большего участия* в управлении страной, а защиты, предоставляемой внешней силой — верховным правителем. От властей требуют наделения большинства *дополнительным правовым иммунитетом и статусными преимуществами*. Так, в подготовленном для Государственной Думы законе «О русском народе» в качестве важнейшего рассматривался тезис о признании русских «единственным государствообразующим народом»¹⁵. В таком же направлении обсуждается идея пересмотра Концепции государственной национальной политики, принятой во времена Ельцина¹⁶. Идеи эти не новы, они восходят ко временам Российской империи. Н. Лесков еще в конце XIX века отмечал, что «русские писатели требуют "предпочтений" русским за одно их русское происхождение, и никто их за это не осуждает»¹⁷.

Между тем во всех известных исторических случаях в других странах лидирующая роль представителей этнического большинства в интеграции общества сопровождалась их отказом от требований преимущественных прав для себя. У них и без того есть преимущества — они составляют большинство из-

¹³ Will Kymlicka, et Sylvie Meunier. *Comprendre les identités culturelles*. Paris: Puf, 2000. P. 144. Цит. по: Кодиак Р. Ле. Мультикультурализм // Диалоги об этничности и мультикультурализме. — М., 2005. С. 33.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Севастьянов А. Нужен ли нам закон о «русском народе»? <http://supol.narod.ru/archive/2002/SU1700A.HTM> 30.07.2002

¹⁶ См. Аналитический бюллетень Института стран СНГ. 2001. № 30.

¹⁷ Лесков Н. Еврей в России.

бирателей. Разумеется, это преимущество реализуемо только в демократическом обществе, в котором выборы, референдумы и другие процедуры народо-властия имеют значение. В мире существует практика государственной защиты меньшинств, хотя целесообразность особого статуса даже для них сейчас подвергается все большему сомнению. Что касается требований особого статуса для электорального большинства, то они не проявляются в странах, называющих себя демократическими. В России же вместо реальной возможности *быть хозяином страны*, основным источником демократической власти этническому большинству предлагают *вообразить себя хозяином* по отношению к другим — скажем, к меньшинствам.

Понятно, что одна лишь постановка вопроса о возрождении статуса «старшего брата» вызывает подозрительность у людей, которых таким образом за-талкивают в некие сконструированные страты «средних», «младших», «сводных» и прочих братьев и сестер. В то же время никакие статусные льготы не помогут консолидировать и этническое большинство. Гигантская социальная поляризация между верхами и низами современной России не дает возможности сформироваться образу единого «мы». Беспрецедентные для стран, называющих себя «развитыми», перепады в уровнях жизни разных регионов постоянно напоминают нам, что страна наша — империя, в которой есть привилегированный центр и бедные окраины. Но еще важнее то, что государство, как аппарат управления страной, все в меньшей мере воспринимается населением как часть единого «мы». Как только государство теряет признаки мифологической сакральности, оно предстает в своем естественном облике: гаишника с большой дороги, начальника ДЕЗа или министра, который знать не хочет о безобразиях в своем ведомстве, а главное не несет за них никакой ответственности.

Итак, как в прошлом, так и ныне требования или прошения «на высочайшее имя» об особом статусе русского народа позволяли этнической элите, выступающей от имени этнического большинства, почувствовать себя «хозяином» по отношению к другим, например мигрантам, как к «гостям». Как показывает анализ публичного дискурса этой проблемы в современной прессе, главное, чего хотят получить такие «хозяева», — это право наказывать «гостей» за уклонение от соблюдения обычаев, установленных в «нашем доме». Именно сила рассматривается защитниками «хозяев» в качестве самого действенного метода воздействия на «гостей»¹⁸. Если вдуматься, то описанная здесь модель отношений «хозяев» и «гостей» характерна вовсе не для традиционного жилища, где гостям отводится лучшее место, а для тюрем или рос-

¹⁸ Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. Малахова, В. Тишкова. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН; Институт философии РАН, 2002. С. 190.

сийской казармы, в которой старожилы имеют право силой навязывать свои порядки новобранцам. Понятно, что при сохранении патерналистской, распределительной модели жизнедеятельности для социальных групп важно быть «главными» или «старшими», поскольку от этого зависит место в бараке и близость к раздаче благ.

Сложившееся к концу 1990-х годов барачное (или казарменное) понимание взаимоотношений «хозяин» — «гость» отражает не только подданнический тип сознания, но и весьма типичные для постимперских условий психологические комплексы, связанные с болезненностью привыкания этнического большинства к своему новому пространственному телу, уменьшившемуся после распада или частичного сжатия империи.

Кризис идентичности

В той или иной мере его переживают все новые независимые государства, но больше других — Россия, претендующая на право считаться единственным наследником Советского Союза. И сам процесс его распада в России воспринимается более болезненно, чем в других государствах СНГ (не говоря уже о странах Балтии). Во всяком случае, во всех постсоветских государствах День независимости является главным праздником страны, и лишь в Российской Федерации этот праздник изначально был совершенно не значим, а ныне и вовсе утратил свое название. Ни власти, ни общество не хотят вести отсчет независимости страны от времени распада Советского Союза. Президент России в своем Послании Федеральному собранию 2005 года объявил распад СССР, т.е. процесс, в результате которого появилось его государство, «величайшей геополитической катастрофой XX в.». Вторая по представительности партия российского парламента (КПРФ) вообще рассматривает нынешнюю Российскую Федерацию всего лишь как жалкий «обрубок с кровоточащими разорванными связями»¹⁹. Значительная часть населения России воспринимает распад Союза не как естественный процесс, а как следствие некоего заговора: «Союз не распался — его развалили сознательно». Каким образом может сложиться единая и позитивная идентичность у жителей государства, которое воспринимается властями и обществом как *нежданный и незаконнорожденный ребенок, калека, жертва катастрофы и заговора*? Откуда в таком государстве появятся ресурсы для гражданского сплочения разных народов, и на какой основе может сформироваться здесь единая национальная гордость всего населения?

Ю. Левада отмечает, что в постсоветский период позитивное самоутверждение россиян осуществлялось главным образом за счет мифологизации и героизации прошлого²⁰. Речь идет об эклектической комбинации мифов Рос-

¹⁹ Зюганов Г. Драма власти. — М.: Палея, 1994. С. 202.

²⁰ Левада Ю.А. Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — М., 1994. № 1. С. 15–17.

сийской империи и советского прошлого. Однако в государстве, прошлое которого связано с колониальными захватами, история читается и пишется по-разному многочисленными его народами. Одни и те же события трактуются одними народами как героические, а другими — как трагические. Примерами могут служить Куликова битва (для русских и татар); изгнание из Москвы поляков (для русских и тех же поляков); поход Ермака (для русских и автохтонных народов Сибири) и т.д. Важно и то, что насаждаемый сверху традиционализм, доведенный до своего логического конца, часто выступает основной предпосылкой различных проявлений такого радикального идеологического течения, как фундаментализм (возвращение к истокам), который в свою очередь усиливает стремление людей к культурной изоляции, обостряет этническую и религиозную нетерпимость, препятствует процессам модернизации страны.

Гордиться своей древностью могут многие страны. Вот, скажем, Франция тоже не вчера родилась, и французы легко могли бы отыскать в своей древней истории и в Средневековье памятные даты, пригодные для конструирования национальных праздников. Однако их главный государственный праздник посвящен не взятию Орлеана Жанной д'Арк, а куда более позднему событию — взятию Бастилии. Эта дата отражает переход к новой истории страны, к республиканскому строю и тем самым подчеркивает как нынешние базовые ценности гражданской нации, так и ее установку на демократическое будущее. Вот и России необходимо определиться с тем, какое государство мы строим. Если взят курс на восстановление самодержавия, империи, то празднование событий 1612 года, предшествовавших воцарению династии Романовых, имеет смысл, а если все еще сохраняются цели, отраженные в российской Конституции, то за точку отсчета развития демократического и светского государства стоит принять другие памятные даты.

Одно из основных препятствий на пути становления российской гражданской нации как раз и состоит в отсутствии у властей и общества образа будущего страны, образа «российской мечты». Вряд ли в качестве таковой может быть принята установка на удвоение ВВП.

Сохранение имперского тела

В современной России от имперского наследия сохраняется не только наднациональный политический режим, отчужденный от нации (общества) и рассматривающий народ своей страны лишь как послушных подданных, но и *имперское тело* — территория, демонстрирующая рубцы былых колониальных завоеваний. Речь идет прежде всего об ареалах компактного расселения колонизированных этнических общностей, часть из которых осознает насильственный характер их удержания в составе имперской страны и оказывает сопротивление режиму. Сохранение имперского тела приводит к тому, что в отличие от ситуации, складывающейся ныне на Западе, объек-

том ксенофобии в России выступают не только иммигрантские группы, но и представители так называемых титульных народов республик Российской Федерации, прежде всего республик Северного Кавказа. Различные политические силы имперского блока в России эксплуатируют то одни, то другие проявления ксенофобии. В 1990-е годы основная ставка ими делалась на рост ненависти к автохтонным меньшинствам России, в то время — к чеченцам. Тогда был расчет на то, что чеченская война станет основой этнонациональной консолидации русского народа. Вот типичный образчик надежд националистов «имперского разлива» на рост патриотических настроений в начале 2000 года: «Чеченская война, изначально никому не нужная и связанная теми же нефтебанкирами, в конце концов привела сегодня к общему патриотическому подъему народа. С концом века кончилась и эпоха русского унижения. Победа в Чечне нужна как воздух»²¹. Однако уже к концу 2000 года вера населения в быструю победу в Чечне стала таять, а патриотического ажиотажа вокруг этой войны вообще не возникало в России ни в первую, ни во вторую чеченские кампании. В то же время война вызвала небывалый рост ксенофобии, вначале по отношению к чеченцам (к 2002 г. показатели античеченских настроений подошлись к отметке почти 70%), а затем и к другим группам этнических меньшинств, в том числе иммигрантским.

Исследования Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) показали, что к 2003 году именно иммигрантские группы наряду с чеченцами в наибольшей мере стали сталкиваться с различными формами проявления ксенофобии и основанной на ней растущей дискриминации в различных сферах, особенно при найме на работу и аренде или покупке жилья²². В 2004–2005 гг. фобии, направленные против иммигрантских групп, стали активно разыгрываться политическими силами. В единый фронт борьбы с иммигрантами ныне входят как мелкие группировки, типа «Движения против нелегальной эмиграции» (ДПНИ), так и весьма влиятельные, такие как партия «Родина». Последняя, используя лозунги «Очистим наш город!» и «Москва для москвичей», положила идею этнических чисток и борьбы с иммиграцией в основу своих программных заявлений на выборах в Московскую городскую думу 2005 г.²³

Следует согласиться с большинством экспертов, которые полагают, что нарастающее социальное и политическое давление, испытываемое сегодня им-

²¹ Бондаренко В. Народ Вседержитель // Завтра. 2000. 4 янв.

²² См.: Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам в субъектах юга Российской Федерации / Под. ред. В. Мукомеля. — М.: Центр этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ), 2003.

²³ Московские выборы очистили от партии «Родина». Ее ролик «Очистим наш город!» признан незаконным (<http://www.sostav.ru/news/2005/11/28/73/>).

мигрантскими группами, не приводит пока к их политической консолидации и не подталкивает к массовым протестным действиям. Однако в перспективе часть из них может влиться в инфраструктуру религиозного исламского экстремизма, включая организации, использующие вооруженные формы борьбы с властями, созданные автохтонными группами этнических и религиозных меньшинств России.

Пока же в качестве вынужденного ответа дисперсных групп этнических меньшинств можно ожидать таких действий, которые в еще большей мере будут взвинчивать спираль ксенофобии. Прежде всего, можно ожидать роста вынужденной криминализации иммигрантских групп этнических и религиозных меньшинств. Чем меньше шансов у представителей таких меньшинств на получение легальной работы вследствие дискриминации, тем выше вероятность их вовлечения в нелегальный бизнес. Это, в свою очередь, станет подпиткой мифа об изначальных криминальных наклонностях иммигрантов («южан», «непрощенных гостей») и фактором усиления ксенофобии по отношению к ним. Далее, несомненно, будет возрастать локальная консолидация иммигрантских групп. Чем меньше у представителей эмигрантских меньшинств возможностей для интеграции в бытовую сферу вследствие дискриминации при найме жилья, тем выше их локальная замкнутость, которая в свою очередь значительно усиливает ксенофобию как у этнического большинства, так и у меньшинств.

Ныне во многих регионах формируются замкнутые анклавные расселения иммигрантских меньшинств, в которых возрождаются архаичные традиции социальной организации. Например, в ходе интервью с представителями разных региональных групп таджиков в Москве мои собеседники сообщали, что вследствие чрезвычайных сложностей при трудоустройстве даже на самые тяжелые и малооплачиваемые работы трудовая конкуренция усилилась уже внутри таджикской диаспоры между разными ее региональными группами. Необходимость групповой консолидации стимулировала возрождение таких региональных и клановых подгрупп таджиков, которые забыты даже в самом Таджикистане. Усилилась и роль неформальных лидеров этнических общин и клановых групп внутри них. И эта тенденция также будет способствовать росту ксенофобии у русского населения и активизации мифа «о культурной несовместимости с гостями». Действительно, архаичные социальные организации непривычных этнических групп, как, впрочем, и любые сплоченные структуры «инородцев», вызывают к себе подозрительное, резко негативное отношение коренного населения.

Цепная реакция роста ксенофобии как уже отмечалось, может быть использована политическими радикалами не только из числа русских националистических организаций. Уже сегодня этим пытаются воспользоваться наиболее радикальные группировки и из числа исламских фундаменталистов.

Один из идеологов организации «Исламский конгресс России» патетически восклицает: «Да, конечно, мусульманская умма (община) сегодня расколота на множество мелких общин — джамаатов, вирдов самого различного толка. Но при этом есть немало и объединительных тенденций, и основной из них является тот колоссальный прессинг, который испытывают на себе сегодня все мусульмане, независимо от национальной принадлежности или от того, какого направления в Исламе они придерживаются»²⁴. Маловероятно, что организации, подобные «Исламскому конгрессу», способны уже сегодня объединить всех мусульман России, но нет сомнения в том, что рост русского национализма будет стимулировать ответную консолидацию меньшинств, эффективность которой (скорость мобилизации, прочность и конспиративность связей, уровень мобилизационной готовности) заведомо выше, чем у этнического большинства. И это обстоятельство еще раз указывает на непреодолимую хрупкость имперской или квазимперской системы межкультурных отношений. Это колосс на глиняных ногах.

Авторитарно-бюрократическая политика и ее влияние на этнокультурную дезинтеграцию

Весь предшествующий анализ был посвящен «дурной имперской наследственности» как преграды для интеграции различных этнических, в том числе иммиграционных, групп в российское общество. Мы оценивали совокупность историко-генетических факторов, доставшихся нынешней российской власти отчасти от предшествующих режимов. Вместе с тем она сегодня не просто заимствует опыт имперского правления, она его развивает, и новая политическая стратегия представляет собой не меньшую проблему, чем болезни, унаследованные от прошлого. Речь идет об актуальной практике не только в сфере регулирования миграционных или этнических процессов, но и во всей внутренней политике России. Эта практика перестала соответствовать ее первоначальному названию «управляемая демократия» ввиду исчерпания признаков демократичности. Сейчас эта политика становится в полной мере «авторитарно-бюрократической».

Политика страха и ее последствия

Л.Д. Гудков в своем разделе дал анализ механизма возрождения так называемого мобилизационного общества, с помощью которого российские власти пытаются поддержать целостность коллективного российского сознания. В основе этого механизма, как и в советское время, лежит негативная консо-

²⁴ Макаров А. Кто придет на смену генералам? // Современная мысль. (Издание Исламского конгресса России). http://www.islamua.net/islam_ua/news/general.shtml

лидация, складывающаяся вокруг образа многочисленных врагов. К внешним врагам все чаще относят Запад, который «хочет оторвать жирные куски нашей территории», новые независимые государства как рассадник «цветных революций» и, конечно же, международный терроризм. К внутренним врагам сегодня относят «олигархов», вывозящих российские богатства, и всю оппозицию («лимоны с яблоками»), скинхедов, ваххабитов, сепаратистов и многих других. При таком обилии врагов неудивительно, что в стране возрождается атмосфера «осажденной крепости», что в свою очередь приводит к заметному росту ксенофобии. Следовательно, «политика страха», рассматриваемая в качестве основного элемента политической консолидации, реально ведет к ослаблению этой консолидации и обострению межэтнических отношений.

Такое несоответствие результатов прокламируемым установкам властей нельзя назвать планируемыми следствиями указанной политики. На наш взгляд, один из коренных пороков нынешней российской политики как раз и состоит в том, что власть во многом не осознает порочности многих своих стратегических решений и порождает явления, на которые не рассчитывала и которыми в принципе не может управлять. Скажем, в январе 2005 г. во время массовых акций протеста пенсионеров, недовольных заменой натуральных льгот денежными компенсациями, во Владимире уже на второй день после начала акций большая часть фонарных столбов в центре города была оклеена листовками: «Русский — помоги русскому». В них сообщалось, что бедствия людей вызваны «засильем нерусских людей в правительстве», и перечислялись их фамилии. При этом листовки были не анонимными, они сопровождалась фотопортретом и подписью Игоря Артемова, депутата Законодательного собрания области и общероссийского лидера нелегальной партии «Русский общенациональный союз». Любопытно и то, что первым председателем этой партии и ее основателем во Владимире был Виктор Проньков — руководитель Управления по связям с общественностью и СМИ областной администрации при нынешнем губернаторе Н. Виноградове. Нужно ли объяснять, почему авторы листовки не преследуются по закону и кому было выгодно появление листовки во время, когда пенсионеры вышли на улицы, чтобы предъявить свои требования местным властям?

Это пример того, как ксенофобия, порождаемая политикой страха, может использоваться на нижних этажах вертикали власти для самосохранения местной элиты в ущерб авторитету представителей верхних эшелонов федеральной власти. Пока такая практика еще не задевает главную фигуру — президента, однако пленка, отделяющая «хорошего царя» от «плохих бояр», становится все тоньше и вряд ли сохранится надолго при нынешней беспрецедентно высокой зависимости правительства от первого лица государства.

Если региональные чиновники пока скрытно и с большой оглядкой используют федеральную власть в качестве образа врага, то набирающая силу русская

националистическая оппозиция действует все более решительно. Радикальные русские националисты из числа нелегальных партий уже не скрывают своих намерений прийти на смену нынешнему режиму. Они уже сформировали и широко разрекламировали свою программу воссоздания Российской империи, якобы для целей возрождения русской нации²⁵. Их лидеры называют себя «третьей силой», идущей на смену коммунистам и демократам, при этом нынешний режим они относят ко второй категории. Некоторые из активистов «третьей силы» призывают к «национально-освободительной войне против инородческой власти»²⁶. Теоретики новой империи не удовлетворяются только нынешней вертикалью власти, они хотят соединить ее с вертикалью или иерархией этнических общностей наподобие той, которая сложилась в Третьем рейхе. Там в качестве «государствообразующего» народа выступали «истинные арийцы», далее размещались второстепенные, покоренные народы, а в самом низу — неполноценные нации, подлежащие уничтожению. Кстати, если в России возродится империя в новом расистском облике, то она тоже будет третьей, после царской и советской. Возможно, нынешняя власть не в полной мере отдает себе отчет в возможных последствиях восстановления политики страха и других остаточных механизмов мобилизационного общества.

Имитационная политика

Построение вертикали власти, являющейся своеобразной визитной карточкой современной российской политики, привело к росту численности, роли и влияния бюрократического аппарата в жизни общества. Перемены происходят и в социальном составе этого слоя. В известной работе О. Крыштановской показано, что в сравнении с эпохой Ельцина доля ученых во властных структурах России сократилась в 2,5 раза (с 52,5 до 20,9%), а доля военных почти на столько же возросла (с 11,2 до 25,1%)²⁷. В силу этого нынешний политический режим даже получил название «милитократический».

Отмеченные тенденции во многих отношениях оказываются крайне неблагоприятными для поддержания стабильно мирных отношений различных этнических и религиозных групп России, выступая одним из факторов, провоцирующих обострение межгрупповых отношений в названных сферах. Во-первых, изменение социального состава бюрократии прямо ведет к росту ксенофобии в обществе, поскольку социологические исследования показывают, что у представителей «милитократии», т.е. армии, МВД и служб безопасности, уровень ксенофобии выше, чем у всех других социальных групп населения. Эти

²⁵ См., например: Королев С. Мы русские националисты // Независимая газета. 2000. 6 июля; Бондаренко В. Народ Вседержитель // Завтра. 2000. 4 янв.; Холмогоров Е. Какая империя нужна русским? // АПН (Нижний Новгород). 2004. <http://www.apn-nn.ru/print.php?typ=diskurs&id=21>

²⁶ Полковник Квачков едва не стал депутатом ГД РФ (<http://xeno.sova-center.ru/45A29F2/67C0B76>).

²⁷ Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. № 4. С. 158–180.

выводы представлены в данной работе, в разделе, подготовленном Л. Гудковым, и в предшествующих его исследованиях²⁸. Во-вторых, общий рост бюрократизации страны оказывает косвенное влияние на обострение межгрупповых отношений в рассматриваемой сфере, прежде всего через так называемую имитационную политику, характерную для современной России.

Это может быть «имитация активности» власти — в этом случае мы станем свидетелями того, как представители правоохранительных органов фабрикует дела «этнических преступных групп» либо вводят в заблуждение общественность относительно роли и масштабов деятельности иммигрантских групп в преступном бизнесе, например в торговле наркотиками²⁹. Так, бюрократы выступают одними из главных создателей и распространителей мифов, которые не только сильно затрудняют жизнь этнических меньшинств, особенно иммигрантских групп, но и ухудшают общую атмосферу межэтнических отношений в стране.

Не меньшим злом является и «имитация стабильности». Подобная форма имитации характерна как для федеральной власти, которая долгое время пыталась не афишировать проявления русского национализма и мигрантофобии в России, так и для региональных властей. В регионах России правоохранительные органы крайне неохотно квалифицируют погромы и даже убийства представителей этнических меньшинств и иммигрантских групп как действия, совершенные на националистической почве, определяя их как хулиганство или бытовые ссоры. Иногда при этом получается полный конфуз. Так, всего через два дня после убийства (19 декабря 2004 г.) в Москве выходца с Кавказа Дмитрия Таркеладзе, т.е. еще на стадии предварительного расследования, Московский уголовный розыск поспешил заявить, что «в МУРе полностью отвергают версию об убийстве на почве межнациональных отношений». Однако уже на следующий день после этого заявления (22 декабря) в Интернете появилась информация, что ответственность за это убийство взяла на себя организация под названием «Национал-Социалистическая Группировка 88», которая засняла его на видеопленку. Националисты замыслили убийство и его съемку, чтобы получить доступ к СМИ, в целях устрашения общественности и стремления изложить свои идеи национальной ненависти обширной аудитории³⁰.

Нежелание российских правоохранителей возбуждать дела против русских националистических организаций, например скинхедов, по статье «разжигание национальной розни» объясняется рядом причин. В частности, уже упо-

²⁸ Гудков Л.Д. Динамика этнофобий в России последнего десятилетия / Доклад на конференции «Национальные меньшинства в Российской Федерации». Москва, 2–3 июня 2003 г.

²⁹ Подробнее см.: P. Reuter and E. Pain. *The Effects of Drug Trafficking on Central Asia*. RAND Corp., Santa Monica, 2004; Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в современной России. — М.: ИС РАН, 2005. С.106–117.

³⁰ <http://xeno.sova-center.ru/45A29F2/4AFE5EA>

минавшимися высоким уровнем зараженности милитократии ксенофобией, которая побуждает к рассуждениям типа: какие же они экстремисты — это наши мальчики, они наводят порядок, разбираются с мразью, понаехавшей в нашу страну. Немалую роль в «непротавлении злу» играют и сугубо бюрократические причины. Так, по действующим правилам в случае квалификации некоего дела как проявления политического экстремизма оно берется под контроль Генеральной прокуратурой. Это накладывает на милиционеров и сотрудников прокуратуры на местах целый ряд дополнительных требований по сбору информации и выстраиванию более серьезной системы доказательств вины подозреваемых, чем в случаях с обычным хулиганством. Понятно, что увеличение объема работы без роста вознаграждения за нее не приветствуется сотрудниками МВД и прокуратуры.

Так или иначе, бюрократические игры в любой их форме (как «имитация активности», так и «имитация стабильности») привели к резкому росту этнополитического экстремизма в России, направленному прежде всего против этнических меньшинств и иммигрантских групп населения. Сам факт того, что русские националистические группировки начали публично брать на себя ответственность за националистические преступления и открыто угрожают представителям прессы и правозащитного движения, характеризует заметную активизацию и политизацию их поведения. За спинами молодежных группировок все заметнее становятся силуэты «взрослых» политических партий. Среди них «Национальный фронт», «Народная национальная партия», «Национально-державная партия России» (НДПР), «Партия Свободы», «Русское национальное единство» (РНЕ), «Русский общенациональный союз» (РОС), «Русская гвардия» и др. Все эти партии нелегальны, однако они действуют открыто. Например, только в декабре 2004 и январе 2005 годов в центре Москвы, в зале Союза писателей России прошли презентации книг двух сопредседателей НДПР. Александр Севостьянов представил книгу «Время быть русским», а формально находящийся в федеральном розыске Борис Мионов — свой труд «Иудейское иго». Как раз на этой презентации и было объявлено о сборе подписей под так называемым «Обращением 500», в котором выдвигалось требование о запрете еврейских организаций³¹.

Регулярными становятся пикеты, митинги и другие массовые акции протеста, проводимые в российских городах активистами националистических движений. Все чаще национал-экстремисты демонстрируют свою силу. Основными очагами насилия являются две столицы России. Лишь за один 2004 г. в Москве скинхедами совершено 12 убийств и 40 избиений, в Санкт-Петербурге — 7 убийств и 24 избиения. Далее идет Краснодарский край где, без учета массовых драк, в 2004 г. было зафиксировано не менее 2 убийств и 27 избиений как российских граждан,

³¹ См.: <http://www.xeno.sova-center.ru/45A29F2/4DCA1A4>

так и иностранцев. В январе 2005 г. газета «Известия» опубликовала официальные данные о росте числа убийств, совершенных скинхедами. Если в 2003 г. на них было заведено 20 дел по поводу убийств, то в 2004 г. — уже 44 дела³². При этом речь идет только о бесспорных случаях. Наиболее известной акцией российских национал-экстремистов, безусловно, является убийство в Петербурге ученого Николая Гиренко, автора целого ряда экспертиз по делам активистов таких организаций. Он был убит 19 июня 2004 г. в собственной квартире выстрелом через дверь. Буквально через день после этого ответственность за убийство взяла на себя националистическая организация «Русская республика».

Рост числа национал-экстремистских группировок и их активизация стали столь заметными, что глава МВД России Рашид Нургалиев не мог не признать существования в России фашистских организаций³³. Позднее в косвенной форме это признал и президент В. Путин, выступая на конференции, посвященной памяти жертв Освенцима³⁴.

Политика рецентрализации

Это знаковое и фундаментальное направление внутренней политики России проявилось прежде всего в реформе регионального управления, которая, по сути, означает свертывание федеративных отношений в России. В ходе реформы российские «субъекты федерации» реально утрачивают свою политическую субъектность в результате создания федеральных округов; удаления из Совета Федерации избранных (по крайней мере, на региональном уровне) представителей регионов; замены выборов глав российских регионов весьма своеобразной процедурой, сводящейся к одобрению местным законодательным органом фигуры губернатора, представляемой президентом России. Все эти «нововведения» на самом деле являются возвратом к имперской традиции водворения региональных наместников самодержца, будь то царские генерал-губернаторы или советские партийные секретари. Усилилась роль традиционных для имперского порядка рычагов прямого принуждения. В этом качестве используются не только такие институты, как прокуратура, милиция, силы безопасности, армия, но и суд, также полностью зависимый от самодержавной власти. Новая централизация («рецентрализация») власти сравнительно быстро доказала свою неэффективность, прежде всего в сфере межэтнических и религиозных отношений.

Наихудшие ее результаты проявляются на Северном Кавказе, где расширяется зона этнического и религиозного сопротивления властям. Здесь во все времена назначенный наместник российского царя представлял лишь видимую власть. Реально же управляли неформальные лидеры, выбираемые в об-

³² Тимофеева О. Скинхеды стали убивать в два раза чаще. <http://www.izvestia.ru/community/article413909>.

³³ http://www.POLIT.ru/news/2004/03/03/index_print.html

³⁴ Выступление Президента РФ Владимира Путина в Польше на международном форуме «Жизнь народу моему!» 27 января 2005 г. <http://www.xeno.sova-center.ru/45A2A1E/4E0AF6D>

щинах различного рода. Чем шире становился разрыв между формальной и неформальной властью, тем выше была вероятность коллапса управления на некоторой территории. Так происходит и сегодня. Кремль отстранил от власти строптивых, но популярных лидеров, таких как бывший президент Ингушетии Руслан Аушев, и сделал ставку на послушных, но непопулярных. Этим он добился лишь роста отчужденности населения от всякой власти, как местной, так и центральной.

Новый президент Ингушетии генерал ФСБ Мурат Зязиков лишь формально был избран на свой пост. Фактически же его путь в президенты был расчищен Кремлем, отстранившим от выборов всех реальных конкурентов. Он был поставлен у власти главным образом для того, чтобы блокировать расползание чеченского терроризма в Ингушетию. При нем впервые в республику были введены федеральные войска армии и спецслужб. Начались так называемые профилактические зачистки подозрительных людей. За полгода, с января по июнь 2004 г., в крошечной Ингушетии с населением в 350 тысяч человек бесследно пропали свыше 100 молодых мужчин. Фактически все родовые подразделения ингушей понесли утраты. Поскольку эти потери непосредственно связываются в общественном сознании с новым президентом, авторитет его, и без того несопоставимый с авторитетом прежнего президента Р. Аушева, падает все ниже, и это на фоне замедления темпов экономического развития Ингушетии, самой бедной республики России. Не приходится удивляться тому, что именно с приходом Зязикова Ингушетия стала вторым после Чечни театром военных действий: 21–22 июня 2004 года вся ее территория была на несколько дней захвачена боевиками, и на сей раз не только чеченскими, но и ингушскими.

Исторически похожая ситуация складывалась в канун распада империй, когда растущая централизация государства способствовала накоплению недовольства в национальных окраинах. Отчужденная от власти национальная элита способна использовать подобные настроения населения, облечь их в этнорелигиозную оболочку и обеспечить тем самым такой уровень сопротивления населения властям, против которого бессильны любые армии.

Неустранимость пороков имперской модели межэтнического общежития и необходимость перехода к гражданской модели культурной интеграции

Сложившаяся в современной России и целенаправленно активизируемая властями имперская модель общежития различных этнических и религиозных групп принципиально несовместима с задачей интеграции народов и культур.

Такая модель не изобилует вариантами политических ответов на вызовы межэтнических кризисов. По сути, ответ всегда один — укрепление «вертика-

ли власти и иерархии народов», ужесточение ответов на «своеволия» групп, находящихся на нижних этажах подобной иерархической конструкции, подавление этнических элит вместо поиска согласия с ними. Все это приводит к накоплению механизмов саморазрушения системы. Доводы защитников этой модели, выражающиеся в том, что якобы на протяжении десятков лет в Советском Союзе она обеспечивала относительный межэтнический мир, на наш взгляд, несостоятельны.

Во-первых, само представление о национальном мире в советское время — это не что иное, как один из распространенных мифов. На самом деле на протяжении всего советского периода существовало сопротивление национальных движений советскому режиму, в том числе и вооруженное, которое либо скрывалось от общества, либо подавалось как проявление «классовой борьбы» (например, подавление сопротивления басмачей в Средней Азии или казаков на Северном Кавказе), «обеспечение безопасности» (депортация десятков народов в 1937–1944 гг.), «борьба с фашизмом» (подавление движений украинских и литовских националистов в конце 1940-х — начале 1950-х) или «пресечение происков мирового империализма» (преследование всех форм национальных движений, включая требования свободы этнической эмиграции, вплоть до середины 1980-х годов).

Во-вторых, к настоящему времени исчерпаны ресурсы, с помощью которых в коммунистические времена удавалось насильственно усмирять национальные движения. Так, ныне властям уже не по силам обеспечить тот уровень информационной замкнутости, который, с одной стороны, создавал иллюзию стабильности в стране, а с другой — лишал национальные движения информации о жизни аналогичных групп в странах с иным, более демократичным режимом. Невоспроизводим и тот уровень насилия, который обеспечивал, пусть на время усмирения национальных движений, тотальный страх как фактор сохранения авторитарной стабильности. Многолетнее использование вооруженных сил на Северном Кавказе привело лишь к тому, что зона этнического и религиозного сопротивления чрезвычайно расширилась и включает сегодня практически все республики региона, кроме крошечной Адыгеи. Анализируя такое развитие событий, лидеры национальных движений других республик все чаще приходят к мысли, что российские вооруженные силы, которые не смогли усмирить несколько тысяч чеченских боевиков, наверняка не справятся с задачей подавления национальных движений в масштабе всех или большей части национальных республик России. Армию боятся, когда она находится в казарме, а если она уже десятилетия безрезультатно воюет, то во многом теряет способность к сдерживанию сепаратизма. Наконец, в нынешних условиях становится неработоспособным главный приводной ремень авторитарной системы — чиновничий аппарат. В былой имперский период чиновник служил государю из веры, из страха, по необходи-

мости, будучи экономически зависимым от правителя. Сегодня не существует ни одного из этих факторов. Чиновники, по сути, приватизировали власть, превратили ее в источник личного дохода и не зависят ни от государства, ни от общества.

В сложившихся условиях традиционная для России имперская модель межэтнического общежития *не может быть улучшена за счет частичных изменений и в перспективе должна быть заменена иной*. На смену ей должна прийти гражданско-политическая модель национальной интеграции, одним из базовых преимуществ которой является способность к саморазвитию, к перенастройке и тем самым к оперативным ответам на вызовы современности.

Гражданско-политическая модель — не панацея от всех бед, а лишь базовое условие культурной интеграции. Многие видные политические антропологи справедливо отмечают, что жесткая дихотомия между гражданскими и этническими компонентами наций является чрезмерным упрощением реальности³⁵. Пожалуй, единственное, в чем единодушны сегодня большинство академических экспертов как на Западе, так и в России, так это в том, что страны не стоят перед необходимостью выбора между гражданским единством и культурным, этническим многообразием. Эти идентичности сочетаемы, но лишь в странах, где существуют развитые гражданские общества³⁶. Важнейшим условием сосуществования гражданской и культурных идентичностей является наличие в стране такой институциональной среды, которая позволяет носителям разных культур ощущать себя равноправными участниками развития государства, т.е. его гражданами, а не послушными подданными некой отчужденной от них власти. Проблема современной России как раз и состоит в том, что она движется к закреплению подданнической модели общества. При этом чем меньше представители всех слоев населения, как большинства, так и меньшинств, ощущают себя гражданами, тем активнее развивается процесс их разобщенности, что ведет к усугублению замкнутости в рамках традиционных культурных сообществ.

Гражданское единство, в принципе, не снимает проблемы взаимоотношений этнического большинства и этнических меньшинств, автохтонных народов и иммигрантских групп. Эта проблема обостряется и в авторитарных, и в демократических государствах. Однако разница между ними в том, что демократические режимы способны к самосовершенствованию, в том числе и за счет обновления репертуара концепций и политических практик, обеспечивающих взаимодействие культур и народов в рамках гражданского общества. В эпоху модерна в странах с республиканским типом политического уст-

³⁵ Smith A. *Theories of Nationalism*. London, 1986, P. 149. См также: Хантингтон С. Кто мы? С. 63.

³⁶ Доклад о развитии человека. 2004. С. 4.

ройства, произошла смена, по крайней мере, трех основных концепций национально-гражданской интеграции.

Исторически первой из них являлась *концепция культурной ассимиляции*. Она возникла во Франции еще в период Великой французской революции и выражалась в лозунге «Одна страна, один язык, один народ», что предполагало, разумеется, не уничтожение различных этнических общностей, проживающих в стране, а их культурную ассимиляцию в условиях равенства гражданских прав. В целом ассимилятивной была и американская модель «плавильного котла». Иммигрантские группы населения США осваивали гражданские нормы на основе не только единого английского языка, но и совокупных норм культуры, так называемого «белого протестантского большинства». Да и в большинстве других западных стран преобладающей стала модель культурной ассимиляции, а модель Швейцарской конфедерации с ее тремя государственными языками была редкостью. Однако со временем все разновидности ассимиляционной концепции доказали свою ограниченность. Во-первых, даже в демократических государствах ассимиляция не носила исключительно добровольного характера и была плодом в той или иной мере целенаправленных усилий государства, что дает основания современным либеральным мыслителям оценивать подобную политику как насильственную, как «культурный империализм в отношении других этнических групп»³⁷. Во-вторых, ассимиляция далеко не всегда приводила к желаемому результату, и зачастую локальные культуры или культуры мигрантских сообществ, которые, казалось бы, слились с культурой этнического большинства той или иной страны, вновь воспроизводились, и в некоторых случаях как оппозиция «культурному империализму».

Со второй половины XX в. культурная ассимиляция стала все более негативно восприниматься вначале элитарными слоями, а затем и широким общественным мнением многих стран мира. Такая позиция нашла свое выражение и в документах международных организаций, например UNDP (Программа Развития ООН). В Докладе этой организации за 2004 г., посвященном культурным компонентам развития человечества, отмечается: «Если XX в. что-то и доказал, так это то, что попытки ликвидировать или просто вытеснить культурные группы вызывают их упорное сопротивление. Признание же существования культурной самобытности, наоборот, приводит к разрядке постоянной напряженности»³⁸. Так или иначе, в современном мире большинство развитых государств и немалая часть развивающихся стран отказались от концепции культурной ассимиляции. Пожалуй, лишь Франция проводит уникальную эт-

³⁷ Kymlicka et Mesure, 2000, p. 158.

³⁸ Доклад о развитии человека. 2004. С. 3.

ническую политику. Такую политику называют культурным централизмом, в противоположность политике культурного федерализма, или культурного многообразия, в других странах ЕС и США. Во Франции не признается существование этнических общностей — есть только граждане, и в этом смысле все французы. Франция, единственная из стран ЕС, не подписала Рамочную конвенцию Совета Европы «О защите национальных меньшинств», как, впрочем, и другие международные документы по этой проблеме, поскольку во Франции нет признанных национальных меньшинств. Однако подобная позиция, напоминающая поведение страуса, не спасает страну ни от корсиканского сепаратизма, который все чаще переходит к террористическим методам борьбы, ни от образования замкнутых этнических, религиозных или расовых анклавов, населенных иммигрантами, ни от многомиллионной поддержки избирателями шовинистов, типа Ле Пэна, и националистических партий.

В большинстве других демократических стран на смену доктрине культурной ассимиляции пришла идея и практика *поощрения культурного многообразия*, получившая название «*мультикультурализм*». Пожалуй, раньше других, еще в 1950 г., она нашла отражение в Конституции Индии, в которой была сделана попытка соединить нормы западной демократии с признанием культурного многообразия страны. Однако первой страной, где официально, в 1971 г., была провозглашена доктрина мультикультурализма стала Канада. Ее примеру в 1973 г. последовала Австралия, а в 1975 г. — Швеция. Концепция мультикультурализма широко представлена в политической практике США. Здесь развита политика поощрения мультикультурного образования. Кроме того, в базовой для Америки доктрине «политической корректности» (*political correctness*) отмечается, что эта страна «выступает за большую терпимость к человеческому многообразию»³⁹. В той или иной форме мультикультурализм вошел в политическую практику Великобритании и большинства других стран Запада.

В России концепция мультикультурализма оценивается преимущественно, негативно. При этом ее критика зачастую напоминает карикатуру и носит некорректный характер⁴⁰. Такая критика не принимает во внимание достижения мультикультурализма в конкретных политических практиках. Не учитывается, например, влияние этой доктрины на те гигантские перемены, которые произошли за сравнительно короткое время (с середины 1960-х до конца 1980-х годов) в Америке в преодолении расового раскола страны⁴¹. Практи-

³⁹ Ле Кодиак Р. Мультикультурализм. С. 38

⁴⁰ См., например: Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова / РАН. Институт этнологии и антропологии; Институт философии. — М., 2002.

⁴¹ Весьма убедительные примеры на этот счет приводит С. Хантингтон, который не является сторонником мультикультурализма и реально оценивает проблему сохранения расовых предрассудков в Америке. (Хантингтон С. Кто мы? С. 474–479).

чески не известен в России позитивный опыт ряда стран Азии и Африки, в которых мультикультурализм стал едва ли не основным фактором выживания новых независимых государств в условиях острейших межплеменных и межобщинных противоречий⁴². Не обращают внимания российские критики мультикультурализма и на то, что его реальные недостатки раньше всего были вскрыты в странах, где такая политика реализовывалась в кругах, выступающих за совершенствование этой идеи с либеральных позиций.

Р. Ле Кодиак показывает, что по поводу мультикультурализма существует два вида критики. Одна, основанная на позиции культурного империализма, защищает привилегии доминирующих групп и отрицает культурную свободу меньшинств. От такой критики мультикультурализм нужно защищать. Вместе с тем мультикультурализм критикуем и с либеральных позиций, и такая критика, по мнению французского антрополога, заслуживает серьезного внимания⁴³. Либеральный взгляд на данную проблему сфокусирован на том, что мультикультурализм способен при определенных условиях усиливать замкнутость культурных групп и порождать искусственные границы между ними, формируя своего рода гетто на добровольной основе. В некоторых же случаях мультикультурализм способствует консервации наиболее архаических черт традиционной культуры, препятствуя свободному развитию личности. Либеральная критика мультикультурализма вызвала к жизни и новые подходы к культурному развитию и национально-гражданской интеграции.

Концепт «культурной свободы» признается большинством специалистов в качестве наиболее плодотворного в современных условиях. Его основные положения сформулировал Амартия Сен, индийский экономист и теоретик либерализма, лауреат Нобелевской премии в области экономики за 1998 г. Любопытно мнение на этот счет Валерия Тишкова, который отмечает: «Я отношусь скептически к высказываниям нобелевских лауреатов не по профилю их занятий, но в данном случае А. Сен прав...»⁴⁴. Добавим от себя, что мы в свою очередь не раз расходились во мнениях с В. Тишковым, но в данном случае целиком разделяем его оценку концепции «культурной свободы» и вклада ее автора.

Базовые, на наш взгляд, идеи этой концепции Амартия Сен сформулировал в Докладе о развитии человека⁴⁵:

- «Вместо того, чтобы восхвалять бездумную приверженность традициям или пугать мир мнимой неотвратимостью столкновения цивилизаций,

⁴² См.: Доклад о развитии человека 2004. С. 5–6.

⁴³ Ле Кодиак Р. Мультикультурализм. С. 49–50.

⁴⁴ Тишков В. Культурное многообразие в современном мире // Диалоги об идентичности / Под ред. Е. Филипповой и Р. Ле Кодиака. — М.: Сеть этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2005. С. 9.

⁴⁵ Доклад о развитии человека. 2004. С. 17–31.

концепция человеческого развития требует уделять внимание роли свободы в культурных (и иных) сферах и путям защиты и расширения культурных свобод».

- «Ограничение свободы, в том числе культурной свободы, отличается многообразием форм». Наиболее распространенной формой такого ограничения является, по мнению Амартии Сена, «исключенность из участия», а также «исключенность по образу жизни».
- «Культурная свобода — это предоставление индивидам права жить и существовать в соответствии с собственным выбором, имея реальную возможность оценить другие варианты». Именно «возможность выбора» является наиболее важной частью концепции «Культурной свободы». А. Сен подчеркивает, что «множество существующих в мире несправедливостей сохраняется и процветает как раз потому, что они превращают своих жертв в союзников, лишая их возможности выбрать другую жизнь и даже препятствуя тому, чтобы они узнали о существовании этой другой жизни».
- «Культурное многообразие» не является самоцелью. Оно может заслуживать одобрения лишь как инструмент реализации культурной свободы, в случаях, когда «благодаря ему расширяется культурный спектр социальной жизни и расширяется возможность выбора. Бывают случаи, когда осуществление культурной свободы может привести к сокращению, а не к расширению культурного многообразия. Это происходит тогда, когда люди приспосабливаются к образу жизни других людей и сознательно делают свой выбор в этом направлении (не сталкиваясь при этом с исключенностью по образу жизни)».

Исходя из последнего постулата концепции «Культурной свободы», можно попробовать представить себе, как в России этнические меньшинства, и прежде всего иммигрантские группы, будут без принуждения, по своей воле, все в большей мере приспосабливаться к образу жизни этнического большинства. В этом случае они смогут воспользоваться русской культурой в качестве основного канала свободного выбора культурных норм и освоения гражданских ценностей. При этом у меньшинств сохранится возможность развития своей этнической культуры. Как показывают опросы, во многих демократических странах приветствуется индивидуальный мультикультурализм: «Подавляющее большинство респондентов в Бельгии считают себя одновременно бельгийцами и фламандцами или бельгийцами и валонами, а граждане Испании — испанцами и каталонцами или испанцами и басками»⁴⁶.

Однако в нынешних условиях вряд ли такой образ жизни будет желателен в России. Как уже отмечалось, не только меньшинства, но и этническое боль-

⁴⁶ Доклад о развитии человека. 2004. С. 4.

шинство России сегодня ограничено в гражданской свободе вследствие «исключенности из участия». Ныне этническое большинство не в меньшей мере, чем меньшинства, заражено культурными архаизмами, этническими предрассудками, фобиями и мифами, выступающими как барьер для интеграции. Некогда Э. Смит полагал, что идея гражданской нации — это идеология этнического большинства, как социального слоя, имеющего электоральные преимущества. Этническую же концепцию чаще поддерживают меньшинства, особенно в случаях, когда возникает угроза самому существованию общности или ощущение насильственного изменения их культуры⁴⁷. В современной России ситуация иная. Сегодня этнические лидеры, выступающие от имени большинства населения, настаивают вовсе не на гражданской, а на имперско-этнократической модели нации. Понятно, что такая модель не может быть привлекательной для этнических меньшинств, как автохтонных, так и иммигрантских. И это обстоятельство еще раз подтверждает, что без радикальных перемен политического климата в России трудно рассчитывать на решение задач органичной интеграции иммигрантских групп в российское общество.

⁴⁷ Smith A. *Theories of Nationalism*. London, 1986.

VII. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Стратегические цели социально-экономического, политического и демографического развития России диктуют необходимость адекватной этим целям миграционной политики, в основе которой лежит масштабное привлечение иммигрантов. Иммиграция может стать важнейшим элементом сдерживания естественной убыли населения Российской Федерации. Иммиграция может явиться и важнейшим источником восполнения потерь населения России в трудоспособных возрастах, поддержания потенциала экономического развития, поскольку потребности российской экономики, нуждающейся в рабочих руках, не имеют внутренних источников пополнения, по крайней мере в среднесрочной перспективе. Имеется множество других социально-экономических, политических аргументов в пользу изменения нынешней миграционной политики, ориентированной на решение иных задач и слабо увязанной с перспективами дальнейшего развития России.

Возможности пересмотра стратегии и трансформации миграционной политики связаны с рядом проблем. Во-первых, миграционная политика обладает известной инерционностью, обусловленной особенностями ее формирования, законодательными, организационными рамками, преемственностью, кадровым составом и т.п. Во-вторых, имеются проблемы внутривнутриполитические: в обществе отсутствует согласие относительно долгосрочных и среднесрочных целей и приоритетов развития страны, на решение которых и должна быть направлена миграционная политика.

Возможно, наиболее значимую роль играют социокультурные ограничения: массовые миграции с полным основанием можно отнести к травматическим социальным изменениям исторического масштаба. При этом наиболее чувствительной к «травме перемен» является культура, как область, где кодируются идентичность и непрерывность развития общества¹.

В рамках активной миграционной политики — коль скоро и поелику попытка такого гипотетического ее разворота будет предпринята — на первый план выходят проблемы успешной социализации мигрантов, их аккультурации. Однако интеграция мигрантов и даже их адаптация крайне затруднены без изменения нынешних общественных настроений.

Имеются и другие социокультурные ограничения, важнейшими из которых являются: специфический исторический опыт и общественные традиции; особенности общественного сознания; специфика формирования социальной модели российского общества; слабые адаптивные возможности части мигрантов, недостаточная включенность этнических мигрантов в

¹ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. — М.: Логос, 2005. С. 475, 477.

повседневный культурный контекст принимающей стороны, отсутствие у них потребности следовать общепринятым образцам и традициям и/или незнание этих образцов и традиций. Некоторые из этих ограничений заслуживают более пристального внимания².

Влияние исторического опыта и традиций

Традиции иммиграции, открытости общества — важнейший фактор успешности миграционной политики³.

Опыт развитых стран Запада — это опыт государств, в традициях которых были свобода выезда и въезда. Россия же не сталкивалась с массовыми потоками иммигрантов со второй половины XIX века, в XX веке, вплоть до распада СССР, став страной эмиграции. Российский опыт нескольких поколений — этот опыт жизни в условиях «железного занавеса», с сопутствующим отсутствием контактов с иностранцами, знакомства с культурами и традициями других обществ⁴.

Таким образом, представления и властей и населения о миграционных процессах и возможностях их регулирования во многом базируются на опыте, обретенном во времена «железного занавеса». Закрытость советского общества, отсутствие укоренившихся традиций иммиграции в России последних полутора столетий самым пагубным образом сказываются сегодня на отношении к мигрантам со стороны принимающего населения, самой тональности и направлениях российских дискурсов о миграционной политике, в которых преобладают алармистские настроения.

Советским опытом навеяны и устоявшиеся *устаревшие представления о действительности административных мер*, механизмов и инструментов, работавших в другой стране и в другое время. Отсюда и постсоветский синдром *доминирования политических и административных соображений над экономическими*, предпочтение, отдаваемое *решению конъюнктурных задач в ущерб долгосрочным*.

Зачастую те или иные шаги в области миграционной политики диктуются *неоимперским мышлением*, при этом клиополитические и геополитические представления часто доминируют над социально-экономическими. (Миграционная политика стала заметным внешнеполитическим ресурсом: введение или

² Развернутый анализ общественных настроений по отношению к мигрантам и адаптационных возможностей мигрантов см. в соответствующих разделах книги.

³ Эти традиции не стоит преувеличивать: в США, стране иммигрантов, постоянно озвучивались тревоги по поводу иммиграции представителей разных этнических групп, периодически вводились ограничения на иммиграцию: китайцев — 1882 г., отдельных категорий иммигрантов — Иммиграционный акт 1917 г., Акт об ограничении иммиграции 1924 г., Акт Маккарена – Уолтера 1952 г. и др.

⁴ Обществ с социальными и политическими институтами, отличными от советских.

угроза введения визового режима, переговоры о реадмиссии, проведение съездов граждан других государств СНГ в период избирательных кампаний в этих государствах прочно вошли в инструментарий российской внешней политики.)

Особенности общественного сознания

Транспарентная этничность. В России этническая принадлежность выступает сегодня определяющим маркером отношений «свой — чужой». В-первых, этническая принадлежность для большинства россиян является «наиболее прозрачной и потому наиболее востребованной в качестве их идентификации по положению в структуре российского общества вообще и в его социально-культурной организации в частности»⁵.

Во-вторых, многие социальные, политические, экономические проблемы традиционно сводятся к поиску причин, лежащих в сфере этничности и межнациональных отношений. Не является исключением и миграционная политика, испытывающая сильнейшее давление со стороны общественного мнения: «...миграционная политика в России в настоящее время сильно политизирована и этнизирована»⁶. По замечанию И.М. Батыштовой, «мигрантофобия имеет этническую этиологию»⁷.

Ксенофобские настроения разделяет большинство населения России. Это же большинство склонно поддержать целиком или с оговоркой «в разумных пределах» лозунг «Россия для русских!»; отрицательное отношение к нему преобладает только среди этнических нерусских⁸.

Рост ксенофобских настроений, проецировавшихся в первую очередь на мигрантов, социологи увязывают с серединой 1990-х, сопутствующей ломкой институтов, сформировавшихся в советский период⁹. К концу 1995 г. уже почти половина опрошенных (47%) считали, что миграция превратилась в «большую проблему» российского общества («не очень значительной проблемой» ее считали 26% опрошенных, а 17% вообще не думали, что эта тема заслуживает серьезного обсуждения, или отрицали само существование такой «проблемы»¹⁰).

⁵ Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. С. 286.

⁶ Воронина Н.А. Миграция в контексте толерантности // Проблемы правового регулирования межетнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. — М.: Программа ТАСИС, 2004. С. 317.

⁷ Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 1: Приволжский федеральный округ / Под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской. Институт географии РАН; Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — М., 2004. С. 148.

⁸ Левада Ю. «Человек советский»: четвертая волна. Рамки самоопределения // Вестник общественного мнения. 2004. № 3 (71). С. 10.

⁹ Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. № 2 (29). С. 15.

¹⁰ Мониторинг ВЦИОМ, октябрь 1995 г., опрошено 2400 респондентов.

Проведенное в начале 2000-х годов масштабное обследование продемонстрировало наличие существенных сдвигов в общественном мнении, нарастающие фобии по отношению к этническим мигрантам. По отношению к русским переселенцам россияне высказывали достаточно толерантное отношение (84,2 % опрошенных согласились, что Россия должна принимать на постоянное место жительства всех русских ближнего зарубежья, интолерантные установки демонстрировали 10,9% респондентов), хотя в то же время 14% коренных жителей возражали против того, чтобы мигранты, хотя и русской национальности, переезжали в их город, поселок или село, покупали и строили рядом жилье, обустраивались на данной территории. Однако, когда респонденты отвечали на вопрос, должна ли Россия принимать всех желающих приехать из бывших республик Средней Азии и Закавказья, независимо от национальности, против такого подхода высказались почти две трети опрошенных — 64,5%, и еще около 9% уклонились от ответа¹¹. Примерно такие же настроения, достаточно устойчивые и слабо подверженные колебаниям, фиксируются социологами с того времени постоянно.

Рестрикционная миграционная политика поддерживается подавляющим большинством россиян. По данным Аналитического центра Юрия Левады, в июле 2005 года лишь 10% опрошенных россиян полагали, что «Россия нуждается в тех мигрантах, которые приезжают, чтобы остаться здесь навсегда, стать гражданами России», 15% считали, что «Россия нуждается в тех мигрантах, которые приезжают только на заработки, но не остающихся здесь», и лишь 8% — что «Россия нуждается и в тех, и в других мигрантах». Основная часть (43%) считает, что «Россия не нуждается ни в тех, ни в других мигрантах», еще 24% респондентов затруднились ответить¹².

Мигрантофобии принимающего населения становятся составной общественной настроений, способствуя закреплению патологических явлений в общественном сознании.

Важную роль играет то обстоятельство, что в общественном сознании *гражданская идентичность замещается этнической*. В российских дискурсах о мигрантах их гражданская идентичность — определяющая в развитых странах Запада¹³ — подменяется этнической идентичностью. Во время вышеупомянутого обследования Левада-Центра выяснилось, что 57% респондентов согласились бы с запретом на пребывание в их городе или районе всех приез-

¹¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения — РМЭЗ (RLMS), 10-я волна, октябрь 2001 г. Более подробно см.: Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. С. 277–279, 286–287.

¹² Репрезентативный опрос по России, выборка — 2107 человек. Далее, если не оговорено иное, используются данные настоящего опроса (Левада-Центр, 2005).

¹³ По замечанию Е. Гайдара, «в иммиграционных странах с самого начала гражданство отделяется от этнической принадлежности» (Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. — М.: Дело, 2005. С. 468).

жих с Кавказа, включая и российских граждан, прибывающих с Северного Кавказа, еще 23% затруднились в ответе. Во многом такая позиция обусловлена тем, что этничность в обыденном сознании превалирует над гражданской принадлежностью: ксенофобия по отношению к выходцам с Северного Кавказа выше, чем по отношению к мигрантам из Закавказья. Как следствие, «миграционная политика не подчинена задачам законодательного и институционального определения сообщества граждан и легальных постоянных жителей страны. В этом смысле она отличается от западных образцов, в соответствии с которыми ее якобы собираются трансформировать»¹⁴.

Особенности российского менталитета. В российских дискурсах о миграционной политике отражаются и коллективистские представления, и *политизированность мышления*, идущая от советских времен. Представления о доминирующей роли государственных интересов (в ущерб групповым и личным) являются базовыми: отношение к мигрантам основывается в первую очередь на абстрактных соображениях о государственной необходимости.

Политизированность мышления сочетается с крайне неразвитым *экономическим мышлением*: для большинства россиян, как свидетельствуют опросы, политические аргументы и слабо артикулированные страхи более актуальны, чем экономические аргументы, а соображения личной выгоды от притока мигрантов отходят на второй или даже третий план. (Хотя часть россиян отдает себе отчет в позитивных последствиях притока мигрантов: «мигранты работают на таких работах, на которые не идут коренные жители» (19% респондентов), «мигранты работают, в то время как наши пьянствуют и бездельничают» (16%), «мигранты — это дополнительные рабочие руки, которые нужны России» (15%), «без мигрантов цены на товары и услуги были бы еще выше» (5%), «благодаря мигрантам выживает небогатое коренное население» — 4%).

Давние традиции *имеет упрощенческий взгляд на социальные процессы*, восприятие населением и властями сложных социальных процессов в черно-белом свете. (В Интернете представлены сотни страниц публикаций и дискуссий на тему «Миграция: благо или зло для России?».)

Среди специалистов и практиков распространены представления о жесткой экономической детерминированности миграционных процессов, о мотивации к миграции с позиций рационального выбора индивидуума. Недооценка социальных факторов принятия решения об эмиграции, новых условий развития экономики России, формирующей устойчивый спрос на иммигрантский труд, сочетается с преувеличением возможностей регулирования миграционных потоков.

¹⁴ Осипов А. Что в России означает понятие «регулирование миграции»? // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. — СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. С. 43.

Отсюда стремление к поиску чудодейственных простых решений: «поднять рождаемость, тогда обойдемся без иммигрантов», «платить достойно местному населению, механизировать труд — и не будет нужды в "гастарбайтерах"».

Отсюда непонимание иллюзорности таких подходов: социальные процессы имеют свою природу, с которой нельзя не считаться. В российской же традиции мичуринский подход: нам нельзя ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача.

Особенности правосознания. В российских традициях трактовать закон, как столб, который можно обойти, как дышло, которое можно развернуть в желаемом направлении. В обществе доминирует с советских времен представление о целесообразности, которая может быть превыше закона.

Отсюда кардинально различное отношение в России и на Западе к представителям закона, к правоохранительным органам. Милиция не пользуется ни авторитетом, ни доверием россиян, лидируя в списке властно-административных учреждений и организаций, ущемляющих законные интересы граждан¹⁵.

Низкий уровень институционального доверия к МВД, в составе которого находится Федеральная миграционная служба, создает серьезные препоны для реализации любой миграционной политики, даже рестрикционной.

Специфические проблемы российского правосознания подчеркивает то обстоятельство, что, по данным обследований, сами работники правоохранительных склонны трактовать закон весьма вольготно: в Ростовской и Челябинской областях более половины опрошенных сотрудников ОВД считали, что мигрантов надо наказывать более строго, чем местных¹⁶. Что, кстати, они незаконно и практикуют¹⁷.

Специфика формирования социальной модели современного общества

Особенностью современного российского общества является *функционирование актуальных по форме, но рудиментарных по содержанию институтов*. Одним из них является институт регистрации проживания/пребывания,

¹⁵ В этом списке она уступает лишь учреждениям ЖКХ, а также сферы обслуживания и торговли. По данным цикла исследований Аналитического центра Юрия Левады, 2004 г. (Гудков Л., Дубин Б., Леонова А. Милицейское насилие и проблема «полицейского государства» // Вестник общественного мнения. 2004. № 4 (72). С. 33).

¹⁶ Трудовая миграция в России: проблемы работы органов внутренних дел (результаты научных исследований) — Ростов-на-Дону: Тера, 2005. С. 55, 64.

¹⁷ Медики считают, что мигранты становятся типичными объектами агрессивного отношения милиции, становясь жертвами насилия работников МВД (Гудков Л., Дубин Б., Леонова А. Милицейское насилие и проблема «полицейского государства». С. 42; Опрос Аналитическим центром Юрия Левады в июне 2004 г. медперсонала (619 человек) в 42 городах страны).

не выполняющий свои основные функции учета и контроля, но остающийся до сих пор основным инструментом миграционной политики.

В советские времена этот институт — как инструмент миграционной политики — был достаточно эффективен, сегодня он не работает. Точнее, работает, но весьма специфичным образом: основной функцией этого института стала латентная экономическая функция — при желании получить регистрацию пребывания несложно. (Обследования в регионах Поволжья и в Москве показали: все респонденты утверждают, что это вопрос денег и времени. Среди мигрантов азербайджанского происхождения в Москве и Астрахани регистрацию имеют 74%, в Самаре — 54% опрошенных¹⁸).

Институт прописки (регистрации) подвергся коренной трансформации по сравнению с советским периодом:

- нарушен баланс между правилами игры и контролем за их соблюдением: первые играют все меньшую роль, значение последнего одновременно возрастает;
- сужается поле действия формальных правил, тогда как неформальных — расширяется;
- функции учета и контроля за передвижением и пребыванием граждан подменяются контролем за документальным обоснованием легитимности пребывания; имитация деятельности социального института есть его дисфункция;
- регистрация превратилась в рыночный продукт, а институт регистрации — в рынок, с соответствующими транзакционными издержками для мигрантов.

Нельзя признать нормальной ситуацию, когда институт существует, но действует не так, как должно, или совсем в противоположном направлении, когда его функционирование подменяется имитацией деятельности.

Наиболее существенно, что существование регистрации — в нынешнем виде — закрепляет практику несоблюдения социальной нормы, а сама эта практика благодаря широкому распространению становится правилом, институализируется — имеет место *институционализация отклонения от правил*, по терминологии П. Штомпки¹⁹. Что, в свою очередь, расширяет пропасть между нормами законодательства и морали (*нормативная антиномия*).

Другим важнейшим компонентом современного социального устройства становится этническая дискриминация. Ее можно рассматривать как частный случай этнической напряженности и этнического насилия низкой интенсивности, для которого характерна рутинность и привычное знакомство с репертуаром насилия²⁰.

¹⁸ Обследования Института социологии РАН в Астрахани и Самаре в 2005 г.

¹⁹ Штомпка П. Социология. С. 451.

²⁰ Здравомыслов А.Г., Цуцнев А.А. Этничность и этническое насилие // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 43.

Наиболее распространена дискриминация в сфере занятости, на рынке найма жилья²¹. Быстрота и успешность доступа на рынок труда — один из важнейших факторов успешной интеграции. Напротив, сложности вхождения на рынок труда затрудняют аккультурацию и интеграцию мигрантов, способствуя их сегрегации.

В частном секторе, по сложившемуся мнению, дискриминация менее распространена, чем в бюджетных организациях. Представители меньшинств, в силу ужесточения порядка в государственных организациях, выталкиваются в частный бизнес, теневую экономику: «Малый бизнес... Люди, которые дискриминированы в других сферах, идут туда. Им деваться некуда»; «в малый бизнес не берут, туда сами идут» (Самара, 2004²²).

Частный бизнес и теневая экономика становятся вынужденным уделом мигрантов, так как общественное мнение категорически против их доступа к иным сферам занятости (да и в частный бизнес их доступ не приветствуется — более половины респондентов, опрошенных в июле 2005 Левада-Центром, выступают против). Частный сектор представляется для них практически единственной возможностью проникновения на рынок труда²³.

Сегодня частный бизнес и теневая экономика выполняют для иноэтничных мигрантов роль альтернативных каналов социальной мобильности, подобно тому, как аналогичные функции в США в свое время выполняли политическая машина и рэкет. (Р. Мертон писал о роли политической машины и криминального бизнеса как альтернативного института обеспечения социальной мобильности: «...в этих условиях социальной структуры политическая машина выполняет существенную функцию обеспечения социальной мобильности для лиц, поставленных в неблагоприятное положение. В этом контексте даже продажная политическая машина и "рэкет" представляют собой триумф аморальной изобретательности над морально предписываемым "поражением", когда каналы вертикальной мобильности закрыты или сужены в обществе, которое уделяет большое внимание экономическому процветанию (власти) и социальному продвижению всех его членов»²⁴).

²¹ Более подробно см.: Мукомель В.И. Миграционная политика России: постсоветские контексты / Институт социологии РАН. — М., 2005. С. 228–247.

²² Обследования Института социологии РАН в Астрахани и Самаре в 2004 г.

²³ В определенном смысле это не худший вариант: как показал Ю.В. Арутюнян, частный сектор имеет безусловные преимущества перед государственным в плане социальной мобильности. (Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований / Институт этнологии и антропологии РАН. — М.: Наука, 2003. С. 44).

²⁴ Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. — М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. С. 456. Р. Мертон приводит слова У. Уайта: «Политика и рэкет оказались важными средствами социальной мобильности для лиц, которые в силу этнической принадлежности и низкого социального статуса не могли продвигаться по "респектабельным каналам" (Там же. С. 457).

Однако в общественном восприятии эта вынужденность трансформируется в осознанный выбор, диктуемый национальной традицией: «это традиция от предков, специализация нации»; «играет роль менталитет этих людей» (Самара, 2004); «есть же какая-то историческая судьба у народов: кто-то рыбу ловит, кто-то овощами торгует или продает, кто-то занимается наукой» (Астрахань, 2004).

Устойчиво мнение, что в силу названных причин кавказцы целенаправленно ориентированы на торговлю, сферу обслуживания, где они достаточно успешны.

Складывается замкнутый круг: отторжение мигрантов принимающим населением и властными структурами (наряду с объективными обстоятельствами, ограничивающими доступ мигрантов к достойному труду) формирует специфические социальные практики включения мигрантов в местные рынки труда, их функционирования на этих рынках.

Практически в частном и государственном секторах, в разных отраслях, регионах действуют относительно автономные, независимые системы социальной стратификации и мобильности. По важному замечанию Т.И. Заславской, наличие таких автономных систем разрушает традиционные институты восходящей мобильности²⁵.

Дискриминация тесно связана с *этносоциальной стратификацией*. Взаимоотношения местного населения и различных групп этнических мигрантов определяются взаимными представлениями об «этнической иерархии»²⁶ или «этническом статусе»²⁷, хотя, возможно, точнее говорить об «этносоциальном статусе»²⁸. Причем этническая стратификация включает не только этническую иерархию, но и способы воспроизведения этого неравенства, передачи его от поколения к поколению, а также восприятие обществом, социальную оценку рассматриваемых этнических различий²⁹.

²⁵ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. — М.: Дело, 2002. С. 541.

²⁶ Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. — Пенза: ПГАСА, 2003. С. 70.

²⁷ Лебедева Н.М. Этническая толерантность в регионах России: теория и практика // Этнопанорама. 2005. № 1–2. С. 6.

²⁸ Р.Р. Галлямов предлагает такую дефиницию: «Этносоциальная стратификация — это непрерывно развивающийся процесс, основанный на структурированном и иерархизированном неравенстве этнических групп, способах передачи этого неравенства от одного поколения к другому и его социальной оценки индивидуумом и обществом в целом» (Галлямов Р.Р. Этносоциальная стратификация общества: теоретические подходы и концептуальная модель // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии / Отв. ред. М.Н.Губогло. Ин-т этнологии и антропологии РАН. — М.: Наука, 2005. С. 193. Примерно в таком ключе этносоциальный компонент статуса меньшинства рассматривается в: Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. — СПб.: 1999. С. 39; Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. — Ростов-на-Дону, 2003. С.109.

²⁹ Галлямов Р.Р. Этносоциальная стратификация общества: теоретические подходы и концептуальная модель. С. 193.

В сфере занятости идет процесс стратификации этнических групп (по крайней мере, в строительстве, торговле, общественном питании), выстраивания их иерархии, как и иных социальных групп, когда представителям меньшинства отведена вполне определенная социальная ниша. Ни большинство, ни другие меньшинства, ни власти не приветствуют попытки покинуть эту нишу. Эксперты-азербайджанцы отмечали, например, что негативное отношение к азербайджанцам часто усиливается именно тогда, когда они начинают органично вписываться в московскую среду: стремясь покинуть старую нишу (например, рыночную торговлю), они не могут найти себе новую, наталкиваясь на административные и иные препоны (Москва, 2004).

При этом представители отдельных меньшинств, признавая этносоциальную стратификацию как данность, находят своеобразные формы закрепления в конкретной нише занятости. Во время фокус-группы с таджикскими рабочими (Самара, 2005) выяснилось, например, что они, получая чрезвычайно выгодный заказ на работы, которыми заняты преимущественно местные строители, передают их местным, избегая конкуренции и конфронтации: «Основная кирпичная кладка, если мне даже дадут на уровне местных (имеется в виду оплата), я не возьмусь. Это национальная политика — их работа. Я туда не лезу никогда». Аргументация: «Русский брат обидится. Основная наружная кладка — это работа местных. Если даже работа стоит, если даже мои люди без работы сидят, я туда не полезу». (В свою очередь, местные строители передают невыгодные заказы таджикским.)

Такого рода взаимоотношения таджикских и местных строителей укладываются в объяснительную схему П. Бурдьё: «Категории перцепции социального мира являются в основном продуктом инкорпорации объективных структур социального пространства. Вследствие этого они склоняют агентов брать социальный мир, скорее, таким, как он есть, к принятию его как само собой разумеющегося, нежели восставать против него и противопоставлять ему различные — даже антагонистические — возможности. Чувство позиции, как чувство того, что можно и чего нельзя "себе позволить", включает в себе негласное принятие своей позиции, чувство границ ("это не для нас") или, что сводится к тому же, чувство дистанции, которую обозначают и держат, уважают или заставляют других уважать — причем, конечно, тем сильнее, чем более суровы условия существования и чем более неукоснителен принцип реальности. (Поэтому глубокий реализм, которым чаще всего характеризуется видение социального мира у занимающих подчиненное положение, функционируя как некоего рода социально установленный инстинкт самосохранения, может казаться консервативным лишь относительно внешнего, а значит, нормативного представления об "объективном интересе" тех, кому этот реализм помогает жить и выживать)»³⁰.

³⁰ Бурдьё П. Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. С. 65–66.

Для большинства таджикских временных трудовых мигрантов характерна стратегия адаптации, которую П. Сорокин определял как псевдоидеациональную, и для которой характерна минимизация духовных и телесных потребностей, навязанная внешними силами³¹. («Те, кто знаком с нуждой, угнетением, несправедливостью, у кого связаны руки и ноги и они бредут, куда им велят, кто ничего не может сделать, чтобы изменить свое положение (рабы, крепостные, иждивенцы, чернорабочие), поняли бы, что значит псевдоидеациональная адаптация»³².)

Ограниченные возможности социальной мобильности мигрантов затрудняют их аккультурацию и тем более интеграцию. Как подчеркнул один из экспертов, «образцы, которые берутся на вооружение, обусловлены той непосредственной средой, в которой варится данный индивидуум, данная группа. Вульгарная среда накладывает отпечаток на человека, не привыкшего к городскому образу жизни. Это создает новые дистанции» (Москва, 2003). В то же время, по важному замечанию Т. Парсонса, «для человеческой личности наиболее важная *стимулирующая ситуация* — социальное и культурное окружение, в котором личность функционирует. Именно оно и является решающим моментом процесса социализации начиная с самых ранних его этапов»³³.

В свою очередь, слабая адаптация отдельных мигрантских меньшинств к принимающему обществу вновь и вновь запускает маховик дискриминации. Устранение дискриминации — важное условие социальной адаптации мигрантов, перевода части социокультурных различий между мигрантами и принимающим населением из разряда «значимых» в «незначимые», повышения социальной мобильности этнических мигрантов.

В противном случае неизбежна *институционализация этносоциальной стратификации*. Для этого имеются все основания: этносоциальная стратификация становится практически единственной основой стратегии кооперации принимающего населения и этнических мигрантов.

Социальная конвенция, основывающаяся на такой стратификации, может быть относительно эффективна в краткосрочной перспективе, однако она не отвечает долгосрочным целям развития российского общества, так как специфическим образом канализируя общественные коммуникации и социальные связи, видоизменяя социальные ценности, воссоздает контуры *сегментированного общества* с соответствующим нарастанием конфликтного потенциала, подрывающим основы формирующегося гражданского общества.

³¹ Сорокин Питирим. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. — СПб.: РХГИ, 2000. С. 50.

³² Там же. С. 65–66.

³³ Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. — М.: Академический проект, 2002. С. 59.

Слабость институтов гражданского общества в России является одной из ключевых проблем. Многие нюансы трансформации миграционной политики, российских дискурсов, ее сопровождающих, общественных настроений не могут быть поняты без учета слабости институтов гражданского общества, неразвитости гражданского самосознания и отсутствия традиций гражданского контроля в России.

Слабость институтов гражданского общества в России, *отсутствие традиций гражданского контроля* прямо сказываются на нетранспарентности разработки миграционной политики, ее имплементации. Сегодня отсутствуют основные условия успешности выработки миграционной политики: последовательность, ясность и скоординированность действий властей и общества, общественные дебаты³⁴.

С отсутствием традиций гражданского контроля тесно связано и различное отношение в России и на Западе к оценке эффективности миграционной политики: не в российской традиции следить за расходованием средств бюджета. Опыт россиян — это опыт подданных, но не граждан — налогоплательщиков.

В России не сложились традиции гражданского контроля за действием властей: чиновник зависим от вышестоящих властей, но не от общественного мнения. Отставка, извинения за публичные высказывания, выходящие за конституционные рамки или рамки общественных норм, как результат давления институтов гражданского общества — это практика стран Запада, но не России. Отчасти это обусловлено и тем, что понятия об общепринятых нормах в российском обществе не устоялись. В России и на Западе совершенно разные *традиции политической культуры*: разные представления о том, что приемлемо и прилично в публичной сфере, в публикациях СМИ и действиях властей, иное отношение к репутации и ответственности — как личности (особенно человека публичного), так и социального института. *Экспансия культуры цинизма* становится серьезной проблемой социального развития.

В России, в отличие от развитых стран Запада, не сложились традиции *социального диалога*. Чтобы оградить политику в области миграции от популистских политических требований, необходим диалог, способный привести к социальному консенсусу. Социальный диалог способен помочь в формировании эффективной политики, пользующейся всеобщей поддержкой; большинство стран, внося в законодательство изменения, касающиеся национальной иммиграционной политики, регулярно консультируются с представительными организациями работодателей и работников³⁵.

Наконец, значительная часть проблем интеграции мигрантов, согласования интересов различных социальных групп решается в развитых странах не на на-

³⁴ К стратегии управления миграцией / Совет Европы. — Страсбург, 2003. С. 24.

³⁵ За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике: Доклад на VI Международной конференции труда. 92-я сессия, 2004 г. / Международное бюро труда. — Женева, 2004. С. 117. www.ilo.org/publus

циональном уровне, а на уровне органов самоуправления, которое в России находится в зачаточном состоянии.

Незаполненное пространство между публичной сферой политики и частной жизнью семьи, которое обычно заполняют добровольные объединения (*социологическая пустота*), способствует гражданскому невниманию к сложившимся дискриминационным социальным практикам, проблемам обеспечения социальных, экономических, отчасти и культурных прав мигрантов. Немалую роль играет также *эрозия норм социальных коммуникаций и социальных ценностей*: уйдя от норм и ценностей советского периода, российское общество не пришло к другим, принятым в демократическом обществе.

Огромна *разрыв между законодательством и правоприменительной практикой*, традиционный для российского общества («судить по закону или по понятиям?»)³⁶. При таком отношении российских граждан к закону, а властей — к правоприменению достаточно сложно обеспечить законопослушность иммигрантов, работодателей, населения.

Серьезные проблемы возникают в связи с организационным обеспечением миграционной политики, передачей функций в систему МВД. Для сотрудников этого ведомства характерны специфический менталитет, специфическое образование, нормы поведения и взаимоотношений, основанные на субординации, специфический процесс принятия решений и оценки эффективности работы. Вышеназванные факторы играют огромную роль: сотрудникам МВД достаточно сложно понять, что социальные процессы, стохастические по своей природе, требуют просчета всего спектра возможных последствий принимаемых решений, что результат может быть не совсем (или совсем не) адекватным задумкам.

Групповое мышление сотрудников данного ведомства и такие его изъяны, как чрезмерная сплоченность и солидарность внутри группы, ее изоляция от окружения и замкнутость в собственном кругу, становятся серьезным социокультурным ограничением проведения миграционной политики и интеграции мигрантов.

Важную роль играет ведомственная лояльность — корпоративность расценивается как один из важнейших признаков профессионализма. М.Л. Тюркин, замруководителя ФМС России, полагает, что вторым по значимости признаком высокого уровня профессионального образования и корпоративной культуры является «выраженная корпоративная направ-

³⁶ В России законодательство формировалось «сверху», не всегда учитывая сложившиеся традиции социальных отношений, культуру и общественную мораль. Однако сама по себе «норма не образует права; она либо выводится из реально сложившихся отношений, либо представляет собой попытку создания необходимых правовых отношений. Когда такого рода попытка не приводит к желаемым отношениям, то это означает отсутствие и права». (Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т.2 /Национальный общественно-научный фонд / Рук. научного проекта Г.Ю. Семинин; гл. ред. В.Н. Иванов. — М.: Мысль, 2003. С. 239).

ленность личности» (на первом месте — общий кругозор, на последующих — уровень профессиональной подготовленности и компетентности, эрудиции, творческое отношение к труду, коммуникабельность среди коллег, потребность в самообразовании, пристрастие к исследовательской работе³⁷).

Корпоративность, в представлении работников милиции, исключает общественный контроль над ведомством: две трети опрошенных милиционеров высказались против усиления контроля за действием милиции со стороны общественности, половина не согласна с утверждением, что деятельность милиции необходимо сделать более открытой для общественности³⁸.

Некоторые особенности группового мышления фиксируются социологами. В частности, работники правоохранительных органов демонстрируют более высокий уровень ксенофобии, чем окружающая их социальная среда: во время обследования 2003 г. 23% опрошенных жителей Ставропольского края заявили о своем негативном отношении к представителям других национальностей, тогда как среди опрошенных сотрудников правоохранительных органов — 34%. О своем положительном отношении к представителям других национальностей заявили 46% граждан и 18% работников милиции³⁹.

Кавказофобия среди сотрудников МВД более распространена, чем среди населения: две трети опрошенных милиционеров в декабре 2005 г. отмечали свое враждебное отношение к приезжим кавказцам⁴⁰.

В Ростовской области сотрудники ОВД склонны к более жестким мерам по отношению к мигрантам, чем местное население: 21,3% опрошенных считают, что надо препятствовать въезду мигрантов (среди населения — 13,9%), 56,6% полагают, что надо ограничить въезд мигрантов (среди местных жителей — 36,5%); ни один сотрудник ОВД не отметил подсказку «разрешить въезд, но контролировать деятельность мигрантов и их взаимоотношения с местным населением» (среди населения — 40,3%)⁴¹.

³⁷ Ссылаясь на данные анализа деятельности 450 сотрудников, М.Л. Тюркин полагает, что высокий уровень профессионального образования и корпоративной культуры руководящего состава демонстрируют 15,5% сотрудников, удовлетворительный — 77,0%, посредственный — 7,7% (Тюркин М. Л. Миграционная система России: Монография. — М.: Издательский дом «Стратегия», 2005. С. 148–149).

³⁸ Опрошено 634 сотрудника МВД в 41 городе России, декабрь 2005, Левада-Центр. (Гудков Л., Дубин Б. Приватизация полиции // Вестник общественного мнения. 2006. № 1. С. 69).

³⁹ Тягаенко Ю.В., Ступницкий А.И. Фактор многонациональности и специфика преступлений на территории Ставропольского края в зеркале общественного мнения // Миграция в России: социальные и правовые аспекты проблемы. Сб. науч. статей. — Ростов н/Д: ООО «Терра», 2004. С. 93.

⁴⁰ Гудков Л., Дубин Б. Приватизация полиции. С. 71.

⁴¹ Денисова Г.С., Контарев А.А. Проблемы современной миграции в Южном федеральном округе Российской Федерации (на примере Ростовской области) // Миграция в России: социальные и правовые аспекты проблемы. С. 79.

Резюме

Миграционная политика подвергается критике с разных позиций. Сторонники политики привлечения иммигрантов исходят из долгосрочных экономических, демографических и политических интересов России, апеллируют к позитивным стратегическим проекциям. Их аргументация базируется скорее на перспективных вызовах и угрозах, нежели на современных («будет лучше, если...»).

Их противники, более озабоченные социальными и этноконфессиональными последствиями миграций, являются сторонниками жесткой линии в области миграционной политики, рассматриваемой в контексте изоляционистской ориентации на русское/православное культурное ядро. Чувствительные к социально-культурным аспектам, они акцентируют внимание на сегодняшних вызовах и угрозах («плохо, потому что...»), игнорируя проблемы завтрашнего дня.

Парадокс в том, что правы и те и другие: долгосрочные цели и задачи развития России, диктующие необходимость привлечения мигрантов, наталкиваются на объективные социокультурные ограничения.

Судя по результатам опроса Левада-Центра, среди россиян преобладает жесткое неприятие интеграции мигрантов в социум. Среди респондентов выделяется относительно немногочисленный контингент тех, кто «не относится отрицательно к притоку мигрантов» (28% респондентов). Однако 20% из них согласны с запрещением пребывания на территории города/района приезжих с Кавказа и 16% — приезжих из Средней Азии (еще 35% не определились с ответом). Среди них также много выступающих против владения мигрантами собственностью, против доступа мигрантов на рынок труда — 22% таких респондентов, вроде бы позитивно относящихся к мигрантам, против того, чтобы мигранты работали по найму, 30% — чтобы мигранты работали в бюджетной сфере. Их лояльность к мигрантам носит абстрактный характер⁴².

Похоже, что доля тех россиян, кто действительно настроен толерантно к мигрантам, не превышает 25% — это тот потенциал, на который можно опереться при проведении активной миграционной политики, это люди, готовые поддержать политику интеграции иммигрантов⁴³. Не внушает оптимизма и то, что на смену достаточно толерантной молодежи конца 1980–1990-х годов приходят совершенно другие когорты, социализированные в другом социокультурном контексте⁴⁴.

Необходимость учета общественных настроений, особенностей общест-

⁴² П.М. Козыревой подмечено, что «когда абстрактная постановка вопроса заменяется конкретной, приверженность россиян толерантным взглядам нередко снижается и растет неприязнь или раздражение». (Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. С. 278).

⁴³ По мнению П.М. Козыревой, доля лиц, придерживающихся толерантных взглядов, сравнительно небольшая — 26,4%. (Там же. С. 287).

⁴⁴ Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. № 2 (29). С. 18.

венного сознания, сложившейся институциональной структуры не означает жесткой обусловленности миграционной политики вышеназванными внешними условиями. Изменение общественного сознания и институциональной структуры — процесс долгосрочный⁴⁵. В то же время стоящие перед страной задачи слишком серьезны, чтобы оттягивать непопулярные решения: в конце концов, «политики, не имеющие четкой программы в области миграции, рискуют показаться лицемерами и потерять поддержку общественности, отдав политику в руки экстремистских групп давления»⁴⁶.

Социальная политика, каковой и является миграционная политика, не может удовлетворить интересы всех заинтересованных групп и социальных слоев. По справедливому замечанию Л.И. Якобсона, «успешная социальная политика — не "дама, приятная во всех отношениях", а комплекс мер, положительные последствия которых перевешивают отрицательные с точки зрения эффективности и справедливости. Находить баланс, разумеется, трудно, а если не замечать издержек и противодействующих интересов, то вообще невозможно»⁴⁷. Тем не менее другого выхода нет.

Как и любой другой вызов, иммиграция в известной мере угрожает социальной стабильности в ближайшем будущем. Конструирование эффективной политики интеграции, являющейся ключевым и одновременно наиболее уязвимым звеном политики в отношении иммигрантов, становится социально значимой проблемой, выходящей за рамки собственно миграционной политики.

Важно тщательно продумать политику интеграции иммигрантов, адаптации трудовых мигрантов (с учетом реальных, а не мифических интересов принимающего населения), борьбы с негативными проявлениями этнической дискриминации. Нужно только не откладывать решение этих насущных проблем в долгий ящик: распространенность социальных практик дискриминации иммигрантов, институализирующаяся этносоциальная стратификация, сегментация российского общества по этническому основанию уже сегодня угрожают его существованию.

⁴⁵ По замечанию Е. Ясина и А. Яковлева, «опыт XX столетия показывает, что для значимых изменений институциональной структуры, включая неформальные институты и социальные практики, даже при благоприятных обстоятельствах требуется как минимум 30–40 лет» [выделено авт.] См.: Ясин Е., Яковлев А. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики. Начало проекта. — М.: ГУ — ВШЭ, 2004. С. 37.

⁴⁶ За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. С. 115–116.

⁴⁷ Якобсон Л.И. Институты социальной политики: от «мягкости» к достижимым изменениям // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. / Отв. ред. Е.Г. Ясин; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: ГУ — ВШЭ, 2005. Кн. 2. С.10.

Для заметок

Для заметок

НУЖНЫ ЛИ ИММИГРАНТЫ РОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ?

Под редакцией
В.И. Мукомеля и Э.А. Паина

Подписано в печать 14.04.2006
Печать офсетная

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 923 33 13, 924 26 25
Факс: (495) 923 28 58